

*...узнать город
и умереть*

21+ ADULTS ONLY

Андрей УТКИН

ТЕНЬ ГОРОДА

Бывает такое, что вы проснулись, вышли из дома, а на улице полная тишина: на дорогах пусто? Нет этих вечных, надоедливых пробок. Более того: я сейчас скажу наверно что-то изумительное, но вы подумаете, что мальчик начитался фантастики (постапокалиптического толку). Однако, я хотел сказать, что на улице нет даже простых прохожих.

Нет, конечно, фантастики я не начитался. Просто я хотел сказать, что всему есть объяснение. Ну, по крайней мере, должно быть. И то, что будет описано в моём сюжете, не постапокалипсис. Я это говорю потому, что обычно не прибегаю к каким-то клишированным фабулам.

То, о чём я повествую, на постапокалипсис похоже только внешне. Но я опять себе представляю, что вы скажете: «Мальчик говорит эзоповым языком? О, как это потрясающе!»

Тем не менее, это не фантастика и не постапокалипсис. Просто я стараюсь избегать бэушных историй. Типа про попаданцев, у которых нет других занятий, кроме как попадать в странные или искажённые вселенные, пинать в них балду и затягивать это дело на четыреста страниц. То есть, помогать автору, чтобы он уложился в книжный формат, а не чтобы сумел объяснить, зачем и почему он туда направил своих персонажей.

Андрей Андреевич Уткин

Тень города

История I Мистический пистолет

Обычно Славик не любил заходить в старые-нежилые дома, но он подслушал чей-то разговор по телефону и решил, что в том пустынном одноэтажном бараке, про который по телефону разговаривали, можно неплохо пожить. Конечно, он догадывался, что подслушанный им телефонный разговор, может являться обыкновенным трёпом и не обязательно верить на слово неизвестным ему людям, но решил зайти на всякий случай в этот барак и проверить: а вдруг он действительно сможет в нём найти что-то интересное.

Как Славиком и ожидалось, здание было наполнено мусором. То есть, специально пытаться в нём что-либо найти — бессмысленное занятие. И он уже собрался выходить из этого старого барака, как случайно наткнулся на этот пистолет. Славик даже поначалу показалось, что пистолет ненастоящий. Тем более, что он лежал в горах детских игрушек. Наверняка такой же кукольный и сделан для стрельбы из пистонов. Так, что паренёк собрался через него уже перешагивать и выйти на улицу, как, вдруг, в голове что-то у него щёлкнуло. Всё-таки он решил наклониться и поднять.

По весу пистолет не был похож на игрушку для детей. Славик даже вытащил из него магазин. Просто, чтобы проверить, есть ли внутри него патроны или нет, будет он стрелять или не будет. Патроны в магазине наличествовали. И Славик вставил его назад в рукоятку и деланно прицелился. Дескать: не пострелять ли по бутылкам? Но не для этого он входил в дом. Славик больше желалось бы продать эту «пушку» и получить за неё деньги. То есть, чтобы побыстрее отдать долги.

Слава, конечно, предполагал, что пистолет может принадлежать преступникам. И он не зря так случайно наткнулся на телефонный разговор (позвонил через уличный автомат и, как будто с телефонной линией что-то случилось, услышал через трубку, как двое мужиков о чём-то беседуют), потому что Славика постоянно черти куда-то заносят. Но у него в голове не укладывалось: какой дурак будет оставлять оружие на самом видном месте. А что, если в этот барак залезет второй такой же дурак? Например, захочет облегчиться и тут же найдёт эту улику, чтобы сильно обрадоваться: «О, кто-то кого-то замочил и бросил «пушку»? Наконец-то я могу хоть чем-то помочь полицейским. С детства мечтал быть милиционером и ловить бандитов».

То есть, когда Слава Облаков выходил из здания, то он не задумывался не только над тем, чтобы отнести этот пистолет в полицию, но даже не вспомнил про перчатки. Про то, что, если пистолет может принадлежать преступникам и они работали в перчатках, то он будет первым, кто оставит на нём свои отпечатки пальцев.

Поскольку Славик поднял пистолет, находясь за углом, и сейчас огибал этот угол, за поворотом которого находилось крыльцо с болтающейся на одном шарнире входной деревянной дверью, то он совершенно не ожидал, что дверь эта будет закрыта. Наверно кто-то специально её закрыл и задвинул засов, потому что всё, что со Славиком сейчас происходит, чей-то розыгрыш.

Слава пожал плечами и двинулся в обратную сторону. Он вышел из коридора, ведущего к входной двери, чтобы опять обогнуть этот угол и попытаться вылезти через окно. Если его кто-то и разыгрывает, то, скорее всего, они привидения, обитающие в подобных старых-

нежилых домах. Насколько понимал Славик, то привидения тупые. Например, в данном случае они не понимают, что в окнах выбиты решётки и, чтобы подпереть дверь снаружи дома, нужно успеть так же догадаться заколотить окна досками. То есть заколотить внутри дома; конечно, если «привидения» действительно обитают внутри. Не снаружи, а именно внутри, так как снаружи доски выбить легче. Потому что, чтобы выбраться из дома, придётся гвоздодёром воспользоваться. Ну, не будешь же ты тратить «маслята» на какие-то паршивые доски? А гвоздодёр в этих кучах мусора вряд ли сыщется. Так, что Славик, пока будет их перерывать, успеет здорово наглотаться пыли.

Как только Славик обошёл угол, у него чуть глаза на лоб не повылазили. Дело в том, что он сильно ошибся насчёт выбитых решёток. В оконных проёмах действительно торчали решётки, но не деревянные, как изначально предполагалось, а металлические. То есть простые прутья, сваренные крест-накрест и в клеточку; как в тюрьме. И как это он раньше не обратил внимание на то, что в окнах данного барака металлические решётки?

Славе ничего не оставалось, кроме как вернуться к той деревянной двери, которая остановила его первая. Не дай бог на этот раз она окажется металлическая? Не делать же подкоп! Это просто какая-то ерунда...

Покуда длины коридора хватало для того, чтобы разогнаться, то Славик расчистил дорожку от кирпичей и полиэтиленовых пакетов. Он пробежался и толкнул ногой в ту часть, где, между щёлочек, через доски, просвечивался засов. Естественно, пробить эту деревянную-туалетную дверь Славе удалось не с первого удара, потому что перед тем как начать расчищать коридорчик, он пытался плечом её выдавить.

Что интересно: когда Славик занимался всей этой беготнёй и прыжками, он не додумался поставить свой пистолет на предохранитель или хотя бы отложить его в сторонку, чтобы курок не задеть ненароком и тот не «шмальнул» Славику бы по яйцам. Он ведь проверял уже его на пригодность: выстрелил один раз в стену? Пушка так грохнула, что у пацана едва не заложило уши. И была такая сильная отдача, что Славик чуть не шлёпнулся на задницу: там как раз лежала доска с торчащими из неё гвоздями. Пистолет он засунул за пояс и, словно забыл про него.

Когда он вышиб дверь, то первым делом по сторонам осмотрелся. Естественно, вокруг никого не было. Только потом он посмотрел на дверь...

— Чёрт, — проворчал он. — И как же это я сразу не заметил?

Дело в том, что на двери чем-то багровым была выведена надпись:

**«ЭЙ ВАФЛЁР, СТРЕЛЯЙ ОСТОРОЖНЕЕ, ТЫ ЧУТЬ В МЕНЯ НЕ ПОПА
СКАЖИ ЕЩЁ СПАСИБО, ЧТО ЗАДЕЛО РИКОШЕТОМ. Я БЫ ТОГДА ТЕ
НЕДОУМКУ, ЭТОГО БЫ НИ ЗА ЧТО ПРОСТИЛ!»**

Ниже, видимо, стояла подпись:

«Я — ВЫСШИЙ».

Судя по всему, написано было кровью. И, судя по всему, надпись была очень давно сделана. Наверное, — подумал про себя Слава, — кровь принадлежала свинье. То есть, он не боялся того, что увидел. Хотя, и понял, что он не ошибся насчёт привидений — завсегдаев любого дома, в котором вот уже несколько лет не живут. Значит, это привидение Славику

Удобная штука — пистолет. Теперь пятнадцатилетний паренёк может ходить по улицам своего города спокойно, и не опасаться, что двое придурков-старшекласников опять его остановят и начнут по карманам шариться — искать деньги на «травку». Теперь, если отморозки «наедут», он первым же делом вытащит «ствол». С таким видом: попробуй-ка, сперва вот это отбери. Но улицы, каким-то странным образом, были пусты. Даже дети во дворе не игрались. Хотя, уж от кого — от кого, но от детворы Славику всегда никакого продыха не было. Бывает, пишет в тетрадке черновик какой-нибудь повести, окна распахнуты настежь, потому что пот с юного писателя катится крупными «градинами», но под окнами такой противный писк, как будто чайки дерутся из-за рыбины или (Вячеславу такое сравнение больше нравилось) повар по двору гоняется с тесаком за свиньями. Видимо, он же на двери и оставил Славику своё послание.

Конечно, долги ему никакие отдавать не надо. На самом деле, Слава хотел издать какую-нибудь книжечку небольшим тиражом. Просто ему хотелось издать свою собственную, да пораздать по друзьям. А то часто кто-нибудь недоумевает, зачем молодой парень сидит дома: не играет целый день в футбол (тупо не пинает мяч об стену, как делают многие лоботрясы в его возрасте, у которых с девицами не клеится) или не посещает тренажёрные залы. Про долги он подумал с кондачка, а не после того, как прошёл со своей «пушкой» полкилометра и не обмозговал как следует. Он подумал, что должен деньги тем двум дубинам, которые прошлый раз чуть его не избili и пообещали, что, если в следующий раз «бабок» не будет, то они сделают его калекой. «Тогда-то уж тебе точно достанется», — каждый раз обещали они ему на будущее и так часто повторяли, что Славян не только начинал их побаиваться, но и реально свыкся с той мыслью, что он им действительно что-то должен. Поэтому первое, о чём он подумал, взявшись за рукоятку пистолета (он даже не знал, как тот называется — не разобрался в марках стрелкового оружия) и ощутив, что тот не по-детски весит, это, что тут же его продаст и сможет откупиться от двух верзил: «После этого они больше уже ко мне не пристанут. Сначала я им пригрожу, потом незаметно для них продам; спрошу «сколько там копеечек я вам должен», отдам все вырученные деньги и кривенько так усмехнусь: «Я разбогател, уроды, и эти копейки для меня — не деньги. Натё и подавитесь».

После этого он сможет продолжить ухаживать за своей девушкой. Потому что, когда все видят, что два гопника чморят какого-то лоха, то ему (лоху) неудобно продолжать названивать своей знакомой по телефону (всё время, как только Славик набирается духу и пытается ей позвонить, случаются какие-то подлянки; сегодня например он снова звонил девушке, но попал на двух каких-то ребят — от них он про этот барак и подслушал) и он (лох, которого достают гопники) всеми силами хотел бы отложить свою романтику на потом. Наверно, именно из-за этого его хотения и происходят такие подлянки с телефонной линией. Почему происходят — потому что, если Славик звонит своей девушке, за которой ему хотелось бы поухаживать, то, чтобы у них начинал правильно клеиться разговор, ему первым делом необходимо ей объяснить ту причину, благодаря которой двое гопников его травят насчёт денег. Вот, чего он меньше всего хотел кому-либо объяснять, это причину. Почему — потому что, чтобы её объяснить, на это и двух слов не потребуется. То есть, если

Славик, при общении с девушками, двух слов связать не может, то, если бы он пытался своей знакомой что-либо таковое объяснить, то он немедленно поборол бы в себе эти комплексы «немногословности». Он бы сказал: «Один из двух уродов уговаривал меня, чтобы я у него отсосал. Ну, тогда бы они больше не клянчили у меня деньги на травку. А я — возьми, да и поведись! Поняла, почему те уроды меня травят? Если поняла, то давай начнём с тобой тусоваться. Тогда все увидят, что я нормальный пацан и уроды со временем про меня забудут».

Поскольку двое «торчков» Славику по дороге не встретились и он благополучно добрался до своего района, то теперь у него был превосходный повод: не звонить своей девушке на домашний, а войти прямо к ней в квартиру. Хорошо, если она будет одна. Тогда он покажет ей свой пистолет. Мол: «видела? Я нашёл его на улице, собираюсь отнести в полицию. На улице вообще никого нет. То есть, меня никто не видел. Ты не против, если ты будешь свидетелем, если что?» Если она промолчит на всё то, что он ей сказал, то он так же «немногословно» выйдет из её квартиры, и... Главное он уже сделал: произвёл на девушку впечатление. Нет, он, конечно, может всю эту хрень выдать ей и по телефону, но — поставьте себя на его место: кто поверит вам в то, что у вас боевой пистолет, на который вы не имеете лицензии, так как нашли его, чисто случайно, в каком-нибудь старом сарае? Такую «находку» лучше показывать лично. Ну, конечно, если у вас хватит на это духу и, если вам кажется, что вы поссорились со своей девушкой, так как у неё все возможности подозревать вас в том, что вы, как это сказать, нетрадиционной сексуальной ориентации.

Он уже подходил к подъезду в многоэтажный дом своей девушки. Он уже настраивался на то, что дверь будет закрыта на кодовый замок и, поскольку на улицах нет никаких людей, то так он часами может простоять под дверью. И то, что он собирался показать ей лично, придётся словесно «разжёвывать» через домофон. А это будет — ох как нелегко. Девушка Славика ещё более неразговорчива, чем сам Славик во время общения с противоположным полом. Конечно, если есть что-то физическое, то разговаривать совсем уже легко и просто. Если физики нет, то — о чём говорить? О какой-нибудь лирике? О духовном. Или пытаться рассказывать друг другу о своих чувствах? Вот уж, что было бы, ну совсем глупо. Нелепо. — Именно поэтому поговорить им, казалось бы, ну совсем не о чем.

Итак, он уже подходил к её подъезду. Издалека Славик не мог определить, закрыта дверь в подъезд или есть какая-то крошечная щёлочка, как в его собственном подъезде, поскольку дверь не всегда закрывается в нём плотно и, если дёрнуть за ручку, то та легко откроется без использования домофонного ключа. Только, подойдя ближе, он очень сильно обрадовался. Потому, что дверь их подъезда была точно такая же, как и в его доме; то есть, плотно не закрывалась и электромагнит не блокировал эту дверь. Он радостно её распахивал, как в этот момент со Славиком опять что-то странное произошло и теперь он стоял перед дверью, прочно закрытой на кодовый замок.

Если бы то, что произошло со Славиком перед этой дверью, происходило бы с ним впервые, то он бы мог себе что-нибудь вообразить. Например, он мог подумать о том, что сходит с ума, потому что секунду назад ему показалось, что дверь на кодовый замок не закрыта. То есть, это была галлюцинация — так бы он подумал. Но вся разница в том, что это не первый такой случай. Когда он находился внутри старого барака, то у него тоже что-то щёлкнуло в голове. Так же, как сейчас. «Наверно, прошло какое-то время, — подумал Славик, — потому, что в прошлый раз кто-то успел починить деревянную входную дверь (привинтить второй шарнир), задвинуть её на засов и успеть зарешётить окна. Я ведь точно

помню, как подходил к тому бараку. Решёток на окнах никаких не было. А сейчас — что произошло за это время? Дай-ка вспомнить». И он начал копаться в своей памяти, потому что чувствовал: что-то такое в его памяти было.

3

Славину девушку звали Людой. Она действительно была одна, но не бодрствовала, а спала. Она часто лежала на диване, уткнувшись лицом в подушку, и пыталась убивать время. Разбудил её звонок домофона, она нехотя встала, подошла и нажала на кнопку, как всегда ничего не говоря.

— Это я — Слава, — замямлило что-то из динамика. — Ну, мы с тобой как-то давнo общались. Ну, по телефону. А потом я... Это... Ну, в общем, затих.

— А чё ты мне не по телефону... — попыталась та промычать что-то в ответ. — Ну, не позвонил. Или ты перепутал и думаешь, что это типа тоже телефон?

— Со мной странное что-то случилось, — честно признался Славик. Он так чуднo себя чувствовал, что у него даже из головы вылетело то, зачем он хочет напроситься к ней в гости. — Представляешь?! Я сейчас стоял перед дверью в твой подъезд: она была открыта. Я пытаюсь войти, но тут что-то происходит и я опять стою перед той же дверью, но на этот раз она закрыта. Вот. И поэтому я звоню в домофон. А так — я бы и сам легко зашёл.

— Чего? — совершенно прослушала она всё то, что он ей пролепетал. Жалко; не удалось Славику произвести положительное впечатление на свою девушку: первый раз произнёс длинную, грамотно построенную фразу, которую специально перед этим не заучивал, проговорил её без запинки; думал, что девушка порадуетя... Но он не знал, что перед этим она спала и, видимо, не очень хорошо ещё выспалась. Поэтому всё, что он ей рассказал, ему необходимо повторять заново.

— Ну, в смысле, тебя два каких-то недоноска всё время унижают, — продолжила Люда. — На тебя уже все пальцем показывают. А ты про какую-то дверь?

— Ты не понимаешь!

— Чё?... Чё я не понимаю? — недоумённо хлопает девушка ресницами.

— В нашем городе происходит очень много странного. Много непонятного. А ты — про какую-то ерунду! Кстати, на что ты намекаешь?

— Я? На что намекаю?...

— Ну, ты начала мне разгонять про каких-то «недоносков». Или отморозков? Или про то, что на меня показывают пальцем. Что они хотят этим сказать? То, что я умалишённый? Они показывают пальцем, как на чудака?

— Нет. Это значит, что на твоём месте любой мог бы за себя постоять. Ну, ходить на секцию бокса, а не лениво лежать дома и уткнуться мордой в подушку. Ведь именно так ты всегда проводишь своё свободное время?

— А ничего, если мне сложно их побить? Ничего, если они про меня расскажут что-то такое, чего никто не должен знать?

Видимо, Люда очень любила долго выяснять с кем-то отношения. Её наверно хлебом не корми — только дай с кем-то погавкаться. Но, вот, Славик был полностью противоположным — гавкаться (особенно, скандалить часами) он не любил, так как считал это ниже собственного достоинства. Он считал так: «если поговорить не о чем, то будет лучше, если двое собеседников будут молчать, а не вести многочасовую пикировку. Может

быть, за время молчаливой тишины, они научатся читать мысли друг друга». Но сейчас, после того что он вспомнил, Славик решил: а почему бы и нет? Почему бы не подпеть ей.

— А чего про тебя никто не должен знать? — тут же напрягла она всё своё внимание, чтобы не прослушать. — Что же такое необычное ты можешь ото всех скрывать?!

— Думаешь, нечего?

— Да с такими как ты и так всё давно известно: вы трусы и сывки. Понял, тупица? Только ты одного маленького нюанса не знаешь. Жизнь тебя, видимо, этому ещё не научила!

— Какого такого нюанса? — невольно повёлся Славик на её брань по поводу того, что он тупица. То есть, поддался и начал пресмыкаться, как пресмыкаются многие подкаблучники.

— Жизнь, — начала пытаться эта девица объяснять для него, как для неуча, элементарные истины, — учит простым, казалось бы, для дебилов вещам: жаловаться родителям на цепляющихся к маменькиным сынкам хулиганов! — заверещала совсем уже ошалевшая от Славиного скудоумия, девица. — Потому что, если эти дистрофики не догадаются поплакаться своим маменькам...

— Ну, вот что, — тоже вышел Слава из себя, — с меня уже хватит!

— Что, мамочке побежишь жаловаться?! «Ай, плохая тётя обижает маленького мальчика!» Давай-давай, беги, щенок жалкий! Трусливый и...

— Я не могу на них никому пожаловаться, — решил Славик выдать всё это из себя, — потому что один из них меня заставил, чтобы я сделал ему минет!

Он всё это выкрикнул, поскольку был совершенно уверен в том, что его никто не услышит. Даже, может быть, эта разъярённая эгоистка не услышит. Ей, чтобы она успокоилась, надо будет по складам повторять, и потом стараться объяснить; как-то убедить, чтобы не вызвать к себе ещё более сильное недоверие. Но, как назло, она его слышала. То есть, повторять, да разжёвывать — незачем утруждаться. Жалко, не повезло. Так бы он ушёл: самодовольный тем, что взбешённая ляля из-за своих эмоций всё прослушала, но... Не повезло.

— Ой, подожди, не уходи, — ещё громче завопила та. — Прости, я не хотела в таком тоне. Нет, честно, я не гомофоб.

— Что ты ещё от меня хочешь?

— Ну пожалуйста-а... Зайди ко мне... Я думала... Ну, что ты просто трус... Что ты боишься каких-то двух... Ну, я...

— Я зайду, но только с одним условием. Ты готова?

— Больше не развивать эту тему?

— Да!

— Хорошо. Забей. Ну, короче...

Она запинаясь, как всегда делала, когда ей не о чем было разговаривать с этим парнем. Она назвала его трусом? Она сама была трусихой. То есть, ей было бы неловко начинать ругаться именно с ним. Она бы лучше вела себя тихоней. Поэтому сейчас она сторала от стыда, даже не понимая, что на неё нашло, какого фига она так развыступалась.

У всех трусих так: боятся разговаривать со своими парнями, так как уверены в отсутствии какой-либо темы или необходимости развивать дальнейший диалог, но зато сразу, как только назревает скандал, то тут же откуда-то берётся то обетованное многословие, которого не было при мирной (унылой и постылой) обыденности.

— Я сам не знаю, что было, — пытался объяснить ей Славик, хоть что-то. То, с чего начал. — Долго стоял под дверью, пытался вспомнить. Но так и не смог. Потом вспомнил, что тебе в домофон нужно позвонить.

— Это всё?

Она, как и договаривалась, не затрагивала ту тему, которая вызвала в ней такой сильный приступ истерики. То есть, если Славику казалось, что у него что-то щёлкнуло в голове и стёрло память (тот небольшой отрезок, который происходил в тот момент, когда дверь в подъезд была открыта, он заходил в подъезд и — дверь закрыта, а он перед ней стоит и ничего не понимает), то Люда наверно пыталась эту амнезию симулировать. Ей было ужасно неловко, но, если бы она не помнила это своё чувство неловкости, то с удовольствием бы вернулась к прерванной теме. В первую очередь ей хотелось бы как следует перед ним извиниться. А не так, чтобы он сейчас здесь стоял, мычал и пытался её смущать. А потом он скажет: «нет, я ничего не могу вспомнить», и слиняет. Наверно, именно для этого он к ней пришёл: чтобы вывести её из себя, потом придумать какую-то отмазку (например: «меня в детстве изнасиловали, поэтому я такой») и быстренько ретироваться.

— Ну, я не хотел говорить, — опять замямлил он что-то невнятное. — Ну, про улицы. Про то, что на улицах никого нет. То есть, мне казалось, что я смог выяснить, почему никого нет на улицах. То есть, я куда-то ходил, но не помню.

— Я говорю: и это всё?!

— Чё — всё.

— А теперь послушай-ка меня... — начала она в своём прежнем нравоучительном тоне, возможно, копируя свою маму (или она сама всегда разговаривает с мамой в таком тоне), но Славик её прервал.

— О, вспомнил! Я же вон, чё нашёл, — полез он под свитер и вытащил пистолет из-за пазухи. — Чёрт. Как же я сразу про него не вспомнил?!

Сразу после того, как Людмила дослушала до конца рассказ Славика по поводу найденного им пистолета, в её дверь раздались медленные, но очень громкие удары кулаком. Как будто тот, кто стоял за дверью, долго вслушивался в то, о чём они говорят. Словно тому, кто стоял за дверью, хотелось дать этому парню возможность выговориться.

— И вот теперь я не могу понять, — последнее, что он сказал перед тем, как в дверь забумкало, — что конкретно виновато в этом изменившемся мире. Дом? Может, это тот барак какой-то странный. Ну, он, как коридор в параллельный мир. Или это всё-таки пистолет? Мне всё время кажется, что мир изменился из-за того, что я поднял этот пистолет. Я не должен был его поднимать. Потому что мир бы не изменился так резко. Все люди так быстро бы не исчезли.

Бум... Бум... Бум... Бум...

— Ты действительно считаешь, что на улице нет ни одного человека?!

— О! — обрадовался Слава, — наконец-то хоть кто-то живой!

Он бросился к двери, а Людка даже не поняла, о чём он. Наверно, она не слышала этого

гулкового стука в дверь.

— Сейчас я спрошу у него, видел он хоть кого-нибудь на улице...

Дверь открылась, а за ней стоял какой-то голый человек. Весь, с ног до головы, измазанный какой-то болотной грязью. Его лицо было похожем на бомжа, если бы с подбородка не капала кровь. И, если бы этот постучавший не вытянул руки сразу, как только ему открыли дверь. К Славику подбежала так же и Люда.

— О, чёрт! — взвизгнула она, отшатнувшись.

— Что? — пятился и Слава тоже. Ни один из них не догадался закрыть дверь и попытаться сбить ею постучавшего.

— Я говорю, стреляй ему в голову, тормоз! Ты в фильмах смотрел?!

Но Слава только сейчас понял, что пистолет он оставил в кресле. Там, где Люде его показывал. И он кинулся вглубь Людиной квартиры за пистолетом.

— Куда ты побежал, на хрен? Опять что ли сдрейфил?

Но у Славика не было времени объяснять ей, или пытаться успокаивать. Он только схватил «пушку» и понёсся назад. Оттолкнув Люду в сторону, он дважды нажал на курок. Но оба раза произошла осечка.

— О проклятие, — прорычал Славка.

— Он у тебя, что, не стреляет?! А только пердит?!

— Ты можешь заткнуться?! Хотя бы одну секунду не психовать!

— Я и так не психую...

Но её оглушил выстрел. Славика отбросило к стене. Сначала он думал, что не попал. То есть, промахнулся мимо головы этого исчадия, от которого смердит мертвечиной, и запах такой вонючий, как от мешка с гнилым картофелем. Но он увидел, что на лбу образовалась мощная пробоина, из которой потекла какая-то черно-зелёная струйка. Но тварь, несмотря на это, продолжала наступать. Слава даже не заметил, как Люда куда-то смылась. Наверно, она сама сдрейфила, но все свои недостатки переводит на Славика. Понимает, что это гнусно, но из-за своего стержовного характера ничего не может с собой поделывать.

— Отойди, — прокричала Люда из-за спины Славика, — дай, я его столкну.

Она держала в руках швабру и отбила голого — он отлетел к стене.

Когда она выскочила в коридор, то увидела, как со стороны лестничной клетки в коридор входят ещё двое или трое подобных мутантов.

— Чёрт, — проворчала Люда, — откуда они взялись. Ты что, дверь не закрыл в подъезде?

— Я же говорю: всё это из-за того, что я пистолет поднял.

— Ты про другое говорил: про то, что из-за пистолета резко исчезли все люди в городе. Но это не так.

— А как?!

— Ты же говорил, что у тебя какие-то провалы в памяти? Мол, стоишь в бараке, все окна повыбиты, дверь болтается на одном шарнире. А потом, через секунду, дверь резко починена и на засов заперта. Говорил же ведь?

— Ну, говорил...

— Дак вот, за это время, пока варили прутья решёток, могла произойти эвакуация, а ты про то ни сном ни духом. Говорила я тебе такое?

— Говорила.

— А чё ты всё время про свой пистолет повторяешь, как попугай?

— Ну, просто я...

— Стреляй хоть по кому-нибудь из них и целься в голову! Можешь? Или дай мне пистолетик свой? Только не тормози.

— Я уже стрелял.

— Чё?! Ты промахнулся...

— Я только сейчас вспомнил. Я отстреливался, ещё там, возле подъезда, но это какой-то странный пистолет, потому что он на них никак не действует.

Она смотрела на него, как баран на новые ворота, изредка отталкивая шваброй голого мужика, если тот поднимался и продолжал атаковать.

— Хорошо, если ты не веришь, — нервозно заговорил он, — то смотри сама...

И он двинулся по длинному коридору, в сторону лестничной клетки, паля в голову каждому, кто тянет к Славику свои руки, пытаясь за него уцепиться. Люда ещё раз оттолкнула шваброй того «ваньку-встаньку», захлопнула дверь в квартиру и пошла вслед за Славиком.

— Ну вот, видишь? — радостно воскликнула она. — Надо просто делать, а не тупить. Всё же получается!

По пути она пихнула ножкой голову кого-то из упавших, чтобы проверить: шевелится — не шевелится?

— Слушай, а ты ключ взяла? — обернулся Славик и увидел, что она в одном домашнем халатике и в тапочках.

— Да не по фигу? — пожала та плечами. — Всё равно ведь всех уже давно эвакуировали.

Слава только хотел бы у неё спросить: а почему в таком случае не «эвакуировали» её саму. Но подумал, что это получится такой же глупый разговор, как и про его уверенность в том, что во всём виноват поднятый им странный-мистический пистолет.

Тем более, что, когда они сидели в её квартире и она часто подсакивала с места, пытаясь вызвонить по домашнему телефону хоть чей-то номер, то на том конце провода, как назло, ни один не снимал трубку. Из этого у Люды сложилось верное впечатление о том, про что она говорит. То есть, об эвакуации.

6

В доме не было электричества, лифт не работал и девушке с юношей предстояло спускаться самостоятельно, с пятнадцатого этажа, где жила Люда. Славик предпочёл бы лучше забраться в лифт, поехать в нём на первый этаж и по дороге надолго в нём где-нибудь застрять. Была бы прекрасная возможность подольше пообщаться со своей приятельницей. Что, если они сейчас будут спускаться по лестнице, столкнутся с очередной компашкой лунатиков, среди которых попадутся такие мутанты, что против них выстрелы в голову (такие, как показывают в фильмах типа «Обитатели зла») ни в какую не работают? Поскольку Люда выбросила свою швабру возле двери, то она не сумеет оттолкнуть ни одного из «психов» и они могут на неё напасть, а Славе не удастся её защитить. В крайнем случае, у него патроны могут кончиться. А так бы они вдвоём пересидели спокойно в лифте, пока бы всё не поутихло и «лунатики» не разошлись. «Эх, — горестно вздохнул Славик, — почему этот трёкнутый свет так не вовремя вырубился? Почему он не подгадал именно тот момент, когда бы мы с ней вошли в лифт? Как только бы лифт поехал, тогда бы и вырубился!» Он

помнил, что, когда подошёл к Людиной двери и нажал на кнопку звонка, свет ещё был. Иначе звонок бы не прозвенел.

Но им странным образом повезло, потому что все пятнадцать этажей они спускались мирно — ни из одного коридора не вылез ни один увалень с разинутой пастью, из которой капает чёрный гной.

— Надо попробовать рискнуть, — предложил Славик сразу, как они оказались на улице. — Если нам ещё раз встретятся эти нелюди, то пулей может на всех не хватить...

— И что ты предлагаешь?

— Зайти в тот барак, из которого я вышел.

— В смысле?!

— А вдруг, если мы повторно в него войдём и выйдем, всё вернётся заново?

— Ты имеешь в виду, что мы вернёмся в прошлое и, так сказать, отменим зомбиапокалипсис? По ходу, ты дурак.

— Опять обзываешься...

— Ты не понял простой вещи!

— Какой вещи?!

— То, что в барак, как ты выразился, мы вдвоём не входили. Короче, кончай тупить!

— Ну, и что, что не вдвоём?! Почему такой пессимизм!

— Это реализм, мальчик!

И она попыталась сформулировать более внятно:

— Ты же сам мне рассказывал про свои провалы в памяти — не я тебе. То есть, ты сам не знаешь, сколько времени прошло с тех пор, пока ты находился в отключке. Проще говоря, стоял в бараке. А за это время могли — и эвакуировать всё население — и всё, что угодно. Так?

— А почему тебя не эвакуировали?! — всё-таки постарался он свой вопрос озвучить. Тот, который больше всех не давал ему покоя.

— А тебя?! Тебя тоже не эвакуировали — почему. А знаешь, почему? Да потому что по кочану! Они не обязаны эвакуировать всех и каждого в отдельности.

— «Они»! Кто — они?

— Ну, как в фильмах: ребята из войска Национальной гвардии.

— Ну, допустим. И что?

— Да то, что, может, мы не одни такие. Надо походить, поискать выживших... Но только не переться в тот дурацкий сарай, где бомжами насрано. Будь чуточку посвободнее — не смотри на этот мир через розовые очки.

— Кто бы говорил про розовые очки! Ты предлагаешь бегать по всему городу, стучаться во все двери, искать «выживших», а за нами по пятам в это время будут красться людоеды?!

— А ты! Что ты предлагаешь!

— Не ходить вокруг да около, а двигаться к чётко намеченной цели. Например, к тому бараку, где я поднял этот пистолет. Если по пути нам не встретятся эти «так называемые выжившие», значит, можешь считать, что они не встретятся нам вообще никогда.

— Иди к своему «мусорному сараю» сам, а я...

— Я не могу тебя так оставить. Я должен идти туда, куда Вашему величеству хочется, а не туда, куда правильнее.

— Ну, хорошо. Пойдём туда, куда хочется Вашему... величеству.

И они двинулись в сторону барака.

Пока они шли, Славик всё время опасался, что в любом месте из земли вылезет рука, схватит его подружку за тапочек и ей придётся идти босиком, и тогда она совсем уже взбесится. Или, что их неожиданно начнёт окружать стадо безмозглых людоедов, от которых не спасёт ни пистолет, ни (Славику подумалось даже и такое) осиновый кол. Поскольку улицы были полностью пусты, то парня это сильно напрягало. Девушку же, Люду, наоборот. Единственная нежить, которая им встретилась, была на Людином пятнадцатом этаже. Сам факт нападения, пока они шли, уже успел выветриться у неё из головы. Если отмотать время назад, вернуться на лестничную клетку пятнадцатого этажа и спросить у неё, что это было, то Люда подумала бы о наркоманах из соседних квартир. Поскольку девушка сутками не вылезала из квартиры, то со временем ей начинало казаться, что её соседи, в большинстве своём, «торчки» или извращенцы. Например, тот полностью голый тип — типичный тому пример. Она была уверена, что, стоило бы ей только выйти в коридор (просто, вынеся мусоропровод полиэтиленовый пакет), как обязательно какая-нибудь сволочь подкрадётся к ней сзади (какой-нибудь обкуренный соседский тинейджер), набросит на шею удавку и попытается придушить. А в это время из другой двери выползет старуха-маразматичка и примется зубоскалить. Так, что факт «нападения отморозков» казался ей обыденным и в порядке вещей. И так, как Славика, внезапно опустевшие улицы её совсем не угнетали. Наоборот, воодушевляли. Ей с детства мечталось походить-погулять, и так, чтобы на улицах никогда никого не было. Чтобы собачка соседской тётки к ней не подбегала, когда Люда выходит из подъезда и противным визгливым лаем не позорила её перед бабками на лавочке. Чтобы, когда она подходит к дороге, её случайно не обрызгал проезжавший мимо «крутой» джип с синей мигалкой. И так далее и так далее. Поэтому Люда сразу намеревалась отдалиться от того парнишки и погулять в одиночку. И она не была уверена, что улицы опустели совсем полностью. Наверняка этому кретину кто-то встретится по дороге и он примет первого же встречного за психа с зелёной пеной, да начнёт ему угрожать «пушкой». Люда должна была контролировать своего «ковбоя», чтобы тот не устроил перестрелку ни с какими гопниками. Может быть, всех эвакуировали, но ведь её и его оставили? И что же, мир тесен? Не факт, что на улице из «выживших» остались только она и её тронутый приятель с «волыной». Если судьба так разложила свои картишки, что у тронутого есть «волына», то и живые мишени тоже находятся где-то рядом. Ну, не в голову же ему себе стрелять?...

— Я не буду заходить в этот дом, — остановилась Люда сразу, как в её поле зрения попало это безобразное здание.

— Ну ладно, постоишь в сторонке, я сам зайду.

— Я хотела сказать: не хочу, чтобы и ты заходил. Думала, может, тебе приснился этот барак и на самом деле его не существует. А сейчас смотрю... И правда, вот же откуда по всем улочкам распространяется такой ужасный запах!

— Нет, а вдруг, это правда? Мы войдём-выйдем... Я ещё этот пистолет положу на то же место... И после этого на улицах опять появятся люди. А?

— То есть, ты хочешь сказать, — неожиданно сменился Людмилин тон с высокомерно-презрительного, какой бывает у всех малолеток, на нормальный, — что сейчас мы с тобой невидимки? И, типа, мы попали в призрачный мир. Ну, своего рода, в мир-полтергейст. В такое место, где Земля похожа на чучело — на глобус в полный рост... Ну, короче, вся

фишка в том, что не людей не существует, а, что мы превратились в невидимок и поэтому нам кажется такая галлюцинация, что улицы, по которым мы ходим, пустынные. Про это ты, что ли?

— Ну, наконец-то! — пропел Славик. — Я уже думал, до тебя так никогда и не дойдёт.

— То есть, чтобы мы опять стали видимыми, нам нужно всего лишь войти в этот трухлявый дом и из него выйти. И проблема немедленно нормализуется.

— А я тебе про что всё это время говорил?!

— Вообще, это ты хитренько придумал, — радостно хохотнула Люда. — Реально, я лохушка. Так всё просто, а я бы никогда не додумалась. Даже если бы мне разжевали и в рот положили.

— Я же говорю, загвоздка вся — в пистолете, — радовался Славик, что хоть как-то его поняли. — Не в какой-то там эфемерной несуществующей эвакуации, а в...

Они подходили к зданию, Славик видел, что в окнах торчат всё те же решётки, дверь вышиблена, засов выбит. Всё осталось точно таким же, нетронутым, как и в прошлый раз, когда он выходил. Только одно — издали он не мог разобрать надпись. Если даже и надпись не изменится, а останется в том же виде, в каком Слава в прошлый раз её прочитал, то, всё верно: они находятся не в мире-полтергейсте. Потому, что вселенная-полтергейст быстренько бы её переправила. И вместо того, что парень прочёл в прошлый раз, на двери было бы написано... Нечто, вроде «У ЛУКОМОРЬЯ ДУБ ЗЕЛЁНЫЙ, ЗЛАТАЯ ЦЕПЬ И ДУБЕ ТОМ...» В общем, новая какая-нибудь бессмыслица.

— Что ты задумался?

— Да я пытаюсь прочитать надпись на двери. Ну, вон, видишь? Красной краской.

— Красной краской? А ты рассказывал, что кровью.

— Да я не помню все подробности, что я рассказывал.

Люда, в принципе, согласилась ему подыграть. Дескать: хорошо, давай сыграем в твою игру под названием «сейчас мы невидимки, а, когда войдём в один дом привидений, а потом из него выйдем, то опять станем видимками и все люди на улицах опять появятся». Но ей что-то не понравилось. То, что у неё дома, когда он в своём рассказе упоминал дверь, то говорил, что надпись на ней была сделана кровью (предположительно, свиной), а сейчас говорит, что красной краской.

В общем-то, Славик ей ничего такого тревожного не сказал, просто она почувствовала какую-то опасность и хотела остановиться, не заходить в этот дом, но с другой стороны ей казалось это глупым: секунду назад сама согласилась, а теперь — опять на попятный. Славик подумает, что у неё семь пятниц на неделе. Тем более, что к дому они подошли уже вплотную.

Войдя в здание, Славик попытался вспомнить, где, в каком месте находится та гора детских игрушек, с поверхности которой он поднял пистолет. Люда в это время, сначала вышла из здания, чтобы дождаться, пока этот юродивый выйдет из дверного проёма, потом убедится, что у него действительно нет пистолета и потихоньку от него смоемся. Очень уж ей не терпелось побродить по полностью пустынным улицам. Проверить: действительно ли нет ни единой живой души? Или ей случайно удастся найти какого-нибудь бомжа, который заснул под забором в собственной блевотине и его, тоже как и её, забыли «эвакуаторы». Но

она передумала и решила вернуться. Ей в голову пришла ещё одна шутка.

— Эй, — подошла она сзади к Славику в то время, как он отыскивал гору с игрушками, — а ты точно уверен, что у тебя всё получится?

— Ну да, — странно посмотрел он на неё. — А что?

— Просто я подумала, что, если ты найдёшь то место, из которого его поднял и ровно на то же место положишь, то в нём не будет хватать нескольких пульек. Ведь ты же стрелял из этого пистолета?

— Ну, стрелял. И что?

— А то, что ты говоришь, что он какой-то мистический.

— Ну да, мистический пистолет. Но это просто предположение. Нужно проверить все способы. То есть, «мистический пистолет» — это один из способов, которые я хочу проверить, чтобы выискать выход. Понятно так?

— Вот я и говорю. Если он «мистический», значит, мистические в нём и пули. Потому что, если стреляешь по мертвецам из «немистического» пистолета и целишься в голову, то они падают и больше не поднимаются. А, если пульки у тебя «мистические», то они должны быть ровно в том же количестве, как и в тот момент, когда ты его поднял.

— А где же я их возьму? «Мистические пульки». Короче, забей. Всё равно, я уверен, что этот способ не сработает. И не один хрен, полностью все пули в «пушкаре» или не полностью? Я думаю, что, если его вообще бы не поднимал, то всего этого бы и не было. То есть, если бы я мог бы вернуться на машине времени и повторить всё опять, то обошёл бы это здание стороной, и только таким единственным образом мог реализовать свой этот способ. Вот, что я думаю.

— Может, ты вон из той горы ломаных куколок его поднял?

— О, точно! — сам поразился Славик, — сколько хожу, её ищу, а она на самом видном месте...

— Ну что, пора выходить?

— Ага. Вот сейчас сама увидишь: как только мы выйдем из этого барака, то все люди тут же материализуются. То есть, как сама ты сказала, мы перестанем быть невидимками.

— Точно?

— Точнее не придумаешь, — хохотнул Славик. Он действительно верил, что вся проблема в пистолете. Или, может, в этом бараке. Он — как шапка-невидимка: первый раз в негоходишь-выходишь и тебя не существует. — То есть, шапку-невидимку ты надеваешь. — Второй разходишь-выходишь и получается такой эффект, как будто ты снимаешь со своей головы эту шапку; твои мозги принимают ровное положение, а не находятся в том искривлённом виде, какими были до этого, и все, тебе подобные люди делаются видимыми. То есть, проблема всего лишь в том, что у вошедшего в такое здание человека каким-то необычным образом искривляется головной мозг и человек перестаёт видеть окружающих его людей, а не в том, что сами все эти люди становятся невидимыми. Может, Люда тоже входила в это здание, только не хочет признаваться: сначала она не понимала всерьёз придуманную Славиком идею, а теперь, когда поняла, то изображает из себя чистоплюю. Мол, слишком грязный барак — давай не будем в него входить — он похож на мусорный контейнер.

Когда они вдвоём вышли из здания, то выяснилось, что Славик действительно не обознался: люди материализовались. Только выглядели они со стороны какими-то медлительными и неповоротливыми. И вообще, всё вокруг барака выглядело очень странным. Люди вокруг были, но их было очень много. И стояли они друг от друга примерно на таком расстоянии, на каком в лесу друг от друга стоят деревья. То есть странность заключалась в том, что минуту назад никого не было, все улицы выглядели пустынными, парень с девушкой вошли в этот барак, а в следующую минуту ни с того ни с сего людей стало очень много. И все до единого выглядели примерно так, как выглядел бы тот бомж, которого Люда планировала найти спящим под забором и утонувшим в собственной блевотине. С учётом, что ей удалось бы убежать от Славика. Причём, и сама она тоже выходила из барака, но никакого светопреставления видно не было. А сейчас вышла вместе со Славиком, и все те «лунатики», которые преследовали их в коридоре, тут как тут. Причём, в сильно преувеличенном количестве.

— Ну, и что теперь делать? — пробормотал Слава. — Опять входить-выходить, и они тогда исчезнут?!

— Лучше вернись за своей «пушкой».

Теперь и у Люды, не только у Славы, был взволнованный тон. Не такой игривый, как до этого.

— Ты думаешь, в ней хватит на всех патронов?

— А чем ты собираешься от них отбиваться? Выкапывать из земли булыжники и метать в каждого в отдельности?

Но Славик её не слышал, потому что уже вбежал в здание. Ему было не по себе оттого, что он увидел: медлительные увальни всё приближались и приближались к зданию барака, медленно, но верно.

После того, как он вбежал, ему опять пришлось выскочить.

— Слушай, Люда, ты не могла бы мне помочь?

— Ты что, опять не помнишь, куда его положил?!

— Серьёзно! Я не знаю, как его найти. Ты как-то быстро указала мне на правильную кучу мусора. А сейчас я в панике растерялся и... Ну, в общем, у меня глаза разбежались, короче.

— Я вот, что придумала. Может, мы забаррикадируем дверь? Не надо не фигу его искать. Ты же сам видел, что по зомби он не стреляет. А там на окнах решётки. Стопудово они не смогут сюда пролезть! Чётко я придумала? А ты пока спокойно можешь его поискать. Потом найдёшь и, если кто-нибудь из мертвяков пролезет, то ты по нему выстрелишь и тогда мы точно будем знать, работает этот «мистический» пистолет против них или не работает.

— Да, может, в нём просто заряды холостые!

— Да чё ты отмазываешься? Ты же сам видел, там, у нас на этаже. Ранки он на трупах оставляет? Оставляет.

— Но того-то, первого, он не убил! Значит, одни пули боевые, а другие холостые. Ведь такой же расклад бывает?

— Ладно, некогда тормозить, прячемся в дом!

— Но, ведь, это как ловушка! Допустим, дверь мы забаррикадируем разным мусором. А дальше? Может, на хрен пистолет? Побежим так.

Славик действительно боялся к нему ещё раз прикосаться. Если ситуация не разрешилась, а сделалась ещё вдвое хуже, то не хотелось бы, чтоб неприятности ещё больше

утроились.

— Ну, ты бежи, а лично я прячусь.

«Чёрт, — недовольно подумал Слава, — не потащу же я эту капризную избалованную девку за собой силой?» И он забежал за ней следом.

10

Они сделали всё так, как и запланировали. Поскольку дверь открывалась наружу, то они не могли забаррикадировать её изнутри. Слава выдрал дверь из шарниров, затащил её по внутреннюю сторону дверных косяков и, вдвоём с Людой, принялся заставляя досками и заваливать сверху кирпичами. На всё про всё времени совсем не было, так как зомби подходили уже почти вплотную и начинали помаленьку окружать дом со всех сторон.

— Ну что, ты будешь свой пистолет искать?

— Да сдался он мне! — усмехнулся Славик. — Ты смотри, сколько у нас кирпичей! В случае чего, будем отбиваться от этих придурков кирпичами.

— Но, может, лучше всё-таки из пистолета?

— Ты же видела, — устал он ей уже повторять, — в пистолете могут быть холостые патроны.

— Ну, хорошо. Тогда я сама попробую поискать его...

— Не надо!

— Но почему?!

— Я его боюсь.

— А мне наплевать на тебя.

— Наверное, тебе всегда было наплевать. Не только на меня, но и на всех в частности.

— Ой, какие мы умные! — передразнила его Люда в саркастичном тоне. — А вот ты... Вот лично ты: как ты ко мне относишься? Ну-ка давай, придумай что-нибудь «умненькое»!

— Это, на самом деле, не выдумка.

— Ну, пусть не выдумка, по фигу. Но я вся внимание. Очень любопытно, знаешь ли, послушать.

— Я, на самом деле, не хотел тебе это говорить, но...

— Но — что? Давай уже, договаривай!

— Просто, до того, как мы сейчас с тобой встретились... Я сегодня очень многое вспоминал... Короче, раньше со мной постоянно происходили такие провалы в памяти. То есть, представь себе: я нахожусь внутри этого барака, у меня в голове что-то щёлкает и в следующую секунду я нахожусь где-нибудь в сорока километрах отсюда. Там нет зомби, всё тихо, всё спокойно, а ты всё ещё продолжаешь находиться здесь. То есть, ты сама-то, конечно, видишь, как я выхожу из этого дома и начинаю удаляться, но я всего этого не вижу, потому что этот отрезок (в сорок километров) у меня стёрт в памяти. Так вот, сейчас, когда мы вместе с тобой находимся в этом бараке, мне кажется, что, пока мы вместе, то в моей памяти больше уже никогда ничего не сотрётся. Я теперь буду осознавать каждое своё действие, каждый шаг, каждый поступок. Ну, это я просто пытался сегодня вспомнить, что со мной происходило в тот момент, про который я тебе рассказывал (дверь в подъезд — сначала открыта и я в него вхожу, а потом, в следующую секунду — вдруг неожиданно закрыта и я понимаю, что мне придётся звонить тебе через домофон), потому что у меня впервые весь этот «стёртый» отрезок был сохранён в памяти, но, от неожиданности, я не

мог, вот так вот сразу и без подготовки, ничего вспомнить. Но, пока я стоял перед закрытой дверью и пытался вспоминать, то мне, плюс ко всему прочему, вспомнилось ещё и это: то, что подобные «провалы» со мной происходили и раньше.

— А с чего ты решил, что они не будут повторяться в дальнейшем?

— Потому, что всё, что сейчас происходит, в моей памяти тоже бы само стёрлось. То есть, если бы я был один, то спокойненько вышел из этого барака и пошёл сквозь строй зомби по своим делам, а они бы ничего мне не сделали. Но, поскольку мы вместе, то у меня наверно вырабатываются к тебе какие-то чувства... То есть, я наверно предвижу наше с тобой будущее и, в связи с этим, вынужден оставаться в рассудке и пытаться тебя охранять...

— Подожди-подожди, не тараторь! Что ты сказал?... Что ты бы вышел, спокойненько пошёл сквозь строй зомби... И они бы тебя не тронули?

— Да, я так сказал.

— А как это понять? Почему именно «не тронули»? То есть, я тоже могу выйти, посмотреть, как ты беззаботно шагаешь, зомби тебя не трогают, и последовать твоему примеру?

— Нет. Именно ты так не можешь.

— Но почему? Ты можешь, а я нет. Ты что, какой-то особенный? На тебе оберег?!

— Я же тебе объяснял: если бы у меня не было памяти... Если бы я не осознавал, что делаю, то да. Я бы вышел и зомби на меня не напали. Потому, что, раз у меня нету памяти, то у меня нету страха. Зомби нападают на человека только тогда, когда он их боится. К примеру, если он не знает, кто такие зомби и как на него подействует малейший их укус или царапина, то он может идти и расталкивать их в стороны, как огромных матрёшек. И они не смогут его укусить, потому что... Но это опять маленькое предположение... Потому, что зомби питаются страхом, а не тупо пожирают чьё-то мясо. Если бы зомби были банальными чревоугодниками, то ели бы, хоть что: фекалии, собственное гниющее тело... Но им нужен именно человеческий страх. Скажем, животных они не едят — живьём. Да и в поджаренном виде — тоже. Они — не стервятники. Иначе, если бы зомби были примитивными обжорами, то, как два пальца об асфальт, они поедали бы друг друга. Или ходили по дорогам, искали бы погибших под колёсами кошечек-собачек и сжирали бы их тушки... Да вообще, пошли бы на болото и поедали бы трясину... Если вся их цель жизни состоит только в том, чтобы набить своё брюхо каким-нибудь, неважно каким, шлаком, то тогда бы и не существовало в природе феномена зомби! Ха-ха...

— Нет, то, что ты сказал про меня — мне это понравилось. Ну, то, что с тобой теперь не происходят провалы в памяти, потому что ты... Но вот это твоё предположение, что зомби питаются только страхом... Оно какое-то... В общем, на белиберду похоже.

— Ну, я просто смотрел фильмы про зомби. Может у меня сложиться какое-то убеждение от просмотренного?

— И что. Я тоже смотрела эти фильмы. Но мне всегда казалось, что в них очень многое скрыто за кадром. Например, то, как голодные зомби нападают на сытых и медлительных, вспарывают им брюхо и выедают ранее сожранное мясо. В этом есть здравый смысл, потому что ни один ходячий мертвец не может бесконечно нападать на живых людей. Он — не бездонная бочка. Кто-то должен утилизировать съеденное им мясо.

— Ты, что, действительно так считаешь? Но это же просто «сказки»! Фантастические выдумки про несуществующих, бессмертных...

— А вот эти все, которые сейчас нас окружают, тоже «фантастические видения»?

Славик не нашёлся, что на это ответить, и только чесал у себя в затылке.

— Ладно, некогда балаболить. Ты стой здесь и удерживай дверь, а я пошла пистолет искать.

— Может, не надо пистолет?... Ну, честь слово, я его боюсь!

— Я не хочу отчитываться за каждое действие, которое я совершаю! — отчеканила она противным безапелляционным тоном строгой мамыши.

«А чего её держать, — подумал подошедший к двери Славик, — я же их не боюсь, а удерживаю просто так; чтобы у них не зародилось желание начать пытаться нас с Людой запугивать. К тому же, дверь маленькая-узкая: подвое через неё явно не пролезут».

И вот, только сейчас Славик обратил внимание на то, что сделанная «красной краской» надпись на двери действительно изменилась. — Он втащил дверь внутрь барака и установил её наружной стороной. — Он точно не помнил, какая именно бессмыслица была «нацарапана» на этой двери, когда он выходил через неё в прошлый раз, но совершенно был уверен, что сейчас надпись совсем другая. Словно кто-то стёр старую надпись и написал новую. Слава знал, что стереть с дерева краску невозможно. Наверное так же, как память, сохранившуюся у него в голове. Краска, равно как и память, стирается в течении нескольких лет, а не в течении одного дня. Её долго и тщательно промывает дождями и обдувает ветром, чтобы отсыревшие да растрескавшиеся кусочки краски сушились, шелушились и по одному отлетали. А тут всё произошло за пару часов. Конечно, если никто не поменял дверь. Но, ради такой дурацкой надписи, так «хитрить» никто не будет.

«Впусти нас, пожалуйста», — было написано на двери, чего Славик совершенно не понимал. Впустить — зачем? Этот барак простоял здесь наверно со времён Великой-Отечественной. До этого времени он никому не был нужен. И вот, как только в него забежали парень с девушкой, от него (барака) срочно что-то понадобилось. То есть, как считал Слава, надпись, либо глупа как пробка, либо она воистину бессмысленна.

— Эй, Слава, — прокричала его знакомая из утробы этого одноэтажного здания. — Я нашла твой пистолет. Что мне теперь делать? Стрелять им по головам?

Слава немедленно побежал в сторону Люды.

— Но я боюсь в них стрелять, — продолжала объяснять та. — Вдруг они не мертвецы, а просто из психушки сбежали?

— Ты что, прикалываешься? — выхватил он у неё из рук «ствол», которым она уже прицеливалась в одно из окон. — На фига стрелять! Ты посмотри, их же вон сколько! Сначала нужно надыбать кучу патронов, а уже потом...

— Но я просто хотела проверить! — захныкала Людмила. — Убивает он или не убивает...

— Я же объяснял! Пистолет — чисто для обороны. Если к нам кто-то вломится и попытается на нас напасть... Только тогда шмалять можно!

— А чё ты дверь отпустил?! Ты же должен был её держать!

— Да если бы я не делал так, как ты хочешь... — захлёбывался Славик от гнева. — Если бы не выдирали эту дверь из шарниров... Они бы так и так к нам не залезли! Ты пойми: они же ведь тупые; они не догадаются, что надо потянуть дверь на себя и тогда она сама откроется! Они будут стоять и биться об неё головой, как об стену.

Люде неинтересно было слушать те глупости, которые мелет Слава и она пошла, чтобы самолично убедиться в том, что он не прав.

— Ну, и посмотри теперь сам! — злорадно прокричала девушка, когда увидела, что

увальни уже вынесли дверь и потихоньку пробирались вовнутрь. — И кто не пролезет?!

— А ну пошли прочь отсюда! — обошёл её Славик и наставил пистолет на входящих туловищ. — А то сейчас выстрелю. Вон! Ушли на улицу.

И зомби, словно они умели что-то понимать, так же вяло и сонно поворачивались и выходили через выставленную дверь.

— Не, пусть он лучше у тебя побудет? — протянул он рукояткой свой пистолет в её сторону. — Меня какая-то оторопь берёт, как только я к нему прикасаюсь.

— А мне наоборот, — пожалала та плечами и взяла протянутую «пушку», — прикольно. Когда я его подняла из той кучи, в меня, словно энергия какая-то вселилась. Ну, я как будто всемогущей себя какой-то почувствовала. Не знала, что пистолеты так сильно воздействуют на психику. Я бы тем «торчкам», которые к нам ломаются, посоветовала бы пистолет какой-нибудь в руках подержать. Круто же?

— В смысле, подержать в руках пистолет?

— Ну, они наркоту какую-то принимают, чтобы почувствовать себя королями. Но лучше бы взяли в руки такой «ствол» — он тоже изменяет психику, не только их несчастный героин.

11

— О, смотри, Славка, — прокричала она, отойдя от окон и перестав показывать язык и корчить рожицу агрессивным гуманоидам, — кажись, мы спасены!

— Чё такое? — тоже отошёл тот от двери и какое-то время не сдерживал натиск лунатиков.

— Чё, выстрелов не слышишь? Кажется, этих зомби кто-то отстреливает. Ну, короче, к нам приближаются военные.

— О, чёрт! — засуетился паренёк.

— Чё всполошился?

— Короче, надо спрятать этот ствол и стереть с него все отпечатки пальцев, пока вояки не подъехали. Поняла?

— Дак мы же типа оборонялись.

— Так, на всякий случай. А то потом вопросы начнутся: где нашли, откуда украли, предкам начнут звонить...

— Не, это уже мой «ствол»! — потянула на себя пистолет Люда. — Тебе на него по фигу, а мне...

— Некогда-некогда спорить! Давай его сюда...

— Слушай! Я чё придумала. Давай зароемся в горы мусора, а? Они и нас не повезут на свои идиотские допросы и «пушку» искать не будут.

— Да никуда они нас не повезут! Они просто отстреливают зомбиков, как в любом боевике про зомбиапокалипсис... Давай пистолет, не наглей!

— Ты всё время какой-то самоуверенный! Откуда ты знаешь, кто конкретно там стреляет за окнами и, вообще, что происходит? Может, началась третья-мировая!

— И что?

— Ну, вдруг там не «наши», а какие-нибудь вражеские оккупанты?

— То есть, ты предлагаешь «лечь на дно»? И с понтом присыпаться мешками с мусором.

— А что в этом такого?

— Да кто-то даже к дому подходить брезговал. Не помнишь, кто? Сетовал, мол, за сорок километров говном воняет.

В общем, он зарылся. Повёлся на Людину затею.

12

Когда выстрелы затихли, снайперы вошли в барак и убедились, что там всё пучком, да отчалили, ребята тут же принялись выбираться из-под завалов.

— На фиг ты эту ерунду придумала? — наконец-то у Славика появилась возможность как следует покричать на Люду. — Я теперь и за час не отряхнусь от этой пыли!

— Ты глянь лучше в окна, — усмехнулась та. — Все зомбики полегли, как кегли!

— Что, всех до единого поперестреляли? — подошёл к окнам и он, словно не решался ей поверить на слово.

— По-моему, в них стреляли разрывными пулями. Смотри, ни на одном мертвяке нету голов.

— Да быть такого не может! — двинулся он к выходу из барака, чтобы присмотреться более внимательно. Он, конечно, предполагал, что, раз мертвецов невозможно уложить простыми выстрелами в голову (это только в кино такое возможно), то желательно стрелять по ним «разрывными», но не был уверен, что, если он обойдёт этот барак со всех сторон, то увидит каждого в отдельности мертвяка с «лопнувшей» головой.

Когда он выбежал из барака, то присматриваться к поваленным туловищам не спешил. Его внимание отвлекла Люда. Насколько помнил Вячеслав, то перед тем как он кинулся к выходу из здания, Людмила торчала возле окон и всё время возмущалась: «Эх, жалко, что у меня нет мобильного! Вот бы в Ю-Туб всё это зрелище выложить?» Но, каким-то странным образом, она его опередила. И, когда он выскочил на свежий воздух, то она находилась уже на улице. «Со мной, что, опять произошли провалы в памяти? — недовольно зачесал он затылок, — и я не помню, как она выходила на улицу, а я на секунду вернулся в барак, а сейчас ещё раз вышел? Потому, что этот момент опять стёрся у меня в памяти». Он хотел спросить у Люды, но чувствовал себя немножко неловко. Ведь он пообещал ей, что, пока они вместе, то никакой потери памяти с ним больше никогда происходить не будет.

— Долго ты там нужду свою справлял, — усмехнулась она, обернувшись, — самый кайф пропускаешь.

— Какую ещё нужду?! — удивлённо спросил Славик, но потом вспомнил про случившиеся с ним потери памяти и постарался резко сменить тему. — А что случилось?

— Да вон глянь! Некоторые безголовые шевелиться начинают. Видать, на этих придурков даже разрывные пули не действуют! Вот ржака-то...

— Ну и что, что не действуют? Главное, что головы им отчекрыжили. Новые-то не вырастут — чай не Змей Горынычи.

— Ну, и я про то же говорю: кусаться этим уродам больше нечем...

— Надо пойти, поискать «безлюдное» место. Там, где этими мутантами всё не позавалено.

— Да подожди ты, дай поприкалываться.

— А ты пистолет всё-таки в барак на то же место возвращать не будешь?

— Вот ты тормоз! А на фиг мы с тобой от вояк прятались?

Она посмотрела на него, как на идиота. Дескать, за кого ты меня принимаешь: «ты заскочил в этот барак на секунду, чтобы отлить, а сам там наверно сидел и кряхтел. А сейчас предлагаешь мне в него войти? И наступить там на какую-нибудь мину», — можно было прочитать в её взгляде.

— Ладно, — подмигнула Люда левым глазом, — потом положу. Я пошутила. Давай лучше поржём? Посмотрим, что эти чудики будут делать? И как они на нас нападать будут, если им бошки поотстреляли!

— Да банально: толпой окружают, задушат, а потом при помощи телепатии передадут тем, кому бошки покамест не отстрелили. И они нас сожрут...

— Вот ты зануда! Ты всегда такой скучный?... Кстати, какой телепатией? Голов-то у них нет! Чем, интересно, они передавать будут.

— Задницей, — произнёс Славик по слогам, уставший уже от её легкомысленных насмешек.

— Ну, я же говорю, что ты зануда! Всё время чем-то недовольный...

— Ну хорошо, давай постоим...

Он согласился только потому, что его ещё в школе уже достали все эти легкомысленные дурочки, которые дразнили Славика «витающей в облаках славой», согласно его фамилии — Облаков. Сами: наивные, инфантильные, но намеренно переводят собственные недостатки на одиночку. На Славика, который ни с кем в классе не общался. То есть, он не курил, поэтому, как остальные его сверстники, не пользовался ни у кого авторитетом. Ну, и естественно, раз с пацанами не «крутится» (не участвует в потасовках сзади школы), то к нему начинают липнуть девочки. Причём, самые дурнушки. Подтрунивать над ним начинают. Дразнилки какие-нибудь мерзкие придумывают. А потом обзывают обиженкой: «Фи, какой скучный! Постоянно чем-то недоволен».

Если бы Слава вышел из барака и не отвлекался на Люду, то обошёл бы весь этот барак стороной, осмотрелся вокруг и увидел, что не у всех застреленных туловищ отсутствует голова на плечах. То есть, не все зомби одинаково обезглавлены. Если бы он обратил на это внимание, то ему было бы понятно, почему обезглавленные и поднимавшиеся на ноги «гуманоиды» не направляются в их (Люды со Славиком) сторону и почему не намереваются, как он до этого предполагал, напасть крупной толпой и попытаться этих двоих задушить. Например, он не мог увидеть, как за фасадом задней стороны части здания обезглавленный гуманоид поднимается на ноги, склоняется над тем, который не обезглавлен, но продолжает лежать и не шевелиться, хватает его за голову и дёргает с неистовой силой, вырывает с куском позвоночника и пытается присоединить к своим плечам то, что он вырвал. Поскольку обезглавленный искал эту голову на ощупь, то, после того как он установил её себе на плечи, ему больше не придётся шарить вокруг себя руками и искать на ощупь свою тросточку для слепых или собаку-поводыря. Теперь этот зомби может спокойно ходить и беспрепятственно видеть всё, что ему любопытно.

Поскольку Вячеслав выскочил из барака позже Люды, то он не успел принять во внимание все эти странности, наблюдавшиеся за обезглавленными, в их поведении, а она успела. И оттого, что она увидела, ей было довольно весело.

— Ой, Славик, — засмеялась она, — у тебя случайно нет нитки и иголки?

— Чего? — хмуро посмотрел на неё он.

— Надо срочно пришить им эти головы!

— Какие ещё головы? — всё не мог он уразуметь причины её странного веселья. — Их

же вояки повзрывали своими разрывными... этими. Ты всё прикалываешься?

— Ну, вон. Смотри, — показала она ему пальцем. — Вон тот мертвяк оторвал чью-то голову и держит её над собой руками! Неужели тебе и это скучно?!

— Нет, не скучно. Просто я не видел, как он её отрывал. А ты точно видела?

— Ну да, видела. А что?

— Да мне кажется, ты всё время врёшь.

— Почему вру? — погрустнела уже и она.

— Потому, что тоже не видела.

— Что я не видела?!

— Ну, предположим, он мог выкопать эту голову из-под земли. Ведь мог? Почему я предположил именно такое: потому что все эти зомби заранее предвидели, что понаедут вояки, перебьют их разрывными пулями, поэтому заранее закапывали припасённые головы, а потом, когда вояки разъехались, некоторые из зомбиков начали эти головы выкапывать.

— И что, по-твоему, я не видела, как они выкапывают из-под земли «запасные» головы? Конечно, не видела! Ведь это же бред: как я могу его увидеть?

— Чего сразу бред?

— Ну, ты же помнишь, у меня на этаже, несколько мертвяков пыталось на нас напасть, а ты их всех поперестрелял? То есть, пули попали в их головы и на них это сработало.

— Ну, помню. И что дальше?

— Это значит, что зомби делятся на первые и вторые уровни, — продолжала она развивать свою мысль. — На «низших» и «высших». Например, «низшие» зомби участвуют в съёмках боевиков про апокалипсис, их можно замочить, как ты уложил тех, в коридоре нашего дома. А «высшие» (зомби второго уровня) восстают из мёртвых даже в том случае, если перед захоронением казнить их с помощью гильотины. И для этого им совсем незачем закапывать припасённую заранее бестолковку. Достаточно просто подойти к «низшему» зомби, оторвать у него голову и прислонявить её себе на плечики.

— Как ты смачно их обозвала! — вспомнил он что-то. — Низшие и высшие зомби.

— Чему ты так обрадовался?

— Я же их видел, как они подходили к трупам, которые неподвижно лежали на асфальте, били им каблуком по затылку, потом отрывали головы... Ну, это они делали после того, как защищавшиеся от них люди сносили им бошки при помощи топора.

— Где ты такую хрень видел?! По телеку?

— Когда стоял перед закрытой дверью в твой подъезд и пытался вспомнить, чем я перед этим занимался.

— И что, удалось?

— Сначала я вошёл в подъезд, закрыл за собой дверь, потом в неё кто-то начал ломиться и реветь как бешеная акула. Я испугался и стоял внутри подъезда, не мог двигаться... Короче, час где-то простоял. Какие-то люди хотели выйти из подъезда, но тоже чего-то испугались и не решались открывать дверь перед буянящим и рвущимся в неё демоном.

— А кто там стоял? Демон или зомби?

— Зомби-зомби. Ты слушай, что было дальше!

— Ага, — скучно зевнула та, — любопытно.

— Потом этот мертвяк, который ломился в дверь, вселился в кого-то из народа, что стоял возле меня внутри подъезда. Он тоже начал звереть и пытаться напасть на кого-нибудь. Короче, кто-то пырнул этого «задиру» ножичком... Я точно не помню; кажись,

попал ему в самое сердце. Ведь оно находится слева? Но этот мужик всё равно атаковал. И, короче, пока он повалил этого типа с ножом и ел его живьём, я попытался успеть открыть дверь, чтобы слинять.

— И чё? Слинял?

— Ну, там возле подъезда стоял живой труп. У него не было головы. Это он в подъезд так вламывался.

— Да? — опять зевнула Люда.

— А у того мужика, в которого он вселился, голова была. Ну, и ему было, чем поедать того паренька, который ножом от него защищался.

— Дак ты убежал или не убежал?

— От кого убегать? От обезглавленного? Он же всё равно не догонит.

— И в чём прикол?

— В том, что это высший зомби, как ты его обозвала. Если ему двери не открываешь, он может вселиться прямо в тебя, твоим туловищем сожрать всех твоих домашних, вспороть тебе брюхо и выгрызть оттуда всё съеденное тобой мясо. То есть, прикол в том, что, если бы мы не удрали из твоей квартиры, а закрыли бы двери перед «высшим», то он легко мог в кого-нибудь из нас вселиться, и мы могли бы стать инфицированными. То есть, друг с другом реально поцапаться. Ну, в прямом смысле этого слова.

— Не, подожди. Он что, потом брюхо ему ещё вспорол? Этот «обезглавленный», который вселился в кого-то из чуваков внутри подъезда.

— Ну да, вспорол. А я чё, не рассказал, что он вспорол ему брюхо?

— Просто до этого ты говорил, что зомби питаются только страхом, а не поедают других зомби.

— Значит, ошибался. Просто я не мог доподлинно точно вспомнить всё, свидетелем чего был, пока добирался до твоего дома. Чтобы похвастаться перед тобой этим пистолетом.

— О, точно, — вспомнила она про пистолет, поскольку тот мертвяк, которого она первым увидела, как он держит над собой голову, отодранную от чьёго-то туловища, подошёл к ней сзади и уже подносил голову, чтобы укусить ей данную девушку.

Люда резко обернулась и направила пистолет на туловище этого зомби.

— Не напрашивайся, — предупредила она его, — а то будет бо-бо.

Дело в том, что этот зомби, который к ней подошёл, к Люде был повёрнут спиной. Он так всю дорогу шёл, задом наперёд, поэтому двигался ещё медленнее, чем обычные (низшие) зомби. И голову, которую удерживали его руки, подносил тоже издевательски медленно, поэтому Люда выстрелила ему в спину.

— И чё он не падает? Я же перешибла ему позвоночник! По идее, должен упасть.

— Может, для них голова, как поплавок или как воздушный шар, наполненный гелием, — предположил Слава. — Не можешь понять, что на них не действует вся эта... твоя наивная стрельба!

— Да, не обращай внимание, — вырвала она из рук мертвяка его голову, как мячик из рук баскетболиста-неумёхи, и отшвырнула куда подальше. — И что ты ещё там видел?

— Да долго рассказывать. Слишком много подробностей. Если коротко, то эти «высшие» зомби могут вселяться в низших, какое-то время в них жить, а потом резко исчезать, если низшему зомби кто-то стреляет в голову.

— Это как понять?

— Ну, если в голову выстрелят, а «высший» не успеет вылететь, то ему самому эту

голову повредят и он должен будет отдирать её от собственного туловища.

— А на фига? Вселился (влетел) бы обратно, и всё.

— Но ты же не забывай, что по природе все зомби тупые. А тут ему ещё и бошку повредили! Вот он и не догадается. Не сумеет отличить сложное от простого и начнёт сам у себя отпиливать голову, чтобы насадить её на плечи того, которому снесли её топором.

— А, понятно! То есть, именно поэтому они не могут догадаться отломать от дерева ветку, всунуть её в шею и надеть свою голову на оставшийся конец, и вместо этого тащат её в руках. То есть, высшие — высшими, какими-то экстрасенсорными талантами нечистая сила их наделила, но элементарное — ума и простейшей техники — не дала.

— Или отняла, — поддакнул Славик. — Может, до этого у них был ум. До того, как «высший» не успел вовремя вылететь перед выстрелами «низшему» в череп, и ему повредило мозги, ум у него был.

— Да?... Понятно, — проговорила Люда. — И это всё, что ты вспомнил?

— В смысле? А что ещё я должен был вспомнить?

— Ну, я думала, ты вспомнишь, что тебя укусили.

— Меня?!

— И от этого ты всё время теряешь память.

— Ты чё, опять прикалываешься?

— Нет, я серьёзно.

— Слушай, отдай лучше «пушку»! Я её реально боюсь.

— На фига?

— Ну, ты же видишь, как легко с ними бороться: отобрал у каждого из них голову, как мячик, и откинул её подальше. Потому что они тупые, все до единого. А?... Дай, я её положу туда же, откуда взял и мы слиняем отсюда по-тихому.

— Нет.

— Что значит, нет!

— Ну... Видишь ли... Я не хотела тебе это говорить, но меня тоже укусили.

— Чё? — испуганно посмотрел на неё Славик. Но тут же решил, что это шутка. —

Высшие или низшие укусили тебя?

— Не разобралась.

— И что ты собираешься делать? — тихо проговорил Слава.

— Да я долго решаюсь. Сначала думала, что объясню тебе эту тему. Но потом увидела, что ты какое-то сцекло: всё время норовишь положить эту пушку туда, — кивнула она в сторону одного из окон в бараке. — Ну, я рассчитывала, что ты меня убьёшь. То есть, выстрелишь в голову. Но после передумала.

— Чё?... — ещё испуганнее произнёс Славик.

— Ну, я инфицирована и придётся мне выстрелить в себя самой.

— Фу-у, — выдохнул Облаков. — А я думал, ты собираешься сказать: «но теперь я от тебя вынуждена защищаться и поэтому застрелю, чтобы ты...». — Славику очень серьёзно не нравилась эта девица. И всё, что она говорит, он понимал, как розыгрыш, но какой-то безумный розыгрыш.

— Нет, не про это.

— А что же тебя всё время тревожит.

— То, что я в халатике, — произнесла Люда через несколько минут нерешительного молчания. — Ну, в смысле, если я сейчас выстрелю себе в голову, ты не захочешь

посмотреть, что там у меня под халатиком?

— Ты за кого меня принимаешь?! — проблеял Вячеслав: голос как всегда был предательски-трусоватый.

— Между прочим, я видела, как у тебя топорщится брючина. Там, между ног.

— Ты серьёзно считаешь, что... — опять пытался он сказать нечто в своё оправдание, с вопросительными интонациями.

— Да ладно, не обращай внимание, я пошутила.

— Просто мне не нравятся твои шутки.

— Ну, я имела в виду, что ты захочешь снять с меня халатик и... И поискать то место, в которое меня укусили. Ну, чтобы определить, правду ли тебе я сказала или наврала.

— Просто: он не мог тебя укусить, — старался Славик отшутиться. — Ведь ты же отбросила голову этого зомби до того, как он её к тебе прислонил?... Ну, я хотел сказать, зубы: до того, как он прислонил зубы «своей» головы к твоей шее.

— Нет. Я имела в виду, укусил ещё задолго до этого: до того, как ты меня сюда привёл.

— Я не понимаю... Ты что, всё время разыгрываешь?... Ну, в смысле, ты не хочешь показывать место укуса. Думаешь, что, если пустишь себе пулю в лоб, то я начну... ну, это самое: задирать тебе твою юбку... То есть, чтобы убедиться, якобы ты не гонишь, а тебя реально цапнули. В смысле, инфицировали. Получается, что ты симулируешь безвыходное положение.

— Ну, то есть, ты не будешь лезть мне под платье.

Славик был настолько напряжённым и настолько напуганным, что не заметил, как сзади к Люде подкрадывался всё тот же увалень. Тот, чью голову она отбросила, а он за ней вернулся и поднял? Нет, вернуться и найти эту голову он не мог, поскольку при нём не было тросточки для слепых и собаки-поводыря. Наверное, это какой-то другой, который незаметно обошёл весь барак и тихо подкрался. Дело в том, что его голова (та, которую он оторвал от кого-то из низших; от кого-то из порабощённых «высшими») болталась на ветке, которую тот отломал от дерева. Значит, это был тот же, «высший», кто первым пытался напасть на Люду? Он подслушал её разглагольствование про ветку и решил взять на вооружение?... Неважно. Главное, что он подкрался и выхватил у девушки пистолет.

Люда резко обернулась, — возможно, чтобы смерить этого наглеца взглядом, — но было уже слишком поздно: «наглец» успел вскинуть пистолет и нажать на курок. Прогремел выстрел, но Люда даже не пошевелинулась. Она стояла к Славику затылком и он не мог видеть всего того, что заметил за мертвяком. Не успел разглядеть, в кого конкретно был направлен ствол перед тем, как прогремел выстрел — в неё или в стрелявшего. В общем, то, что он заметил, выглядело примерно так же, как в коридоре, на пятнадцатом этаже, где он выстрелил в голого мужчину, изо лба которого потёк чёрно-зелёный гной. И только сейчас Слава понял, что это было: почему этот голый не упал после его стрельбы в голову. Просто пуля сделала рикошет и попала куда-нибудь, в стену. Потому, что сейчас она сделала двойной рикошет: задела кожу этой головы (висящей на палке, отломанной от дерева), изо лба которой потёк гной, скопившийся под кожей. И задела так же лоб Люды. Это увидел перепуганный Славик, когда повернул её лицом к себе.

— Знаешь, откуда взялись эти не обезглавленные зомби? — заговорила Люда нечто бессмысленное (то, чего Славик совершенно не понимал). — Это, как ты выразился, «низшие». Их поработили «высшие»: заставляли нападать на прохожих, обглаживать, а потом вспарывали им брюхо. Ты всё правильно вспомнил. Но почему-то не сказал самое

главное: то, что низшие зомби лежали ещё задолго до того, как приехали военные и положили всех без разницы, приняв наверное их за «высших». А потом они начали подниматься и отрывать им головы. Понял, как было дело? Не выкапывали эти головы из-под земли, а...

— Что ты такое говоришь?! — прервал Славик её скороговорочную речь. — Он в тебя попал?! Или задел чирком?!

— Я говорю, что проблема всех привидений, которых мы с тобой видели, не в пистолете. Не в том, что у тебя какой-то магический пистолет. Проблема наверное всё-таки в доме. Он, как ловушка: один раз в него вошёл и уже не выйдешь, если не хочешь потягаться с привидениями.

— Ты не ответила на...

— Да мне начхать на то, что ты спрашиваешь. Сейчас я говорю, а не ты. Приколись, что это за любопытный дом? Первый раз в негоходишь — становишься невидимым. Потом заходишь во второй раз — материализуются все эти барабашки, но не внутри дома, а вокруг дома. Заходишь третий раз — материализуются «низшие-зомби». Те, которые лежат, даже несмотря на то, что у них есть голова на плечах. То есть, их использовали в качестве мясорубки, но они всё равно такие же невидимые для невооружённого глаза, как и все остальные «высшие зомби». Кстати, и военные — тоже барабашки из этого хренова дома!

Должно быть, Люда пыталась успеть протараторить всё это до того, как «Высший» повторит свой неудавшийся выстрел и пробьёт ей череп. То есть, навывлет. Но она не ожидала, что «двойной рикошет» повторится, опять, во второй раз. Зомби опять в неё выстрелил. Только в следующий раз, когда пуля срикошетила, она не улетела в воздух, а попала в голову Славику. И для кого она всё это рассказывала? Перед кем распиналась — неизвестно.

Славик рухнул замертво, на траву, которая оросилась кровью, потёкшей изо рта парня, а зомби, который в неё целился, хотел не промахнуться — не произвести ещё один рикошет уже в третий раз. Но, видать, поговорка «бог любит троицу» в отношении «высших» зомби не работает точно так же, как стрельба из пистолета по их головам. Потому что на этот раз, либо произошла осечка, либо в пистолете банально кончились заряды.

Зомби нервно отбросил пистолет в сторону и пошёл. Кстати, в этот раз он шёл правильно, а не так, как прежде — задом наперёд. То есть, уходил более шустрым шагом.

И, как Люда ни стреляла ему в спину, не помогло, только расстреляла все гильзы. Правильно Славик ей объяснял, что на «высших» зомби не действует стрельба по позвоночникам?

Она вошла в барак, чтобы покопаться там, внутри. Может, удастся найти коробки с патронами? Ведь как-то же ей удаётся случайно (наобум) находить в нём предметы, которые Славик, без её помощи, искал бы в нём наверно сутками, но так ничего бы и не нашёл. Просто, перед тем, как последний раз выйти из барака, она прочла на двери послание. То самое, которое в прошлый раз Славику оставил некий «барабашка». Тогда, когда паренёк в самый первый раз вышел из этого барака. Люда только сейчас поняла смысл этого послания и смогла связать его с последующим развитием событий: барабашка всячески норовил ему отомстить.

Она настраивалась найти коробку с патронами как можно быстрее. Чтобы не дать этому гаду с чьей-то чужой головой, болтающейся на отодранной от дерева ветке, уйти слишком далеко. И там вдали раствориться, или растаять в какой-нибудь вечерней предзакатной тени. Слиться с темнотой.

И, когда она расхаживала по бараку, занимавшись своими поисками, её неожиданно отвлѣк какой-то подозрительный шум, донѣсшийся со стороны входа. Такой звук, будто бы кто-то пытается переломить пополам ветку, чтобы, возможно, насадить на неё чью-то голову.

Люда очень сильно испугалась того, что один из «обезглавленных» уже успел отодрать от лежащего в траве Славика его череп и сейчас уже приделывает к своему поганому туловищу...

Она, сначала подбежала к зарешѣченному стальными прутьями окну, но ничего не могла в нём разглядеть, поэтому бросилась в сторону коридора, который ведѣт к выходу из всего этого ужасного барака, но, опять-таки, не увидела ничего подозрительного. Конечно, кроме того, что оставленная на двери надпись неожиданно изменилась.

Как оказывается, на двери можно не только писать прозу, но и «нацарапать» целое стихотворение. Дверь — прямоугольная, как доска в Людмилином классе, если, конечно, данный прямоугольник перестановить из горизонтального в вертикальное положение. И — можно запросто творить на нём свои самодовольные, графоманские стишки.

ЭТОТ ДОМ — ПОЖИРАТЕЛЬ СЕРДЕЦ.
КТО В НЕГО ВОЙДѢТ — ТОТ УЖЕ НЕ ВЫЙДЕТ:
ЕГО СЕРДЦЕ ПРЕВРАТИТСЯ В ПРЕДМЕТ,
ТАКОЙ ЖЕ МИСТИЧЕСКИЙ КАК ВАШ ПИСТОЛЕТ.
И ПУЛЬКИ ТЫ ЗДЕСЬ НЕ ИЩИ — НИЧЕГО НЕ ВЫЙДЕТ.
И МЕНЯ — ФИГ ТЫ УБЬЁШЬ, ТАК КАК Я УЖЕ ПРИЗРАК.
ТРАХНИ ЛУЧШЕ СВОЕГО ПАРНЯ, ПОКА ОН ТѢПЛЕНЬКИЙ.
ГЛЯДИШЬ, ОЖИВѢТ — И БУДЕТ ТЕБЯ ТРАХАТЬ ПЛѢТКОЮ.
ЗА ТО, ЧТО ТЫ ДУРА ТАКАЯ — ЕГО НАПУГАЛА
И ОН НЕ ЗАМЕТИЛ, КАК СЗАДИ К ТЕБЕ Я ПОДКРАЛСЯ
И ПИСТОЛЕТ ВАШ ТАИНСТВЕННЫЙ ОТОБРАЛ.
Я ГОРЖУСЬ ЭТИМ ДОМОМ ТАК СИЛЬНО,
КАК НЕ ГОРДИТЕСЬ СВОИМИ ВЫ, СМЕРТНЫЕ.
И КРОВЬ ДАЮТ МНЕ ВОВСЕ НЕ СВИНЬИ,
А ВАШИ СЕРДЦА, СДЕЛАВШИЕСЯ ПРЕДМЕТАМИ.

Приложение. «Под куполом», из записок неизвестного

В будущем наверно должны производить роботов-экзорцистов, которые будут заходить в дома и изгонять из них злых духов. То есть, это такие особенные роботы-священники, после прихода которых полтергейсты навсегда изгнаны и никогда не войдут ни в чей дом. А где же в таком случае им жить? На улице, что ли?

Такая мысль пришла мне в голову, когда я увидел один необычный дом. Старый и разрушенный. В нём сформировалась какой-то небывалой силы аномальная активность, но

исключительно вокруг дома. В самом доме никаких аномалий я не обнаружил. Такого совершенно не бывает, потому что любая аномальная активность (условно называя: полтергейст) формируется внутри жилых зданий. Особенно, если здание находится в аварийном состоянии и брошено жильцами. Такое здание необходимо разрушить срочным образом. Если это деревянная постройка, то сжечь: сжигается вся негативная информация. Так, что на месте бывшего здания можно возводить новые постройки.

Этот же дом, который я увидел, был крайне необычен: как его ни уничтожай, как его ни пали — бесполезно: аномальная активность всё равно никуда не денется. И дом будет выглядеть так, как будто в нём «шаманил» этот самый — робот-священник. То есть, такой механизм, который изгоняет нечистую силу раз и навсегда. И всё зло обитает снаружи, как будто это здание находится под каким-то невидимым куполом, и зло очень далеко улетучиться не может.

Люду окружали всё те же грязные стены. И в окнах — всё те же решётки. Она пыталась понять, что происходит, но не могла сосредоточиться. Она начала вспоминать, потому что ей казалось, что у неё стёрта память о последних минутах, но, если быстро начать вспоминать, то можно создать иллюзию памяти. Саму память восстановить невозможно, но всё, что она успеет вспомнить за эти короткие секунды, ей будет казаться, что это и есть та реальность, которая с ней происходила.

Она вспомнила, что бежала следом за каким-то чудовищем в человеческом облики. В руках у неё был пистолет, поэтому чудовище от неё уходило. Она хотела его застрелить, поэтому за ним гналась. — Это всё, что ей удалось вспомнить.

«Но почему же я здесь? — не могла она понять. — И из-за чего я гналась за этим чудовищем? И вообще, как получилось так, что я опять вернулась? Может, это не тот дом? Меня сзади кто-то ткнул по голове и затащил в другой, такой же, похожий сарай...»

Она решила обойти все окна, чтобы всмотреться в решётки. Почему-то ей казалось, что дом она сможет узнать именно по этим металлическим прутьям на окнах, сваренным в решётки.

— Лучше сравни его по наваленным кучам мусора, — донёсся до Люды голос откуда-то со стороны. Она резко повернулась и увидела Славика за своей спиной.

— Ты про что? — машинально спросила она. — Кстати, а как ты здесь очутился?

— Да у меня такое странное ощущение, словно в меня кто-то стрелял и теперь меня поменяли со стрелявшим телами.

— Стрелял?... В тебя?... КТО?

Она так испугалась, словно Славик укажет сейчас на неё. Как раз подходящий случай к тому, что она ничего не помнит.

— Точно не помню. Но зато я определённо понял, почему я так боялся этот пистолет... Потому, что рано или поздно этот мерзавец обязательно должен был выстрелить. Ну, и как правило, подбить своего хозяина... Что ты так удивлённо на меня смотришь? Это же мистический пистолет — не забывай.

— Да я просто не поняла. Ну, запуталась.

— Почему не поняла?

— Ну, наверно потому что переволновалась... Про какого мерзавца ты говоришь?

— Да про того самого же: про пистолет.

— О, чёрт! — прокричала она. — Кажется, я всё вспомнила!

— Да неужели? — усмехнулся он.

— У меня отшибло память, но сейчас я на тебя посмотрела и точно всё вспомнила, — кричала она как скороговорку. — Ты упал, потому что тебя застрелили. А вот сейчас ты снова живой! И у меня это ещё больше не укладывается в голове: как такое возможно? Ведь я видела кровь... Я...

— Постой. Кажется, я понял, что происходит. — Славика тоже, словно осенило. — Я всё время думал, что у меня воруют память и таким образом перебрасывают меня в будущее. А сейчас неожиданно понял: меня не в будущее перебрасывают, а в прошлое. Только

поэтому я ничего не помню. Но что, в таком случае, они забирают у меня взамен? «Память» — такой ответ не годится.

— Почему ты именно так решил? — округлились у Люды глаза. — Почему они не могут менять направления: сначала перебрасывать в будущее, а потом в прошлое. Не всегда в одну и ту же сторону.

— Ну, ты же сама сказала, что меня застрелили. Не мистический же этот пистолет подлетел в воздух и выстрелил мне в голову? И я поверил тебе в то, что в меня стреляли. Как видишь, логика сама напрашивается.

— Я говорю, что в прошлое тебя перебросили только в этот раз. А до этого всё время перебрасывали в будущее.

— Я спрашиваю: что вместо этого они берут взамен, а не пытаюсь выяснить, в какую из двух сторон меня перебросили.

— А что, они обязательно что-то должны брать? А просто так за бесплатно перебрасывать не могут?

— Ты опять произносишь свои остроты?

— Почему остроты?

— Ну, потому что это такой же глупый вопрос, как и предыдущий: «почему именно в прошлое, а не в будущее?»

— Ладно, — иронически согласилась она с тем, что вопрос дурацкий, — по фигу.

— И ещё одно, — решил Слава продолжить её критиковать. — Почему ты решила проверить именно по решёткам?

— Что — по решёткам? — пыталась Люда сделать вид, что совершенно не понимает, о чём он её спрашивает.

— Проверить, тот дом или не тот.

— Не по решёткам, а по окнам... Ну, в общем, тебе очень непросто будет это понять, так как ты тугодум. Ну, в смысле, человек с пулькой в мозгу. Я просто хотела посмотреть, лежат ли за окнами те обезглавленные или не лежат. А ты меня отвлек. Ведь, если за окном никого нет, то это будет означать, что дом не тот. Согласитесь Шерлок, ведь это элементарно?

— Да, они могут лежать и вокруг другого такого же барака! Элементарно, Ватсон, не правда ли? — передразнил он её самонадеянный тон. — Просто я подумал, что, раз ты так быстро находишь пистолет, то, значит, могла запомнить... этот самый... Мусор. И по мусору определить, тот или не тот.

— О, пистолет! — осенило её. — Если мы находимся в том же бараке и, по твоим словам, нас перебросило в прошлое, то пистолет должен лежать в той же куче мусора? Вот, как мы определим, тот или не тот!

И она кинулась в сторону запомненной кучи мусора. Но пистолета там не было. То есть, Люда точно была уверена, что искать его на поверхностях каких-то других куч совершенно незачем, поскольку она точно запомнила именно эту.

— И что? — ухмыльнулся Слава, — пистолет исчез?

— Да нет же! Просто нужно обойти весь этот барак и поискать его там. Стопудово, что я его оставила где-то снаружи.

— И так мы выясним, что это тот же дом, а не какой-то другой?

Но она не слушала его «эгоистических насмешек», а побежала в сторону двери выхода.

Слава же никуда не бежал. Он продолжал стоять и пялиться на свои ботинки.

— Нашла-нашла! — прохихикала Люда, подбежав к окну. — Трататушечки-та-та.

Славик тоже направился к выходу: «Но, может, это не тот пистолет, — продолжал он над ней потешаться. — Может, его специально подбросили, чтобы сбить тебя с панталыку? ... Чтобы ты запуталась в правильности домов».

— Какая блин разница! Главное, что у нас есть оружие для защиты!

— Ага, только пулек в нём не фи́га нет! — хохотнул Славик.

— О, точно, — спохватилась и Люда, — я же их все поперестреляла. И откуда ты всё это знаешь?

— Что знаю?

— Что я расстреляла все гильзы.

— Да, как-то так. Интуитивно, что ли.

— Как можно интуитивно определить, есть в пистолете пули или нет, — усмехнулась Люда.

— Ну, пистолет же мистический! И, как ты говоришь, у меня в мозгу застряла его пуля. Может, этот пистолет передаёт в неё какую-то информацию. Мало ли? Только вот что мы теперь будем делать, без патронов.

— Пойдём и поищем какой-нибудь оружейный магазин.

— А если в нём будет пусто?... Ну, я имею в виду, что, если людей нет на улице, кроме конечно тебя и меня, то и в магазинах может наблюдаться точно такая же картина: голые стены и полное отсутствие товаров. Ну, нет даже прилавков.

— Скажи честно: «я не хочу никуда отсюда уходить, потому что мне здесь понравилось в этом бараке»! Ты что, всех этих мутантов боишься? Они же безобидны. Единственное, чего от них можно ожидать, это, как от того, который у меня пистолет выхватил и начал палить... по нам. Но, поскольку в пистолете нету пулек, то чего-то более изощрённого они с нами не сделают.

— С чего ты взяла, что я чего-то боюсь?

— А почему тогда не идёшь?

— Да иду я, иду!

2

Оружейный магазин эти двое нашли очень быстро. Предположения Славика насчёт отсутствующих прилавков не оправдались. Людей всё так же не было, но боеприпасов — хоть отбавляй. Просто Славик не решался впускать Люду в этот магазин, чтобы та не поддавалась соблазну. Ей тут же захочется выбрать себе какое-то ружьишко посолиднее. Поэтому он соврал про то, что в магазине нет прилавков и, если они в него попадут, то их будут окружать одни сплошные голые стены. Но Люда, как будто прочла его насмешливые мысли и не поддавалась ожиданиям. То есть, она не стала кидаться на лежащие в витринах ружья, как сорока на блестящие украшения. Она выбрала только то, что изначально планировала выбрать. Просто Люда совершенно не разбиралась в калибрах и брала каждый отдельный патрончик из каждой отдельной коробочки, пыталась вставить его в пистолет и выстрелить: стреляют эти патроны или не стреляют; может, они холостые. Ей было ужасно неловко от своей нерасторопности, поэтому к каким-то другим ружьям девушка прикасаться не стала. Это, опять же, столько же долго придётся примерять и выстреливать. А у неё уже уши заложило от первого выстрела. Так можно и совсем оглохнуть.

Когда они вышли из барака и двигались в сторону магазина, то нигде не видели ни одного зомби. Все, медленно шевелящиеся туловища, скопились только вокруг барака. Поэтому парень с девушкой зашли заодно и в спортивный магазин, взяли себе по велосипеду, чтобы поехать по всему городу и точно убедиться, что их предположения не обманные: нигде в городе больше нет ходячих мертвецов, а только в одном месте — возле барака. На то, что им удастся найти кого-либо из «выживших» или попытаться разобраться в том, что здесь происходит, об этом даже и мысли быть не могло. Покамест обоим интересовало только наличие зомби. Мол, почему все ходячие мертвецы скопились только возле одного конкретного барака. И, если в городе действительно больше нет ни одного трупа (неважно, живого или застреленного), то ребятам это может показаться очень странным. По крайней мере, оно заставит их задуматься.

Как Славиком и ожидалось, весь город был совершенно пустынным. Они исколесили по несколько раз его окрестности, но никого — как не было, так и нет. Слава даже невольно начал волноваться: уж не прячутся ли мутанты, каким-то шестым чувством унюхавшие приближение малолетних разведчиков?

— Что, — спросила его Люда, — предлагаешь останавливаться возле каждого дома, да проверять подвалы — не забежали ли они в них?

— Нет, я просто так предположил.

— А вообще, это прикольно, — пустилась она в рассуждения.

— Что — прикольно?

— Да то, что сбылась мечта идиотки! Может, я с самого детства хоть раз мечтала погулять по полностью пустому городу. Сам понимаешь: ночью бродить опасно — могут подъехать патрульные и принять меня за бомжовку. Ну, подумают, что я из дома сбежала. А днём — даже выходить тошно. Идёшь по улице и, такое ощущение, словно все на тебя пялятся. Ну, как будто бы у меня ширинка расстёгнута, а то и вовсе: штаны где-то потеряла.

— И тебе хотелось бы ездить на велосипеде, да? Да посильнее нажимать на педали, чтобы никто из прохожих не успел к тебе «присмотреться».

— А почему с такой иронией?

— Да потому, что не на тебя все смотрят, а наоборот: ты смотришь на каждого в отдельности, да ещё и этак подозрительно смотришь, словно хочешь у него спросить: «у меня что, на лбу что-то написано?»

Вместо того, чтобы сказать ему «кончай вышучивать», она сказала следующее:

— Просто я хотела тебя о чём-то попросить, да всё было неудобно, а сейчас самый подходящий случай.

— О чём?

— Ну, чтобы ты не ехал за мной следом, как маленький мальчик за своей мамой. Куда я сверну, туда и ты сзади едешь.

— Я в курсе, что тебя смущаю. Что ты хотела бы одна покататься. Но я еду только потому, что у меня нету сотовой связи. Ну, ты же видела, как неожиданно материализовались все эти туловища? А что, если они могут, как исчезать, так и материализовываться и, как только мы разъедемся, да друг от дружки удалимся на такое расстояние, чтобы нельзя было докричаться, и вокруг каждого из нас материализуются целые толпы, то что тогда? Тут уж никакая сотовая связь не спасёт!

— Это всё твои фантазии. Ты просто так, без отговорок, не можешь оставить меня в покое? Ехать своей дорогой — а я своей.

— А ты представь себе, что я — не я, а твоя тень? И тебе сразу же полегчает, вот увидишь!

— Нормальная — говорящая тень, — усмехнулась та и они поехали дальше. Решили двигаться в сторону барака. Потому, что Люда предположила, что она в этом бараке потеряла что-то очень важное. И ещё ей вот что подумалось: если во всём городе нет никаких туловищ, то, может, они рассосутся и вокруг барака? Не «рассосутся», а исчезнут. Конечно, если этот «тень» прав в том, что «высшие» зомби умеют, как появляться, так и исчезать.

Однако, когда они приехали, то «зомби» не «поисчезали», не «сгинули», а, как продолжали лежать, так и лежат.

— Ну, и как я теперь в этот барак войду? — запричитала девушка. — Всё-таки надо было в том магазине захватить побольше винтовок! Но — мне просто лень было возиться. Я такая капуша...

— Чтобы в каждой руке держать по ружью? Да не надо в него входить, вот и всё.

— А что я теперь делать буду?! Я по карманам пошарилась, раз такая, а мобильника нет! Значит, пока мы прятались от тех якобы вояк, он у меня из кармана незаметно выскользнул.

— Дак ты чё, хочешь найти свой мобильник?! — округлил он глаза.

— А чё? Я не имею на это права, что ли?

— Да я просто не представляю, куда бы ты его засунула в этом своём домашнем халатике!..

— Да какая на фиг разница? Главно, что я потеряла!..

— Я предлагаю не перекапывать все горы мусора, а...

— Да чё их перекапывать! Я точно запомнила то место, в котором мы прятались!

— ...а поехать в соседний город, — продолжил Славик. — Если зомбей не будет даже и там, то только тогда мы вернёмся к этому бараку.

— А чё тебе приспичило — найти хоть одного зомби за пределами этого барака?

— Потому, что, если мы найдём хоть одного, то перед нами может раскрыться хоть какая-то тайна. То есть, мы точно будем знать, что ходячие мертвецы только на одном этом бараке зациклены.

— Про какую тайну ты говоришь?!

— Я говорю про то, что, если не найдём ни единого (если соседние города будут такими же пустынными как и этот), то это и будет та главная тайна: тайна этого хренова барака.

И Люде как-то уже расхотелось отдаляться от Славика и гулять в одиночку по улочкам своего родного города. Это такая же странная перемена настроения, как и её страх приблизиться к бараку после «шопинга» по оружейному магазину. То есть, получается, пока у неё пулек не было, она ничего не боялась, но сразу как зарядила пистолет, тут же откуда-то взялся этот странный страх.

Доехали они, странным образом, очень быстро. Славик даже удивился: быстрее, чем он ездил в этот город на автобусе. У велосипеда-то скорость в пять раз медленнее, чем у автобуса. Даже несмотря на то, что автобус делает кучу остановок.

Естественно, город был таким же пустынным, как и родной — Славика и Люды. Пока

они по нему ехали, Славик ничего подозрительного не замечал. Позже он удивится, почему не только он, но и Люда не заметила. Ну, как будто бы они сговорились: «едем молча и ни на что не обращаем внимание, конечно, если нам покажется что-то совсем уже странное». Но причина, почему этого не заметила Люда, была очень доступная для понимания.

— О, смотри! — заорала она. — А ты говорил, что, если покататься по всему шарик, то не встретим ни одного зомби? То, что они зациклены только возле твоего барака, где ты свой пистолет подобрал?

Славик увидел это ещё раньше, но не мог озвучить. Что-то ему казалось каким-то тревожным в том, что он увидел. Хотя, с другой стороны, он должен был сильно обрадоваться и никакой тревоги не ощущать. Ведь, если в этом соседнем городе он увидел толпу зомби, значит, тайна барака раскрыта. То есть, как таковой, этой тайны не существует. Но Славян любил так выражаться, что, если тайны не существует и он самолично в этом убедился, то это одно и то же, что «раскрыта».

— О, чёрт, — проворчал Слава. Наконец-то до него дошло, что содержит в себе эту тревогу.

— Что? — посмотрела на него Люда.

— Поворачиваем назад!

— А что случилось?! Чё, трудно объехать этих мертвяков стороной?

— Мне нужно кое-что проверить, — ответил тот. Он не хотел ей озвучивать причину, потому что эта Люда наверно никогда не выбиралась из своей квартиры. И город, в котором она живёт, видится ей совершенно незнакомым. Поэтому — что толку говорить?

Славик вёл Люду в сторону одного здания. Он примерно знал, где оно находится, и хотел проверить, так это или не так.

— О, ну точно! — воскликнул он сразу, как корпус заданного здания попал в его поле зрения.

— Да что ты всё время окаешь? Толком сказать можешь?!

— Пока нет.

Подъехав к зданию, они слезли с велосипедов и подошли к подъезду. Слава очень быстро набрал код — и дверь тут же открылась. Они зашли во тьму, потому что лампочки в подъезде, то ли были выбиты, то ли проблема всего лишь в электричестве.

— Куда мы идём? — спрашивала она не про направление, а про то, чтобы не заблудиться в темноте или, чтобы не врезаться в стену.

— Хочу проверить, — ответил парень, — подойдёт ключ или не подойдёт.

Когда он подвёл подругу к заданной двери и сунул руку в карман, то ключа не обнаружилось.

— Чё такое? — посмотрела на него Люда.

— Ключа нет. Но это точно моя дверь. Верить или не верить?

— А на фиг ты меня привёл к своей двери? — на секунду запуталась та или не хотела пошевелить извилинами. — Позвони, может, дома кто-то есть...

— Да ты не поняла! Я тебе говорю, что это мой дом. Врубайся...

— Ты чё, за лохушку меня держишь? Я не тупая — сама поняла, что ты привёл меня в гости, но, ах-ах-ах, ключи потерялись!

— Я говорю, что это тот же город!

— И чё?

— Ты чё, действительно тупая?! Мы ехали в соседний город, а попали в наш, — устал он

уже перед ней распинаться.

— Ну и что здесь странного? Просто дорога шла кругом. Только ты не заметил. Ты же сам сказал, что слишком быстро приехали. Значит, просто вернулся обратно в тот же город! Вот ты дебил!

— А кучка зомби?!

— Что — кучка зомби?

— Они ведь не должны бродить по всему городу, а чётко сконцентрироваться вокруг барака!

— Да, может, там и есть тот же самый барак. Ты же точно не видел, что они топчутся вокруг какого-то дома?

— Ты хочешь сказать, что там находится этот барак и вокруг него толпится стадо зомби?

— Ну да! — странно проговорила та. Она всё ещё понять не могла, чего он так завёлся. Главное, из-за какой-то ерунды: из-за дурацкой уверенности, что он попал в город-призрак. Вернее говоря, в клонированный город.

— Тогда нам надо поехать и собственно во всём убедиться.

— Блин, вот ты недоверчивый!

Она ещё раз надавила пальцем на несколько звонков. Всё это время, пока они торчали в Славином коридоре, Люда звонила, то в ту, то в эту дверь. Ей почему-то не верилось, что ни в одной квартире нет никаких хозяев. Потом они вдвоём выскочили из подъезда, оседлали велики и погнали в ту сторону, где Славик увидел толпу зомби. Он правда не понял, что толпа пасётся вокруг какого-то одноэтажного здания. Самого здания он не разглядел, увидел только толпу, и вспомнил, что такое странное он не мог понять на протяжении всего того времени, пока они вдвоём ехали по городу. Но сразу, как этих зомби увидел, то неожиданно понял: «Да это же копия нашего города! Вот, чего я понять не мог?» Теперь ему ещё сильнее хотелось убедиться в том, что в середине зомбированной толпы торчит этот самый барак. Он почему-то был уверен, что, если барак увидит, то окна в нём будут без решёток, и входная дверь будет болтаться на одном шарнире. Тут-то он Люде и докажет свою правоту: «Видишь?! Я в этом бараке находился! Ну, до того, как мы сегодня с тобой встретились. И знаешь, что это означает? То, что меня перебросили не в будущее, не в прошлое, а в город — точную копию нашего! Ну, теперь-то ты веришь, что это другой город?! Если ты всё ещё продолжаешь наивно думать, что это тот же самый, то мы легко можем съездить в тот, из которого приехали и ты самолично убедишься в том, что на окнах тамошнего барака есть решётки! Ты же сама видишь, что здесь их нет!»

Когда они приехали, разогнали зомби, чтобы проделать между ними хотя бы узенький коридорчик, то там действительно был барак. И, как успел разглядеть сквозь зомби Славик, окна были зарешечены. Ходячие мертвецы особой опасности не представляли, потому что каждый из них поменялся местами с лежащими мертвяками-невидимками (поскольку парень с девушкой несколько раз вошли-вышли из данного барака, то персонально для них лежащие и обезглавленные «низшие» зомби казались видимыми) и удерживал над плечиками отодранную у тех голову, при помощи рук. В случае чего, её можно было выхватить и отшвырнуть.

У Славаика уже начиналось сильное негодование, но, как только он подошёл вплотную к одному из окон, на сердце сразу же полегчало.

— Вот видишь? — заорал он, показывая пальцем на металлические прутья решёток. — Что я тебе говорил!

— Чё ты вопишь, как резаный?! На фига ты меня сюда привёз, к этому дурацкому бараку? Чтобы наорать?

— Ты всмотрись в решётки, — так и этак распинался он перед ней. — В них более толстые прутья, чем в том городе!

— В каком «том» городе?! Это один и тот же город! Чё ты такой упёртый? Элементарных вещей не понимаешь. Доказываешь мне как дальтонику, что красное — это зелёное!

Слава маленько сник. Он чувствовал себя тупицей. Ему действительно очень трудно сейчас было доказать, что «красное — это зелёное».

— Я просто хотел сказать, что решётки... то есть, прутья более толстые.

— Не глухая — слышала! Но я что-то не заметила никакой разницы: были решётки и никуда не делись.

— Но ты же сама начала с того, что это не тот барак!.. Мол, что его кто-то подменил.

— Ну и что? А чё ты за мной повторять начал? Вот это меня больше всего бесит: когда люди сами ничего придумать не могут... Всё, что они умеют — только за другими повторять!

Слава так про себя подумал, что спорить с ней сейчас бесполезно, ибо она упёрлась. Нужно просто попытаться сменить пластинку.

— Может, рискнём? — решил он ей предложить.

— Чё — рискнём?

— Зайдём в этот барак и выйдем, авось всё вернётся. То есть, пропадут зомби и на улицах появятся люди.

— Это всё, для чего мы приехали сейчас с тобой к этому дерьмовому бараку?!

— Ну, я не знаю, как до тебя достучаться! Как сделать так, чтобы ты поверила, что это другой город, а не тот же самый!

— Вот ты задолбал: повторяешь, как попугай!

— О, придумал, как! Можно вернуться к тому бараку, от которого мы приехали, а здесь снять замеры толщины решётки. Там сравнить и ты точно убедишься, что барак не один и тот же. Ведь ты же согласишься, что, если это какой-то другой барак, то и город совсем другой?!

— Да я как-то уже устала: доказывать, блин, и проверять! У меня такое к тебе предложение: если ты говоришь, что это не твой город, то тебе не в лом будет выбить дверь своей квартиры? Просто я зверски устала туда-сюда мотаться и дико хочу спать!.. Ну, хотя бы часик перекемарить.

— То есть, если я выломаю дверь, то ты согласишься, что это не тот город, в котором я живу? Потому, что всё может вернуться в любую секунду (это видение, в которое я тебя втянул, неожиданно сгинет и на улицах «материализуются» люди и вездесущие машины), а дверь у меня будет сломана и мне, как полному лошаре, придётся вызывать мастера, чтобы тот её починил.

— А пожрать у тебя чё-нибудь есть? — игнорировала она его вопрос.

— Да должно быть, — пожал он плечами. — Ведь в том магазине, в который мы

заходили, товары не исчезли? Ну, и прилавки... В общем, всё убранство на месте.

— О, придумала! Это же гениальная идея... Можно зайти в любой магаз и набрать хавчика полную тележку! Ну, если там всё протухнет, так как хрен знает сколько времени прошло, то нагрести каких-нибудь консервов... Во! И бухло! Самое главное — чуть не забыла: бухло-то не портится?... В общем, бухла побольше!

— Будем заливать своё горе?

— Какое горе? Наоборот радость! Это же впервые можно, на халяву! У меня такого никогда в жизни не было...

— Ну-ну, — невесело хмыкнул Славик, — ты живёшь сегодняшним днём.

— Просто на сытый желудок лучше думается, — показала она ему язык на его кислый тон.

— Горе, — вспомнил он о том, что не ответил на её вопрос, — состоит в том, что апокалипсис только начинается. И, когда он прекратится, неизвестно.

— Как так?! — сделала она деланное недоумение. — Ты же сам сказал, что он в любую секунду может прекратиться!

— Ну-ну, — опять Славик вздохнул печально.

— Чё ты разнукался!

— Просто представь себе, что мы покончим жизнь самоубийством... Представила?

— Ну, допустим. Просто я не понимаю, к чему ты клонишь.

— И вот, сразу, как мы покончили, апокалипсис резко прекратился. Вот, про что я говорил: «оно может прекратиться в любую секунду». Ведь если бы мы эту секунду переждали, то мир мог бы неожиданно поменяться местами. Ну, в смысле, я имею в виду города, — говорил он всё это в то время, пока они катили в сторону ближайшего супермаркета. — Этот город перестанет быть копией того, в котором мы живём. То есть, он резко поменяется и сделается соседним. Поняла теперь? Я говорю о том, что, в какой бы другой город мы с тобой ни поехали, везде будет одна и та же картина: в глуби города будет стоять барак, а вокруг него — пастись прежнее зомбированное стадо.

5

Конечно, они натаскали много еды из супермаркета. Конечно, еда протухнуть ещё не успела. Тем более, что Славик с лёгкостью высадил дверь в своей квартире и можно было носиться туда-сюда (из Славикова дома в супермаркет и обратно) и таскать-таскать-таскать. А вся причина в том, что Люде те «скучные салатики», что «хныкали» в его холодильничке, показались неприлично пресными; хоть она не испробовала ни один продуктик (всякие там кашки-малашки и тому подобное «детское питание»), но была уверена, что они не шли ни в какое сравнение с настоящими деликатесами. «Ну, не будем же мы жрать кисляк, — оправдывалась она, — когда рядом целая харчевня? И всё на шару!»

Если бы дверь была закрыта как в прошлый раз, в квартире Люды, то мутант опять принялся бы в неё ломиться. Как и в прошлый раз, на стук бы ему не открыли, и ожидалось бы нечто нелицеприятное; например, какая-нибудь кровавая баня. То есть, кровь так сильно бы лилась даже через верхние прощёлочки закрытой двери (те, которые под потолком), а туловище, которое стучится, стояло бы и жадно всё слизывало, потому что кровь текла бы по наружной стороне двери. Но, поскольку дверь была высажена, то вошедший стучаться не стал, ибо некуда: дверь лежала на полу. Ну, не будет же он садиться на корточки и стучаться

в эту лежащую дверь?

— Так, — произнесло туловище своим утробным голосом. — Вы должны расплатиться за приобретённые покупки. Любые товары в магазинах есть частная собственность нашей новой цивилизации.

— Чего? — едва не полезли на лоб глаза у Люды. — Какой на фиг «цивилизации»? Вселенной ходячих мертвяков?... Эй, приятель! У вас что, зомбимоб в вашем супермаркете? ...

— Девушка, — терпеливо проговорило туловище, — у меня нет времени Вам объяснять. Отвечать на Ваши вопросы — это слишком многословно получится. Просто молча оплатите и не задавайте никаких вопросов.

Люда была очень сильно подвыпившей, поэтому вела себя развязно. Если бы она не залила в себя всё, что у неё хватило сил приволокти из супермаркета, то, несомненно, бросилась бы в окно. Тем более, что Слава жил на первом этаже. Но сейчас у неё в голове всё перемешалось, её сильно клонило в сон, а тут ещё этот (непонятно кто) припёрся. Поэтому Люда, пока перегавкивалась с ходячим мертвецом, считала, что данная квартира — её собственная. И, поскольку проживает она на пятнадцатом, а не на первом, то визжать и пробивать стекло своим туловищем она явно не собиралась. Только покосилась на Славу: он уже спал, повесив голову до колен и ничего не слышал.

— А, извините, за что я должна оплатить?! Тут, ик, кажется, уже всё съедено. Ну, я хотела сказать, ик, что вы не докажете. Правда, что ли, я таскала разную хрень из вашего супермаркета?! — весело хихикнула она. — А то я что-то не припомню: память слабая после вылитого. Ну, я хотела сказать, что в унитаз всё... ик... вылила. Ой, выbleвала.

— Я не владелец супермаркета, — ещё более терпеливо объяснил субъект. — Я работаю продавцом в магазине оружейных товаров.

— Ой, ик! А я тебя там что-то не видела. Ты под прилавок спрятался? Наверно шнурок в это время завязывал. Вы же всё делаете, как эти... ик... черепашки.

— Дело в том, — начал пытаться объяснять он ей, — что мы, создатели этой удивительной цивилизации, не сразу приходим за деньгами. Потому, что деньги для нас — это не самое главное. Самое для нас главное — это...

— Приходите так же медленно, как черепашки?! — перебила она говорящего. — Ой, простите. А чем вы хотите, чтобы мы с ним заплатили?

— Своими снами.

— Чем?...

— Отдайте несколько часов или несколько суток своего сна. Если расплачиваетесь вдвоём, то оптом дешевле — несколько часов. Если одна, то оплачивать придётся сутками.

— Ой, а можно я подумаю? А то я... ик... ничего не поняла.

— Конечно-конечно! У Вас есть время. Я зайду как-нибудь попозже.

Конечно, всё она поняла. В смысле, услышала каждое слово в отдельности. Она уже потянулась к Славику, чтобы начать его будить...

— Вы ещё не готовы, — вернулся он на секунду, — поэтому я потом... как-нибудь попозже зайду.

— Как? — раздражённо прокричала она, — ты ещё не ушёл?

Ей показалось, что он уже вернулся и сейчас начнёт продолжать канючить: «Ну, так что? Вы уже успели подумать?»

— Всё, ухожу-ухожу-ухожу... Вы, главное, ни о чём не волнуйтесь! Если будете часто

пользоваться услугами нашего оружейного магазина и платить за это своим сном, то Вас никто в этом городе не тронет. Все сразу будут принимать Вас за своего. А если не будут, то Вы им покажете оружие с маркой нашего магазина — они тут же его узнают, и немедленно от Вас отстанут!.. Потому, что сон для нас — это самое дорогое. Ну, я имею в виду, Ваш сон.

Сказав это, он окончательно удалился.

— Эй, Слава, — принялась она расталкивать спящего в плечо. — А ну просыпайся!

6

— Понимаешь, — пытался ей объяснить проснувшийся Славик, чтобы ответить на всё то, что она ему рассказала, — я сплю всегда очень чутко и просыпаюсь от малейшего шороха. Скажи честно: тебе всё это приснилось! Хрень с мертвяком, который стоит и что-то тебе болтает. Какую-то белиберду про сон. Ты напилась и — такое бывает.

— Говорю же тебе — нет! — распиналась перед ним она. — Ты тоже напился — я еле тебя разбудила. И это называется «я очень чутко сплю»?

— Я правда бы проснулся, если бы вы разговаривали, — тоже распинался он перед ней.

— В общем, надо отсюда сматываться, из этого города. Поверь, мне он очень сильно не понравился! Вроде такой вежливый, весь из себя галантный, но внутри... что-то дьявольское. Оттого, что он говорил, у меня мурашки бежали по коже. Я даже не знаю, что, но кровь в жилах так и леденела.

— И как, по-твоему, мы отсюда удерём? Сядем на велики и уедем?! Если то, что ты мне здесь рассказала, была правда, то представь себе: эти типы на машине нас догонят. И что ты тогда будешь делать? Простреливать им колесо?!

— Да просто: убраться в другой город. Если всех действительно эвакуировали, то надо поехать и посмотреть: наверняка в других городах есть люди. А в эвакуированном — всякие галлюцинации являются. Особенно, на нетрезвую голову.

— Но я же тебе объяснял сто раз: ничего не получится. Почему мне ты не веришь, а я должен тебя слушаться? И верить во всяких лунатиков, которые приходят и требуют «денег» за сон... То есть, за патроны, которые ты якобы украла из их магазина. Ведь он даже документов тебе не показал, что он действительно в нём работает.

— А почему ТЫ мне не веришь? А? Может быть, я тоже сто раз тебе повторяла — устала уже повторять, что в нашем городе банальная эвакуация. Себе самому веришь в те глупости, которые ты говоришь, а мне... А меня за последнюю дуру считаешь.

— Опять «в нашем городе»?! — начал он выходить из себя. — Ты же сама была уверена, что барак подменили!

— Ну и что?! Я же тебе, тугодуму, говорила, что подменили только барак, а не весь наш город!

— О! — неожиданно Славика осенило. — Я знаю, как тебе доказать.

— Что доказать?!

— То, что болтовня про эвакуацию — это детский лепет!

— Ну давай, попробуйся...

— В этом городе никогда не вечерет. Небо всё время застлано облаками, так что не видно, двигается ли солнце вообще или стоит на одном и том же месте.

— То есть, ты хочешь сказать, что здесь не бывает ночей? — произнесла Люда язвительно, словно услышала очередную нелепость.

— По времени мы находимся в этом городе уже двое или трое суток. И ни разу не настал вечер. Не кажется ли тебе это странным?... Разве в эвакуированных городах такое бывает?

— Может, время замедлилось, — брякнула Люда. — И из-за этого произошла эвакуация. Тебе кажется, что прошло двое суток, а на самом деле солнце на два часа сдвинулось.

Это была такая нелепость, что Славик не хотел её даже слушать. Не то, что продолжать её обсуждать.

— Ну, хорошо, — согласилась Люда с его кислой недовольной физиономией, — если сейчас сюда припрётся второй «лунатик» и потребует «плату» за ту гору фигни, которую мы вывезли из супермаркета, тогда-то хоть поверишь в то, что мне всё это не приснилось?

— Я же с тобой не спорю! — сделался его тон более умиротворённым. — Просто я взять в толк не могу: если мы поедем, то на чём! Через леса, пешком будем убегать? Потому что велик через лес не проходит, а на дороге нас, скорее всего, поймают.

Он не просто так не продолжал с ней спорить. Он говорил, что спит очень чутко и просыпается из-за каждого шороха? Что ж, он не слукавил. Потому что действительно проснулся, но не подавал виду. Он сидел с закрытыми глазами, изображал из себя спящего, а сам подслушивал. Только поверить не мог в то, что «лунатик» ей говорит правду, а не несёт какую-нибудь околёсицу. Ведь, как она сама же сказала, никаких документов, удостоверяющих личность «оружейного продавца», он ей не показывал.

— Но, хотя бы попробовать можно! А вдруг не поймают?

— А если поймают! То тогда нам «припаяют» за побег.

— То есть, ты всё-таки поверил, — радостно вздохнула Люда.

— Я не поверил, а допустил такую возможность, что к тебе кто-то приходил и что-то с тебя требовал. Только мне одно непонятно: если бы он (этот таинственный пришелец) обратился бы к нам на месте, ещё там, в оружейном магазине, то он с нас потребовал меньше, чем сейчас? Получается, мы у него украли! Понимаешь, про что я говорю? И теперь он приходит за взяткой! Мы должны дать ему на лапу — тогда он отстанет. А если не дадим слишком много, то он будет приходить ещё, ещё и ещё.

— Почему ты так в этом уверен?!

— Ты же сама рассказывала: он тебе пообещал, что ещё вернётся. И где гарантия, что он не увлечётся этим? Про себя думает: «а потом я ещё, а потом ещё пару раз вернусь...» И за каждый визит ты должна отстёгивать ему всё больше и больше.

— Чё ты паникуешь?

— Я просто предполагаю. Вернее, даже уверен, что если нас поймают, то за побег мы должны заплатить ещё большее количество штрафа, чем за то «воровство» из магазина. Неужели ты не понимаешь, куда мы попали? Вернее, во что вляпались. Тебе те «зомби» возле барака ни о чём не говорят?

— Не слышала, чтобы они умели разговаривать, — пожала плечами Люда с серьёзной миной на лице. — А ты чё, слышал, что те идиоты говорят?!

— Я — в переносном смысле.

чтобы она поверила: по дороге очень опасно ехать на великах, ведь, если она не фантазирует про визит того «оружейного продавца», то их очень легко могут поймать: на дороге за ними организуют погоню. Ещё Славику подумалось о том, что это чужой город. Может, если он вернётся в свой собственный, то там будет всё спокойно? И причина визита «оружейника» состоит не в том, что они с Людой унесли из какого-то магазина несколько паршивых патронов, а в том, что они находятся в чужом городе, взломали дверь в чужую квартиру (не в Славикову собственную) и им предстоит оплатить деньги за ремонт. Либо виноваты они во всех трёх эпизодах: в том числе и в «ограблении» супермаркета. Может быть, если бы Славик не высадил эту дверь, то их поступки не казались бы этим «белым и пушистым неженкам» столь грубыми и беспринципными.

«А вообще, — подумал про себя Слава, — если всё действительно так, как я про них (белых и пушистых) думаю, то в «грубости и беспринципности» они обвинили меня ещё раньше. В тот момент, когда я высадил дверь в их «любимом» бараке. Ведь они же тупые и не понимают, что, не высади я её, то навечно бы там остался. Наверно, именно с того момента, как я первую эту дверь высадил, вся эта бодяга и понеслась. Может, если бы я не высадил, то мир бы не опустел? Ну, по крайней мере, зомби никакие взятки бы с нас не требовали. То есть, продолжали бы оставаться невидимыми».

Из-за деревьев не было видно, что там находится впереди и с чем они столкнутся, когда до этого добегут. Дело в том, что за деревьями лежала огромная поляна и, если бы Люда или Славик могли разглядеть тот огромный овальный предмет, который лежит посреди этой поляны, они обязательно бы подумали, что там находится ловушка и постарались бы обойти эту поляну стороной. Но они неслись сломя голову и, когда на эту поляну выбежали, то остановились как вкопанные. Если посредине неё действительно лежит ловушка, то отступать назад было уже поздно: «лунатики» их заметили и, если беглецы вздумают вернуться в лес, чтобы скрыться за стволами деревьев, то заметившие их «туловища» возьмут след. Обходить эту ловушку стороной надо было раньше. Поэтому Люда и Слава решили принять самый невозмутимый вид и идти через поляну так, словно они банально гуляют по лесу и на разные «предметы» никакого внимания не обращают. Не обращают только потому, что давно живут в этой «новой цивилизации», как обозвал её тот «продавец оружия», и ко всяким изобретениям, да новинкам им не привыкать. Сейчас втихомолку обойдут мимо этого НЛО (стоявший посреди поляны гладкий и серебристый предмет овальной формы, как две капли воды походил на типичную летающую тарелку, либо на её пародию, если учесть, что очередной «лунатик», с которым в дальнейшем им предстоит встретиться, это ещё одно видение; такой же фантом, как и тот продавец оружия), сделают вид, что летающая тарелка их обоих совершенно не удивила и, глядишь, ловушка не сработает. То есть, если ты находишься в зомбиленде, — как понимал для себя Славик, — то нужно вести себя как все его жители. Тогда тебя никто не заподозрит в том, что ты представляешь для всей их цивилизации хоть какую-то опасность.

— Молодые люди! — неожиданно вышел из-за поворота лежащей на траве овальной «тарелки» тип с пробитым насквозь глазом и оторванной рукой по плечо (ещё у него, кажется, было прострелено колено, поэтому тип слегка прихрамывал; то есть, волочил за собой ногу). — Судя по вашему виду, вы направляетесь в город. Вы не гуляете по лесу, так как при вас нет корзинки с грибами, а движетесь в соседний город. Я правильно понял? Вот! Замечательное средство передвижения, — повёл он той рукой, которая не отодрана (или не отгрызена никаким лесным медведем) в сторону НЛО. — На нём вы долетите не только к

соседний, а в какой угодно другой... Не морщите нос — не отказывайтесь!

Слава решил изображать из себя постоянного аборигена, который давно уже живёт в этой цивилизации. И, раз начал, то решил идти до конца.

— Не хотите же вы сказать, что за бесплатно нам её отдаёте! — усмехнулся он с деланным видом. — Вам нужен мой сон. Так? Сколько часов или суток вы предложите за тарелк... Ой, за своё «замечательное средство передвижения»!

— Ну что вы, что вы! — засмеялся тот. — Речь идёт не о часах или о сутках! За несколько суток сна вы можете купить разве что пачку чая. А, чтобы приобрести такой замечательный товар, вам необходимо заплатить... э-э... — зачесал он в затылке, вспоминая, — двести тысяч пятьсот сорок семь жизней сна.

— Мда, сумма серьёзная, — деланно хмыкнула Люда. Она тоже решила подыграть, поскольку узнала тот язык, на котором можно общаться с этими зомби. — Можно, мы пока полетаем на вашей тарелке и подумаем?

— Дак это же мелочи! — ещё больше развеселился однорукий. — Подумаешь, две с половиной тысячи? Но зато смотрите, какой это замечательный звездолёт! Какой он чистый и вылизанный...

— А внутри, — вставил свою реплику Славик, — наверняка что-нибудь, да неисправно?

— Да быть такого не может! — закудахтал однорукий. — Это же новая модель! Сейчас такие нигде не делают. Я сам её изобрёл: специально летал для этого на другие планеты — подсматривал как там делают.

— Ну, — произнесла Люда, — доверяй, но проверяй... Если вы покажете, что она действительно работает... А на «нет» и суда нет — мы и пешком дойдём быстрее, чем через каждые четыре метра по полчаса будем её ремонтировать.

— Всё-таки зря вы отказываетесь! — с сожалением вздохнул Однорукий. — Вы такие же, как наши политики! Они тоже очень уж консервативные. Привыкли к местной рухляди, а НЛО им как будто бы и не надо! Лучше на своих склянках будут добираться. А мне что теперь? Вот, стой, да продавай её. А, ведь, если бы пустили НЛО в оборот производства, на нём... — говорил он мечтательно, — можно было бы летать в космос! Ведь оно целиком и полностью подчиняется любым вашим мыслям: может отапливать помещение, если вы вышли в открытый космос... Вы только захотите! И оно мигом сделает.

— Я всё понял, — проговорил Славик, — вы перекупщик краденого, а не изобретатель! Кто-то из ваших стырил или отвоевал эту тарелку у инопланетян, а Вы её сбываете.

— Ну и что? А хоть бы и так. Я-то здесь причём? Не я же её крал! А тех, кто украл, я сдавать не собираюсь — поищите другого дурака, юные мои стукачи.

— Мы вынуждены конфисковать вашу тарелку, — неожиданно выхватил Славик пистолет из-под свитера, а однорукий, словно не ожидал подобной выходки, пятился от тарелки в сторону леса и пятился.

— Дяденька, — успокаивала его Люда. — Мы правда заплатим! Вот проверим только как она работает, полетаем на ней немного и, если всё в порядке, то вернёмся и заплатим.

— Вы главное отсюда никуда не уходите, — дополнил Славик. — Дождитесь и мы обязательно вернёмся.

— Не забудьте — две с половиной тысячи! — напоминал тот указанную цену.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Угадав мысли Славика и Люды, что они хотят забраться вовнутрь, серебристо-серая окраска НЛО сделалась прозрачной в том месте, к которому эти двое подошли. А, когда

Слава прикоснулся к борту этой «тарелки», попризрачневшая часть корпуса и вовсе исчезла. Когда Люда вошла вслед за Славиком, то корпус перестал быть прозрачным. То есть, можно сказать, дверца закрылась. «А как же я буду видеть то, что находится внизу? — подумал Слава. — Тут только внутри освещение. А, что находится снаружи, совершенно не видно. Я не буду знать, куда лечу». После того, как он это подумал, НЛЮ сделалось полностью невидимым и начало медленно подниматься в воздух. Когда «тарелка» набрала высоту (примерно такую, на которой летают птицы), то неожиданно ускорила. Слава понял, что Однорукий не пошутил, когда хвастался по поводу «тарелки»; мол, она полностью подчиняется любым командам того, кто в неё залез, поскольку читает его мысли. И он подумал ещё раз: «Послушай, Тарелка, а ты не можешь сбавлять скорость, когда пролетаешь над каждым в отдельности городом? Мне кое-что нужно рассмотреть». И та, как он командовал, так и делала.

— Вот смотри, — показывал Славик пальцем всякий раз, как «тарелка-невидимка» пролетала над тем или иным городом. — В каждом городе стоит этот барак и вокруг него толпятся зомби! Теперь поверила? В каждом городе всё одинаково.

— То есть, ты хочешь сказать, что каждый город, над которым мы пролетаем, скопирован с твоего?

— Да, — сказал он, сам поражаясь её недоверчивости: пока полностью не покажешь ей, на слово никогда не поверит.

— А давай проверим? — ухмыльнулась Люда. — Спустимся к любому бараку, я в него войду, вытащу свой мобильник из мусора...

— То есть, ты хочешь сказать, что, если мы к каждому бараку будем подлетать и ты в каждом из мусора будешь откапывать телефоны, то телефон всё равно останется один?

— Ух ты! — обрадовалась Люда, — а это кстати хорошая идея. Давай попробуем? Если вся «тарелка» набьётся телефонами...

— Да не набьётся! Если тебе так сильно нужны телефоны, то подлети к любому салону сотовой связи и набери, сколько хочешь. Если выползет какой-нибудь продавец с пробитой головой, то наобещай ему воз и маленькую тележку. Ты же видишь: они тут все доверчивы и наивны... Как бабочки, в сам деле!

— Но мне нужен именно мой! В нём очень важные фотографии.

— Если тебя свой интересует, то нам надо возвращаться в наш город. То есть, к нашему бараку. Хочешь, я спущусь, а ты в нём пороешься?

— Ну да, — согласилась с ним она, — было бы неплохо...

— Но постой!

— Что такое?

— Мы пролетели... сорок наверно городов.

— И что?

— Как же я среди них свой узнаю? Ведь они все друг на друга так сильно похожие!

Только сейчас до Славика дошло, что он реально заблудился. И ему не до её телефона. Потому, что в любую секунду этот фантомный апокалипсис может прекратиться. Может исчезнуть его «тарелка» и Славик с Людой полетят вниз, разобьются об асфальт, либо об уголок крыши любой многоэтажки. То есть, чтобы этого не случилось, он должен бросить свою тарелку и идти пешком.

— Да как ты же говоришь, что твоя тарелка мысли читает. Попроси её мысленно и она найдёт тот город, из которого мы вылетели. Ну, хозяина-то своего найдёт, который нам её

продавал?

— Ты не забывай, что она читает мысли, а не исполняет желания. Этот город мы сами должны найти, а потом управлять «тарелкой», в какую сторону ей лететь.

— Ну, это понятно, — говорила Люда. — А сама она мысли может передавать? Например, если её реально отобрали у каких-нибудь гуманоидов, совершив разбойное нападение... Она может подсказать тебе планету, на которой её сделали?

— Для чего?

— Мы должны на эту планету слетать и там подзаправиться.

— Если ты хочешь сказать, что нам не хватит топлива и «тарелка» может упасть, то упасть мы можем в любой момент. Так сказать, потерпеть «авиакатастрофу».

— И что же нам теперь делать?

— Нет, если ты хочешь найти наш город, то нам можно подняться вверх, до космоса, оттуда Землю будет видно, как на географической карте, и примерно сориентироваться, где, в каком месте, на этом «глобусе» расположен наш город.

— А вдруг бензин кончится? — с тревогой пролепетала Люда.

— Тогда я предлагаю здесь совершить посадку, над этим баракком. Такое тебя устроит? Ты в него войдёшь и пороешься в мусорных кучах, чтобы найти свой телефон.

— Но ты же говорил, что искать нужно строго в нашем городе, а не в любом из его зеркальных отражений!

— А ты тоже говорила: «бензина» может не хватить. Или на чём она, эта «тарелка», на керосине летает?

— Ладно, как скажешь. Сади здесь.

8

После того, как они вышли из «звездолётника», он наконец-то вспомнил тот знак отличия, про который никак не мог догадаться.

— И чё ты, будешь сейчас рыться в этих дурацких кучах мусора? — спросил её Славик сразу, как он убедился, что это тот же самый барак, ничем не отличающийся от того, в котором он нашёл свой пистолет. Только сейчас он вспомнил про отличительный признак, о котором не мог рассказать Люде, когда перед ней распинался, пытаясь доказать, что все города совершенно одинаковы, словно клонированы. На стенах барака были нарисованы граффити, поэтому, если она всё ещё не верит в идеальную схожесть многочисленных окружающих населённых пунктов, то она может сфотографировать все четыре стены на свой телефон, а потом они вернутся в «звездолёт», сядут, полетают и посравнивают с другими городами. Слава совершенно уверен в том, что изображённые на стенах каракули ничем не будут отличаться от этих.

— А что ты предлагаешь взамен? Позвонить на мой телефон с пальца и по звонку определить, где он и в каком месте потерялся?

— Да без проблем: пошёл в любой салон сотовой связи, разбил витрину и набрал на нём твой номер. Хочешь, сгоняю?

— Да ты не торопись, — остепенила его Люда.

— Что случилось? Опять испортилось настроение?

— Просто, если в нашем городе произошла эвакуация, то отключили вышки сотовой связи.

— Опять «в нашем городе»! — вышел из себя Славик. — Что же ты такая непонятливая? Или тебя нужно в каждом городе высаживать из тарелки и подводить к этому бараку, чтобы ты убедилась, что на нём одни и те же каракули нарисованы?! Ведь на тарелке мы летели? В это ты хотя бы веришь?

— А что ты на меня орёшь?! Я, между прочим, эти же фотографии стен сверить и хотела!

— Да я не ору! Просто ты так странно на это реагируешь, как будто сидишь перед телевизором, переключаешь разные телеканалы, а тебе всё время кажется, что это один и тот же телеканал. И хрен тебе докажешь, что телеканалы на самом деле разные!

— Ну да, если в одно и то же время по всем каналам показывают рекламу, то кажется, что один и тот же!

Славик сначала хотел расхохотаться её тупости и непробиваемости, как вдруг его что-то замкнуло:

— Подожди-подожди! Что ты мне перед этим сказала? Что сфотографировала стены? И хотела убедиться, что на обоих бараках одни и те же каракули?

— Но да, — нехотя пожала она плечами.

— Дак что же ты сразу мне это не сказала?!

— А почему я должна что-то тебе говорить?

— Да потому, что в то время, когда мы прятались от военных, мы ничего не знали про то, что все города одинаковые.

— Послушай, ты! Я не знаю, почему и зачем фоткала стены! Чё ты прикопался? Совершала простые бессмысленные действия. А сейчас хотела бы его найти и убедиться, что граффити друг от друга ничем не отличаются. Тогда я точно буду знать, что город один и тот же. Понял, идиот?! Это эмпирически невозможно, чтобы города были разными, но внутри них всё одинаково, как в фильме «Ирония судьбы или с лёгким паром»! — подразумевала она наверно тот момент, что идеально одинаковые не только Москва с Ленинградом, но и даже ключи от квартир, расположенных в двух, разных городах. — И не фиг на меня орать, урод. Сначала поумней.

Слава не выдержал и замахнулся на Люду, чтобы её ударить. В самый последний момент удержал руку, подумав: «Я веду себя, как пьяница с двумя своими собутыльниками. Они втроём обычно долго и изнурительно спорят, как правило, о какой-то белиберде. А под конец начинают бить друг другу морды».

— Что, ударить меня собрался? — усмехнулась Люда. — Это всё потому, что ты драчливый петух! Понял, кто ты? Петя-петушок. Кудах-тах-тах, кудах-тах-тах... Петрушка снесла яичко: кукареку.

— Лучше не выводите меня, — повернулся Слава к ней спиной.

— Эй, а чего отвернулся? Слезёньки вытираем? Лучше бы ты тех двух «петушков» подтёр! Ну, не помнишь, про что ты мне лепетал через домофон? Жаловался, как своей маме, что они у тебя забирают мелочь, а ты за это им отсасываешь, если пять или шесть копеек им не хватает на презики!

— Ты же обещала, что не будешь поднимать эту тему.

— Думаешь, я дура? Не понимаю, что ты наврал?

— Это твоя благодарность за то, что я покатал тебя на настоящей летающей тарелке? — повернулся он к ней. Просто, чтобы она видела, что никакие слёзы из глаз у Славика не текут.

— Ну давай, смелее, ковбой! Выхвати свой пистолет и пристрели меня! Ведь я же кажусь тебе конченной стервой? Вот только мне на тебя наплевать, потому что МНЕ ты кажешься конченным нытиком.

Она хотела бы ещё сказать ему пару ласковых, но её отвлѣк подозрительно знакомый рингтон сотового телефона, слышащийся изнутри барака. Когда она это услышала, то совсем уже взбесилась. Мол, какое эти зомби имеют право подслушивать её разговор с Гражданином Нытиком, а потом вытаскивать из карманов свои телефоны и начинать нажимать на клавиши, чтобы вызвонить её телефон. Чтобы ещё больше вывести её из себя? Что ж, у них это неплохо получается. Кстати, как им удаётся узнать нужный номер? Так ведь просто не позвонишь, наобум. Или они это так делают?: их (ходячих обезглавленных) сто штук, у каждого есть телефон — он его вытащил из салона сотовой связи. И вот, поскольку у зомби коллективный разум, то все они стараются делать так, чтобы одновременно не набирать одинаковые номера. И, если им везёт, то одно совпадение получается. То есть, за всё то время, пока они скопились вокруг этого барака, все эти зомби пытаются подобрать на своих сотовых точный номер, чтобы вызвонить её телефон. И вот, именно сейчас одному из них несказанно повезло — он попал в яблочко и сорвал джек-пот. А иначе непонятна логика, ради чего они все скопились именно здесь, возле конкретного барака.

Люда стремглав подбежала к окну и заорала на склоняющееся внутри барака туловище, у которого на голове своеобразная «плешь». То есть, с черепа содрана кожа, кости уже успели хорошенько подсохнуть и в том месте, где у страдающих от облысения проглядывает плешь, у этого проглядывал белёсый череп.

— Эй ты, лысый! — заверещала на него разъярённая Люда. — Это мой телефон! Не трожь, козёл!

Но увалень уже поднимал её смартфон, медленно выпрямлялся, поворачивался в её сторону провалами глазниц и гнусно скалился.

— Слушай сюда, дебил! Если ты сейчас же не отдашь мне мой телефон, я тебе оторву голову, выкину её в жопу, а тебя запру в этом бараке! Понял меня, ты, хренов экстрасенс? А потом я затащу к тебе парочку головастых — они тебя расчленят и сожрут! Отдай лучше похорошему!

На что зомби отвечал ей своим медленным, сиплым и скрипящим, как издевательский пенопласт, голосом.

— У тебя звездолёт угнали... глупая сучка.

— Да мне насрать! Отдал сюда! Кому сказала?

— Что тебе с этой мыльницы? Вы и так уже слишком много успели наворовать в нашей цивилизации.

— Чѐ ты мне буровишь, кретин? Заткнулся и отдал! Последний раз повторяю.

— Ты же сама только что подумала, что у нас коллективный разум? Дак вот, мне тот паренёк, из лесу, с поляны, передал в мозг, что ты ему две с половиной штуки должна за эту «тарелку». Ну, за ту, которую у тебя только что угнали, пока ты здесь стояла и клювиком щёлкала, — пытался он войти с ней хоть в какой-то контакт. Просто сделать так, чтобы она заткнулась и не истерила, как ребёнок в песочнице: «вы у меня совочек украли — я папёнке расскажу». — Так или не так?

— Ну, допустим. И что, ты за это мой айфон в заложники забираешь?

— Ты не понимаешь, кисочка. Нам действительно нужны все ваши детские сны, иначе ты и твой бойфренд не сможете выбраться из нашего общего, взрослого, сновидения. Теперь

поняла? Или ты ещё не задумывалась над тем, где, в какой странной хрени вы с ним находитесь?

Впервые до Славика хоть что-то дошло. И он подлетел к окну и оттолкнул Люду в сторону.

— Дак мы что, спим?! Всё это дерьмо, которое происходит, нам снится?! Чувак, ты рехнулся!

— Мы питаемся вашими снами, — устал уже зомби разжёвывать этим двум скудоумным элементарные вещи.

— А чем ты докажешь, что все эти одинаковые города находятся в одном общем сновидении? — нужны были Славика не просто пустые слова, а подкреплённые хоть какими-то доказательствами. — Может, всё это мистика. Какое мне дело до твоих дурацких личных комментариев происходящего?

— А пусть твоя подружка тебе доказывает. Она видела, как в тебя выстрелили, ты упал, всю траву под собой изгадил, а потом опять произошла какая-то странная мистика. Да? И тебя перебросило в прошлое, чтобы ты мог повторить заново весь этот свой отрезок жизни. Дак вот, запомни, щенок: больше тебя в прошлое не перебросят, если ты не вернёшь две с половиной штуки, которые ты нам должен! Спасать тебя больше никто не будет.

— И ты хочешь, чтоб мы отдали те полторы тысячи в обмен на то, чтобы мы проснулись? — произнесла Люда.

Слава чуть не офонарел от увиденного! Буквально секунду назад Людмила стояла рядом с ним, но сейчас она находилась внутри барака, стояла напротив этого зомби и так разъярённо требовала, чтобы он вернул ей её телефон, словно не замечала, что с этим зверем она разговаривает больше уже не через клетку. Больше всего Славика беспокоило, что этот тип может оказаться насильником: из-за какого-нибудь незначительно пустячка выйдет из себя и в один момент раздерёт на Люде её хлипкий домашний халатик.

— Ну, а я про что талдычу тебе целый час, как попугай? — загорелись у зомби белки глаз (даже несмотря на то, что вместо глаз у него чёрные дыры). — То есть, ты согласна, да?! То есть, гипотетически я могу съесть весь твой мозг? И закусить черепушкой! Вот, это классно... прямо пальчики облизываю...

— Я говорю, что ты хочешь выжрать из меня весь мой дар засыпания, а перед этим не хочешь вернуть мой телефон, чтобы я убедилась в... Впрочем, неважно, в чём. Походу, ты никогда не идёшь на компромисс, да? Правильно я угадала?

— Слушай, паренёк, — посмотрел мертвец на Славика, — я вообще понять не могу, про какой патефон она всё время говорит! Может, уймёшь её?

— Про то, что ты держишь в руках. При помощи этой штуки она хочет убедиться, что мы находимся в мире сновидений, а не в реальности.

— Ты чё, опух?! — опять заголосила она на Славика. — Ещё раз вякнешь, что мы находимся в загробном мире, по яйцам получишь! Я говорила, что хочу убедиться, что мы в реальности. Хотя, про тебя такого никогда не скажешь, потому что ты по жизни в соплях. Розовые сопля... тьфу... очки сними?!

— Кажется, я что-то понял, — перевёл он свой взгляд с Людмилы на мертвяка. — Значит, ты говоришь, что ни меня, ни её больше никто не будет спасать? А как насчёт вот этого? — вытащил он пистолет из-под свитера. — Сколько снов тебе надо отдать за этот вот пистолет?

— Нисколько, — пожал мертвец плечами. — Этот пестик ты поднял ещё до того, как

провалился в бараке, и он не наш. Ну, не из того оружейного магазина, в котором ты...

— Дак вот, слушай, что я тебе говорю. Сначала я выстрелю в неё, потом в себя... Как ты думаешь, тебе вменяют в вину то, что застрелил нас ты?

— О ком ты говоришь? — просипел мертвец дрожащим от перепуга голосом. — Кто вменит мне в вину?

— Ты знаешь, о ком я говорю...

— Эй, перестань! Слышишь? — зароптал он взволнованно. — Не надо стрелять себе в лоб! Оттуда вытечет... жидкость, очень важная для нашей цивилизации! Я должен выпить её! А так она впитается в землю... Мне опять придётся слизывать всё с травы.

— Ты хочешь сказать, — подала голос Люда, — что, когда её выпьешь, то мы проснёмся? То есть, покинем пределы вашего коллективного сновидения, в котором вы сейчас находитесь.

— Ну, конечно! Ведь вы столько здесь у нас набедокурили...

— Ты, болван! Ты веришь в существование «того света»?! То есть, ты хотел сказать, что мы проснёмся на том свету?

— Конечно, проснёться! А кто не верит в то, что мир смерти существует?

— Да ты охренел... — собралась было Люда обматерить этого зомби за его сверхъестественную наивность, но Славик её перебил:

— Постой, не верещи... Эй, ты! Какие выходы ещё есть, кроме этого? Только не надо мне мямлить, что выход всего один и он гиблый, как твоя зловонная шкура!

— Я не зловонный! — заоправдывался зомби обиженным голосом. — Я не мертвец, а просто спящий. Идиот, если ты не фига не понял, то мы все здесь спим, потому что это мир нашего сновидения.

— Я спрашиваю: какие выходы, а не... про твоё возмущённое бляение!

— Ты чё, действительно тормоз?... Блин! На твоём месте я бы с полпинка сам догадался...

— Ну, представь себе, что ты на моём месте — и болтай. Давай, я тебя внимательно слушаю.

— Если ты на моём месте, то это вообще бесполезняк. Нужно надеяться, что тем учёным, которые тебя усыпили и зомбировали, захочется тебя разбудить. Вот на твоём месте — куда лучше! Прикинь? Зомби сожрут твой мозг и ты резко проснёшься.

— В загробном мире, — уныло дополнила Люда.

— А с чего ты взял, что какие-то «учёные» тебя усыпили? Ты какой-то легкомысленный, который вообразил себя подопытной белой мышью... Нда.

— Ну, потому что это экспериментальная вселенная. Потому что так и есть — поэтому так и решил. Я тебе чё, фантаст, чтоб придумывать небылицы?!

— Что ты сказал? — скривился Славик от нелепости того, что мелет этот недоумок. — Какая ещё Селена?

— В неё загоняют разных там жертв поодиночке, а мы устраиваем на них охоту... Ну, это конечно не наша инициатива. Не подумай, что мы последние говнюки. Нас заставляют питаться вашими снами. Почему — потому что, если в вас не останется ни одного сна, то вы сами сможете попасть в наше общее сновидение и вести здесь охоту. Вот только не говори, что это очередная моя белиберда, хорошо? Мол, мы охотимся друг на друга: играем в высших/низших. Потому, что, когда случится какая-нибудь катастрофа (ну, скажем, столкновение с астероидом), то перед этим исчезнет всё человечество. Точно так же, как

сейчас исчезли вы двое. Естественно, военные всех зомбиков попережмалют, потому что мы не нужны там внутри, когда учёных нет снаружи. Ну что, теперь хотя бы поверил? Ты не думай! Эта операция готовилась уже очень давно...

— Постой, — перебила его Люда. — Если ты говоришь, что перед концом света все резко исчезнут... Если ты говоришь, что военный проект очень давно готовился... То скажи, пожалуйста, почему двадцать первого, двенадцатого-двенадцатого никто не исчез?

— Ты чё, дубина?! Не было реальной угрозы. Если бы из космоса падала какая-то хрень, то не сомневайся — исчезли бы как миленькие. И так много снов нам нужно не потому, что мы тупые роботы, которые подчиняются только чьим-то паршивым инструкциям. А потому, чтобы укрепить эту хрупкую вселенную. Сделать её прочнее... Ну, чтобы была более сильной, чем тот устаревший... тьфу... глобус.

Славику уже надоело слушать его самоуверенный тон. Да, говорит этот зомби грамотно, ничего не путает. Но ничего не подделаешь: все дьяволы грамотные. И их профессиональным, ораторским способностям можно только позавидовать. Особенно шокируют их способности лукавить.

— В общем, я не верю тебе, паренёк, — наставил он ствол на этого зомби. — Наплевать, почему, но ты банально заговариваешь зубы. Вешаешь лапшу на уши. Или ещё какое-нибудь сравнение.

— Ты чё, придурок? — смотрел на него зомби всё с той же миной кролика, напуганного удавом. — Я тебе сказал: не стреляй в себя!

— Ты что-то перепутал. Дуло сейчас не на меня, а на тебя направлено...

— А что с этого толку? — усмехнулся мертвец. — Нас ведь целый легион! Ну, к примеру, твоя подруга мне сейчас отчленит голову, потом все остальные конечности закатаете в асфальт. И чего ты этим добьёшься?

— Да не собираюсь я тебя ни во что закатывать! Просто хочу проверить, высший ты или низший.

— Вот ты debil... Ты МНЕ скажи, я тебе отвечу. Объясню как недалёкому, что, если разговаривать не умею, то не высший.

— Я же внятно, кажется, предупредил? Я не верю — ни единому слову. Так, что зря можешь не напрягаться.

— А почему НЕ веришь?! Потому, что ты не только тугодум, но ещё и упёртый?!

— Потому, что слишком складно всё излагаешь. Можно излагать «просто складно», но «слишком» — нельзя.

— Ты хочешь сказать, что я лукавлю?!

— Неважно, что я хочу сказать...

— Вот урод! Ты не только упёртый, но ещё и забывчивый...

— Что ты имеешь в виду?

— А ты попробуй: нажми на курок — и сразу узнаешь.

— Ты щебечешь всю эту свою байду, потому что боишься, что я нажму или тебе наоборот неймётся?

— Кончай сопли пережёвывать — жми.

— Ну ладно, сам напросился...

И вот, ровно перед тем, как Славик исполнил его «требование», этот, запертый в клетку увалень, сначала рухнул как подкошенный (то есть, пуля пролетела совершенно зря), потом, странным образом оказался внутри Людмилы. То есть не сам он оказался, а наверно тот

демон, который в нём сидит. Если, конечно, этот демон там всего один.

В общем, все бесы, которые были внутри этого запертого лунатика-людоеда, переметнулись в Люду, она порвала решётку, словно паутину и набросилась на Славика.

9

Славик, конечно, должен был выстрелить теперь уже в неё, но... Откуда он мог знать, что Люда действительно инфицирована? Да, она ему про это говорила, но он думал, что она его разыгрывает.

Ну, он предполагал, что она подошла к нему и раскрыла губы, чтобы поцеловать. А не для того, чтобы укусить. То есть, перед тем как она его укусила, он даже поговорить с ней о чём-то попытался...

— Ты что, обалдела?

— Ничего не говори, — прошептала та и подсунулась к нему ещё ближе.

— Нет, давай лучше всё-таки поговорим, как мы будем убивать всех этих зомби!

— А зачем? — нежно произнесла ему она, — ты же с ними всё равно ничего не сделаешь... Всё прошло, Славонька... Всё закончено.

— Просто их мозги настолько сильно переполнены выпитыми снами пойманных жертв, — попытался объяснить ей этот разгорячённый Славик, даже не подозревающий о том, для чего она в действительности к нему подошла, — что башка даже не простреливается! Из неё только течёт какая-то зелёная гадость и всё! Как там у тебя на этаже, помнишь?

— А как же ты тогда собираешься их убивать?

— Надо просто запретить этим гадам есть!.. В общем, у меня ещё одна идея нарисовалась... Сейчас расскажу!

— Есть?... — ещё нежнее промурлыкала та. — Запретить есть? Ну, давай, попробуй мне? Запрети? Прямо вот сейчас!

— Что?...

Но было уже слишком поздно — продолжать с ней о чём-либо разговаривать.

10

После того, как всё закончилось (Люда сидела на карачках и выблёвывала из себя всю эту гадость, Славик — лежал с прокусанным горлом), зомби медленно поднимался на ноги и чертыхался: «Не понимает, болван, что я уже съел все его сны, сейчас нахожусь от этого под кайфом... И какая на хрен разница, высший я или низший?! Если сны все его грёбаные сожрать, то, чтобы заговорить как попугайчик, необязательно быть самым высшим».

Люде очень хотелось бы заткнуть ему варежку, но сильно мешал рвотный рефлекс.

— Зря ты, между прочим, сблёвываешь! Красная жижка потом перекрасится в зелёный цвет... Помнишь, как у того засранца, у вас на пятнадцатом этаже? Ну, того, которого ты ещё шваброй всё время отталкивала. Ты можешь стать высшей! Приобрести космические вселенские знания. Подумай хорошенько над тем, что я тебе...

Люда не выдержала — слушать его противный, скрипучий как пенопласт, голосишко.

— Отмороженные мозги, бяка, а не космическое сознание! — кряхтела она, едва ей хватало сил между сблёвываниями. — Почему ты не на меня напал, а именно на него?!

— Ты же сама ему сказала, что ты инфицированная, — пожал тот плечами, подойдя к окну.

— И что, ты поверил? Ты сам болван... Чёртова, идиотская дубина...

— Ну, я же не могу тебя проверить? На это нужно время. Если со временем ты умрёшь, а потом «воскреснешь», то всё правильно: ты зомби. На тебя нападут «высшие», которых положили ментяры, вызванные твоим дурацким смартфоном, они оторвут твою бестолковку...

— Дай мой смартфон немедленно... — хотела она влезть в окно, но, странным образом, решётка была восстановлена, да и дверь в барак — деревянная заменена на металлическую.

— Да плюнь ты на свой никчёмный совочек из песочницы! Если ты не зомби, то живи и наслаждайся: ты будешь первая в нашей новой зарождающейся вселенной! Неужели тебе это не вставляет? Ведь ты же хотела погулять по пустынным улочкам?... А знаешь, что? Попробуй, залезь на какую-нибудь высотку, спрыгни... И ты узнаешь, что это не лажа: ты полетишь. Не упадёшь и разобьёшься, а так прекрасно полетишь, как во сне ты всегда парила. А я буду снимать тебя на смартфон, как ты витаешь в облаках! То есть, тебе уже не понадобится эта никчёмная летающая тарелка — ты сама сможешь летать... Да вы и вдвоём запросто бы покуролесили, если бы не были такими злобными хапугами. Вы могли бы полетать, взявшись за руки. Ведь от вас — что требовалось? Самая малость: рассчитаться за те идиотские жалкие пульки перед оружейником. Отдать ему несколько часов вашего сна. Вернее, не «вашего», а твоего. Потому, что он у тебя требовал.

— Достал, гад! — через силу поднялась она на ноги, подошла к Славику и разжала его пальцы, сжимавшие рукоять. — Сейчас ты у меня сам полетаешь...

— Ну, я же говорю, что она злобная и наглая... Эй, вы! — запищал он, глядя куда-то в потолок. — А ну-ка немедленно её разбудите! Я сожрал все сны этой потаскушки и её сопляка! В меня нельзя шмалять.

11

Теперь Люда стояла не возле барака, окружённого ходячими обезглавленными трупами, которые поотрывали головы от «низших», не могущих подняться на ноги, так как «высшие» выпили все их сны, подобно пауку, который выпивает муху, а где-то посреди пяти- или десятиполосной автострады, и нажимала на курок. Она точно не могла определить количество дорожных полос, так как вокруг было темно и мимо проносились только фары.

Хорошо, что дуло её пистолета не было направлено ни на что конкретное, а куда-то в воздух; как у тренера на соревнованиях по бегу. Хорошо, что никто не пострадал и Люда не устроила какой-нибудь мощной аварии. Автомобили так и продолжали пролетать мимо неё, взад-вперёд, — обдавая прохладным ночным ветерком, пришедшим на смену полуденной жары, — и никакой из них не перевернулся. Не взлетел на воздух, как ровно секунду назад тот зомби предлагал ей подлететь.

— Эй, мент, — завизжали чьи-то шины у неё за спиной, — ты видел?! Эта «зомби» ^[1] появилась здесь, как привидение!

— Ну да, — отвечали ему. — Как человек-невидимка, снявший свою волшебную шапку. Жалко, что я не успел заснять эту хрень на свой смартфон!

— Мой смартфон! — машинально повернулась Люда и бросилась в ту сторону, откуда донеслись голоса.

Как выяснилось, в халатике у Людмилы мог быть припасён не только смартфон, но и более любопытные вещицы!

Поскольку в Людином домашнем халатике, в очень маленьком и неудобном кармашке, был скомкан её паспорт, то при проверке документов выяснилось, что ей далеко не пятнадцать или четырнадцать годиков. На самом деле ей стукнул уже целый тридцатник.

И этой ночью ей снился сон о том, что она бессмертна. Из неё выгрызли способность засыпать, значит, она больше никогда не сможет заснуть. Значит, она бессмертна? «Это круто», — подумала Люда.

Она ехала вместе со Славиком на своём велосипеде по полностью пустынным улочкам своего родного города и так сильно разогналась от воодушевляющего её чувства, что на повороте, не справившись с управлением, чуть не кувыркнулась, но при этом её велосипед зацепился за воздух. И теперь она могла крутить педали и так ехать, чтобы не касаться колёсами велика поверхности асфальта.

И Славик тоже: подпрыгнул на своём байке и полетел вслед за ней.

Этим вечером у них в районе отключили свет, поэтому Сергей Свинцов решил воспользоваться ситуацией. Он как раз недавно нашёл чью-то школьную сумку и сейчас пытался спрятать её в подвале своего многоэтажного дома.

Первым делом, как только Серёга вытащил её из гущи придорожных кустов, он хотел исследовать эту сумку: узнать номер школы, указанный на школьной тетрадке и отнести её к директору. Но, однако, сумка до краёв была набита пачками банкнот, упакованными в монетном дворе. Так, что Серый старался не прикасаться к упаковкам пальцами, а завтра отнести сумку в полицию. Он знал, что, если сумка принадлежит бандитам, то они работали в перчатках и не оставили следы своих рук. Поэтому лучше не прикасаться. Он не должен был откладывать это дело до завтра, но, поскольку был придурок, то торопился к телевизору: вечером показывают «Дом-2», а утром не показывают, поэтому будет предлог прогулять школу.

Тащить эту сумку домой опасно — старший брат обязательно сунет в неё нос, поэтому, кроме подвала, больше некуда было. Особенно удобно, что во всём районе нет света и Серого никто не увидит, как он в подвал шныряет. К тому же паренёк не сообразил, что, если нет света, то телек он так и так не посмотрит, и лучше было не тупить и волочь прямо в милицию эту сумку. Но Серый всегда так: сначала выйдет из дома, захлопнет дверь, а только потом вспоминает, догадался он или не догадался успеть взять ключи.

В подвал он старался залезть как можно дальше от выхода, потому что, если сумку спрятать недалеко от выхода, то — быть беде: какой-нибудь бомж залезет, чтобы справить большую нужду или спрятать похищенную у собутыльников водку, пошарится-пошарится в темноте рукой и найдёт Серёгину сумку.

Причём, перед тем, как в него (в этот подвал) войти, Серому показалось, что он наступил на что-то мягкое. Сначала подумал, что это чьё-то дерьмо. Только позже он вспомнит, что «дерьмо» заворчало. Примерно так, как ворчит медведь, который лежит в берлоге и сосёт лапу, а ты в темноте на неё наступаешь.

В кармане у него зазвонил мобильник. Сергей поднёс его к уху, нажал на зелёную кнопку... Даже не сообразил посмотреть, кто ему звонит. Он сильно суетился, поэтому соображать было некогда.

— Алло, — проговорил Сергей в трубку, но в ответ послышалось молчание. — Кто это? А то мне некогда!

— Я просто хотел мобильник свой вызвонить, — донеслось в ответ. — Не на тот номер позвонил. Ну, я хотел сказать, что я цифру всего одну перепутал.

— А вы кто? — спросил Серёга ещё раз, потому что прослушал всю речь, которую ему произнесли. Услышал только то, что голос принадлежал взрослому человеку.

— А ты кто?

— Я-то?...

— Я так понимаю, ты в подвале. И дверь закрыть за собой не догадался.

— Какую дверь? — У Серёги почему-то мурашки побежали по коже: неужели за ним следят?

— И то верно, — усмехнулся голос из трубки. — Дверь изнутри закроешь, а в это время слесарь в подвал хочет зайти. И как он будет себя чувствовать? Ждать стоять. А ты выходишь — тут-то он тебя и заметил. Ха, а ты смыслённый!.. А потом, когда из подвала выбираться будешь, обойдёшь его стороной, так как он с фонариком.

— Слесари так поздно не ходят, — пробормотал Серёга на автомате, даже не думая перед тем как говорить. — У них рабочий день до пяти.

— А может, они посменно работают?! — принялся тот с ним спорить. — Ведь аварии в любое время суток случаются.

— Я вас спрашиваю — вы кто!

— Тебе имя назвать? — захихикал голос. — А ничего, если я совру?

— Я не понимаю, — принялся Серый причитать, — зачем вы меня выдаёте! Я нашёл сумку с деньгами, прячу её в подвале... Вы хоть понимаете, что меня могут услышать?! Вы хоть что-то понимаете?! Или вы настолько несообразительный человек, что...

— Ого?! Дак ты бабло хочешь занькать! А что же ты сразу не сказал?! Ну, ты даёшь! Давай, я лучше войду... залезу в этот подвал и помогу тебе с...

— Дак вы что, следите за мной?!

— Нет! Ты что?! Я же объяснил: я хотел позвонить к себе на мобильник и по звонку найти, где он в этом подвале находится. Но, чисто случайно, услышал там вдалеке испуганный твой голосок. Мальчик, ты меня не бойся! Я не бандит. Ты же понял, что про твою сумку я совершенно ничего не знал?

— То есть, вы хотите сказать, что не дадите мне выйти из этого подвала?

Серёга опять чего-то перепугался и, в панике, запутался в том, что этот таинственный голос из трубки ему сейчас наговорил.

— погоди, не тараторь! Ты слышишь, что я говорю?

— Да, слышу.

— Я говорю: я добрый. Ты мне веришь?

— Вам верю, но сам я не согласен.

— Если веришь, — продолжал ему тараторить этот голос, — то не звони в полицию и не кричи караул. Мальчик, ты меня понимаешь или не понимаешь? Ответь точно: да или нет?

— Да. Понимаю.

— Дак вот, слушай меня внимательно. Я тебе тоже верю, но сам не согласен с тем, что ты мне сейчас ответил. Ты слышишь?

— Да, я слышу, — затравленно отвечал Серёга.

— Поэтому я закрываю дверь в этот подвал. Слышишь?

— Да...

— Если ты начнёшь звонить ментам, я тебя убью. Ты хорошо меня понял?

— Да... Да... — всё так же затравленно отвечал Сергей. Потому, что он слышал говорящего. Слышал, что тот действительно находится внутри подвала.

— Поверь, мальчонка, — продолжал объяснять ему голос, — я всё это делаю только потому, что при тебе находится сумка с деньгами. Я не хочу связываться с теми людьми, кому принадлежит эта сумка. А, если ты сейчас заорёшь, то у меня будут проблемы. Ты понял меня, мальчонка? Я тебе ещё раз повторю: в то, что ты мне говоришь, я верю, но с тобой лично не согласен. Скажи ещё раз, понимаешь меня или нет?

— Да. Просто я...

— Не перебивай. Твоя никому ненужная персона совершенно меня не интересует. Всё, зачем я в этом подвале нахожусь, здесь и сейчас, это, чтобы вызвонить мой мобильник. Ты слушаешь?

— Да-да!

— На мобильнике бомба. Взрывное устройство. Если я через пять минут не отключу детонатор, то мы вместе с тобой взлетим на воздух. Хотя, нам и помешает — всё это здание рухнет нам на голову. Теперь понял, про что я?

— Да, конечно! Вы взрывотехник, я вам не мешаю.

— И сейчас: я отключаюсь от твоего телефона и вызваниваю свой. А ты сидишь тихо и не пытаешься никому звонить. Ну, если тебе вдруг взбрело в голову, что я какой-то педофил, пытающийся тебя изнасиловать. Так мы с тобой договорились или не договорились? Или мне действительно надо тебя убить, жалкого-трусливого мальчонку, чтобы спасти от гибели всё ваше здание?!

— Нет. Вы Христос-спаситель. Я буду сидеть тихо и не буду мешать вам заниматься вашими пиротехническими работами...

— Вот, и правильно. Хотя слово пикнешь — у меня «ствол» с глушителем. Я вижу, где ты находишься, поэтому — один выстрел — и от тебя не останется мокрого места. Всё, отбой.

Дальше послышались короткие гудки. Серый просто замер на месте. Он услышал, как через минуту, где-то в дальней стороне подвала затренькал сотовый телефон и голос, который до этого объяснял ему свою ерунду через трубку, сообщил: «Видишь? Я тебя не обманул — я действительно искал свой телефон». Но Серый подумал, что, если это насильник и он пытается хитрить, то ему ничего не стоило отнести свой второй телефон подальше вглубь подвала, а потом переместиться в другой угол протяжённого подвального расстояния... Главное, чтобы этот парнишка ему поверил. А потом он заберёт его деньги и... И с ним самим сделает свои грязные делишки. Всё то, что он изначально сделать и собирался. То, из-за чего его здесь караулил.

— В общем, так, — проговорил ему этот голос. — Бомбу я отключил. Теперь она не взорвётся. Деньги твои мне не нужны. Сейчас я выхожу из этого подвала. Ты всё понял, повторять не надо?

— Я понял, — проблеял Серый.

— Это ты правильно сделал. Сейчас я хочу, чтобы ты мне ответил. Когда я буду выходить из подвала, дверь прикрыть или открытую оставить? Ты ведь, как я понял, не боишься того предполагаемого слесаря. Так? Дверь ты специально не закрывал изнутри. Да или нет?

— Я не думал над тем, закрывать её или не закрывать.

— Значит, и я тоже её открытой оставляю, — произнёс незнакомец и двинулся в сторону выхода из подвала.

* * *

Прошла минута или две с тех пор, как Серёга просидел совершенно неподвижно, затаив дыхание и ожидая, что этот странный тип в любую секунду подкрадётся к нему сзади и напугает до потери сознания.

И он не ошибся в своих ожиданиях, потому что голос всё того же незнакомца послышался с той стороны, где он, как и обещал, оставил подвальную дверь открытой.

— Эй, малыш? Я сейчас стоял всё это время за дверью и вслушивался в тишину. Я думал, что ты тут же начнёшь звонить куда-то по телефону. Но ты — молодец. Это хорошо, что ты не позвонил. Поверишь, нет? Но я, пока стоял и ждал, успел даже прочитать твои мысли. Ты переживаешь из-за того, что не успеешь к телевизору? Вот, уж было бы, из-за чего переживать! Ты забыл, что во всём районе нет свету. Но смотри, что я придумал? Я создал телевизор, который работает без электричества. Если тебе действительно так позарез нужен телевизор, то — вот — можешь его посмотреть.

Незнакомец договорил всё это до конца и опять удалился, но Серёга не слышал, ушёл он или не ушёл, потому что его приглушал шум работающего телевизора, который этот неизвестный оставил в полушаге от выхода из подвального помещения.

Серый тут же заработал мозгами: «А правда, свет же выключили! Как бы я успел посмотреть «Дом-2», даже если бы не столкнулся с этим мужиком?»

Звук работающего телека очень сильно удивил Серёгу. Он даже поднялся с корточек и пошёл в сторону выхода, чтобы убедиться, правда это или ему слышится: телевизор действительно настоящий?

Так оно и было: возле самого выхода стоял светящийся кинескоп и, что изумительно, по нему показывали «Дом-2». Как будто этот неизвестный знал не только то, что Серый хочет врубить телек, но даже больше: знал, какой нужно выбрать канал. Честь-слово, у Серёги чуть глаза на лоб не полезли. Но, в связи с возникновением телевизора, у Серого возникла более оригинальная мысль: не нести завтра в милицию эту сумку с деньгами. «Лучше я их закопаю, — подумал про себя Серый. — А потом, когда вырасту, резко начну их тратить. Ведь этот мужик не собственными же руками сделал телек? За две минуты — фиг успеешь! Он просто пришёл из будущего. Этот мужик — это я в будущем. То есть, он подросток... Вернее, я подросток, пошёл в магазин будущего, выкопал часть спрятанных денег и купил на них этот телевизор. Потому, что сейчас ещё не делают такие телики. А деньги, спрашивается, откуда? Да тоже вот из будущего! А иначе как мог этот мужик угадать, о чём я думаю? И ещё с такой точностью: включить именно на ту программу. Реально, мужик пришёл, чтобы меня предупредить! То есть, чтобы я бабки в ментуру не носил. И этот телевизор! Ну, откуда он? Как он без розетки может работать? Это что, телек из анекдота про чукчу? Мол, чукча не дурак — чукча и розетку купил. А то, что мужик мне сказал про якобы заложенную в подвале бомбу, то он наврал. Потому, что бомбу не засунешь в простой мобильник. То есть, мужик пришёл, чтобы предупредить меня, чтобы я не делал глупостей — не нёс бабки в милицию».

С такими мыслями он обходил телевизор, загораживающий выход и, с перекинутой через плечо школьной сумкой, направлялся в сторону погружённого во тьму района. Ему сейчас было не до телевизора, потому что перед Сергеем замаячило светлое будущее. И, казалось, этот свет указывает ему дорогу: в какую сторону идти; где и в каком месте лучше всего закопать эти деньги. Впрочем, надо признаться, телевизор порадовал паренька. Вернее, не сам телевизор, а тот странный человек, внёсший его в подвал. И минуты не прошло с тех пор, как Сергей считал его каким-то злодеем, охотящимся за школьниками и отбирающим у них сумки. Но сейчас он неожиданно понял, что, если такие «злодеи» сумки и отнимают, то исключительно для того, чтобы наполнить их деньгами и, потом, подкинуть одну из этих сумок тому пареньку, у которого они её отобрали.

Выкопать ямку и высыпать в неё деньги из найденной сумки, Сергей планировал в своём районе. Прodelать такую операцию он собирался успеть до того момента, когда неожиданно дадут свет. Раз этот мужик свой «волшебный» телевизор купил, — подумал Серёга, — то, значит, он успел уложиться и закончил своё нехитренькое дельце в темноте. Потому что, если бы свет резко дали и засветили уличные фонари, то его бы заметили и он бы не уложился. Кто-то бы обязательно откопал все денежки, которые этот чувак спрятал.

Он мог бы закопать и в соседнем районе, но не был уверен, что там тоже нету света. Ведь фонари засветят все его делишки, как фотоплёнку и та не сумеет проявиться потом, в будущем.

* * *

Поскольку Серёга не мог выкопать ямку одними только пальцами, он планировал залезть в детскую песочницу и раздобыть там совочек. Сеня Кирпичов, младший братишка Серёгиного одноклассника, как помнилось Серому, частенько забывал её в песочнице или специально закапывал, чтобы другие детишки её не прикарманили, если в будущем он опять забудет. Поскольку Серёга обгрызал себе ногти чуть ли не до мяса, то именно сегодня ему не повезло, так как кончики пальцев с утра начали опухать, а ему предстоит вырыть вместительную яму для того, чтобы, как он настраивался, не только высыпать в неё дюжину крупных пачек, но и утрамбовать, сверху обложив кусками грунта с торчащей из них пырейной травой. То есть, придать делянке такой вид, словно там ничего особенного не закапывали, поскольку сверху росла зелёная травка. Ведь наверняка чья-то паршивая собачонка начнёт шуровать здесь лапками... Но, как знал Свинцов Серёга, то просто так собаки не роются. В Серёгином тайнике должна быть закопана косточка, которую данная собака оставила про запас. То есть, выкопала примерно такую же ямку, как и Свинцов. Либо это должна быть специальная милицейская собака, натасканная на наркотики или на деньги, которые бандюки грабят у инкассаторов и второпях стараются где-нибудь припрятать... То есть, зарыть где-то неподалёку... Далеко ведь не уедешь, поскольку инкассаторы тут же сигнализируют и дороги перекрываются гаишниками, останавливающими каждого и, при помощи таких вот ищек, тщательно перепроверяющими содержимое.

Так, что Сергей особенно не переживал: если собаки-ищейки унюхают те денежки, которые он сейчас закопает, то — нет проблем. Он сразу же заметит, что «пломба» на его «банковском сейфе» была вскрыта, от дружков узнает наиболее громкие недавние новости (например, «сотрудниками МЧС, их служебными собаками, была найдена крупная сумма денег, блах, блах, блах») и тут же сообщит в полицию. То есть, заявится туда лично и выложит всё, как на духу: «Честное пионерское, я собирался принести деньги сразу, но шёл дом-2, поэтому я наскоряк зарыл их, припорошил, а утром, уже, я бы тогда принёс, но забыл, как назло. Утром проснулся и про вчера ничего не помню».

Он уже приблизился к песочнице, присел на корточки, словно собирался справить в неё большую нужду и припорошить — подговнять этому забывчивому тугодуму Сене Кирпичову; он уже сунул в песок руку, как вдруг... Оттого, что он почувствовал и услышал, Серый чуть не справил нужду, не снимая штанишек.

Чья-то холодная рука тронула его за шею и, очень хорошо запомнившийся Серёге голос, произнёс. Шепнул в самое ухо: «Ты не это ли случайно ищешь?» Другая рука протягивала

Серому совочек.

Свинцов резко дёрнулся, как всякий, кто желает немедленно обернуться и с вызовом посмотреть в глаза тому, кто так сильно его напугал. Но, поскольку было невероятно темно, увидеть лицо напугавшего Серёге не удалось.

— Знаешь ли, у меня чисто случайно в кармане завалялась детская лопаточка, — тем не менее продолжал говорить голос владельца «волшебного» телевизора. — Ну, для песочницы.

Если бы этот тип знал последующую Серёгину реакцию, то схватить данного паренька он должен был не за шею, а за лямку школьной сумки, перекинутую через Серёгино плечо. Тогда бы он мог легко за неё дёрнуть и Серый останется с носом. Сумка будет в руках у этого человека.

Свинцов пулей подскочил, врезал между ног схватившему его за шею и с перепуганным воплем понёсся, куда глаза глядят. Благо, что было темно и глаза его никуда не глядели. — Так наверное ещё интереснее было убежать.

* * *

Серёге вспоминались сны, как он каждый раз находит множества денег (в основном, медную мелочь), а потом неожиданно просыпается и понимает, что его опять охватила небывалая досада. Потому что, вот, только что у него была гора мелочи (словно кто-то разбил фарфоровую копилку, да раскидал тут да там), а сейчас он с горечью понимает, что это были всего лишь грёзы. И даже под подушкой ни единой копеечки не застряло. То, что с ним происходит сейчас, Свинцову тоже представлялось каким-то сновидением. Но дело всё в том, что, если тебе снится сон про деньги (любимый Серёгин сон), то во сне за тобой не гоняется чудовище и те деньги, которые тебе снятся, не пытается отобрать. Потому, что сны, в которых за «спящим» гоняются страшилища, называется «кошмар». Сколько себя помнит Серый, кошмары ему не снились ни разу. Значит, как он понял, то, что с ним происходит, является не сновидением, а вполне себе серой и унылой реальностью. И по яйцам он этому мужику врезал не потому, что он его напугал, а по такой простой Сергеевой логике.

То есть, если реальность любому охочему до денег, но такому неимущему как Серёга, видится унылой, то, поскольку склонный к унынию человек способен испытывать грусть и печаль, то он так же легко способен чувствовать боль. И, значит, если он действительно спит и, если ему снятся такие чудеса как гора денег в школьной сумке, будто бы украденных (или выигранных) в телевикторине «Десять миллионов с Максимом Галкиным», то кто-то должен его ущипнуть. Впрочем, если даже сам «спящий» треснет между ног того, кто его (спящего) должен ущипнуть, то так тоже сойдёт. В особенности, если учесть Серёгину уверенность в том, что человек, которого он сейчас ударил, является им же самим. Может быть, попаданцем, если, конечно, к тому времени не успеют изобрести машины для перемещения в тот или иной год. Так, что, если Серёга пнул такого человека, то, получается, он пнул самого себя. Это чем-то похоже на то, что человек, протянувший Сергею совочек для рытья в песочнице, попытался его ущипнуть. Может быть, ему тоже думается, что он спит и наблюдает собственное прошлое. То, как он подходит к песочнице, долго роется, выискивая лопатку, но окаянной как назло нету и нету. Вот он и заготовил совочек, поскольку заранее знает, что Серёга до утра будет рыться и ничегошеньки не найдёт. Поэтому, если надо, чтобы его кто-то ущипнул, то Сергей это сделал. Или, если он

сомневается в том, что спит или совершенно уверен в том, что пользовался машиной времени или сделался попаданцем. Надо, чтобы он задумался над тем, снится или не снится ему всё, происходящее вокруг.

Утром Сергей рассказал одноклассникам, что с ним вчера приключилось. А он и не мог не рассказать. Уж не привык наш Серёженька держать язык за зубами. Ему ещё самое главное оставалось рассказать: куда он спрятал сумку с деньгами после того, как убежал от мужика, легонько тронувшего его за горло возле песочницы. Но Сергей не сказал. — Хотя, и дураку понятно, что деньги он «спрятал» дома. — Не всё подряд можно рассказывать. Например, нельзя говорить о Серёгиных предчувствиях: «Он — это я в будущем. Поняли? Нет? Ну, это потому, что вы тупицы! Я вам всегда пытался это объяснить, только вы не фигу не понимаете...» За это можно нажить кучу врагов. Серый это дело понимал, поэтому о домыслах и догадках умалчивал.

Когда он вернулся домой... — Вернее, в коридор, где стоял ящик из-под картофеля, — то на дне, на самом дне данного ящика, денег конечно же не обнаружилось. Несмотря на то, что школьную сумку он зарыл в картошку, деньги, словно кто-то «спиионерил». Впрочем, понятно кто это был. Хоть к гадалке не ходи. Тот самый, который, сначала в подвале его напугал, а потом — возле песочницы. Только очень сомнительно, что ему так сильно нужны были Серёгины деньги. Кто их принёс Серёге, если не он сам? И откуда они взялись, если не от попаданца из будущего? Ну, хотя бы: откуда взялся телевизор, работающий без электричества? Ведь внёс его в подвал и поставил перед самым входом — не Папа же Римский? И, если он решил отомстить Серёге за тот пинок, то не всеми же деньгами? Хотя бы копейку оставить ему должен. Ну, ту, которая должна была застрять под подушкой в то время, когда Серому снятся сны про деньги и он неожиданно просыпается.

В то время, пока он по несколько раз «перетряхивал» картофельный ящик, в кармане зазвонил телефон.

— Я вот что ещё забыл сказать, — заговорило из трубки. Это был тот самый голос, который Серёга бы не перепутал уже ни с чьим другим. Уж так он ему за вчерашний вечер и сегодняшнее утро засел в печёнку. — В прошлый раз я забыл кое-какие деньги... Ну, в смысле, я прибыл из будущего... Если ты не в курсе, то из твоего будущего. Точнее сказать, я являюсь тобой самим. И вот...

— Одну секундочку! — немедленно перебил его Серый. Он прекрасно знал, о чём этот тип будет сейчас с ним болтать. Он как-то раз ему сказал, что «прочитал» его мысли. Конкретно то, что Серый хочет успеть на «Дом-2». Значит, он действительно телепат и сейчас издевается над Серёгой: украл его деньги, поскольку ключи от ящика есть только в Серёгиной квартире и, предположим, у того, кто является им же самим. И вот, он, сначала украл его деньги, а теперь — что? Думает, что ему так легко удастся загнать Серого в долги? Как это называется у бандюков, поставить на счётчик. Если так, то он слишком высокого о себе мнения.

— Что ещё? — нервно переспросил звонящий. — Тебе мало было вчерашнего инцидента?!

— Какого ещё... президента?

— А то ты не понимаешь! Ты мне вчера между ног пнул. А я к тебе вежливо

обратился...

— Я не про это спрашиваю!

— А про что?!

— Просто, перед тем, как вы вышли из подвала, — хотел Серый перейти с ним на «ты», если, как он считает, он его «двойник», но, после выслушанного замечания, решил, что «тыкать» ему будет сейчас неловко, — Вы сказали, что Вам совершенно не нужны мои деньги. Мне ведь не послышалось — Вы действительно так сказали.

— Да, тебе не послышалось. Но я боялся тебя потревожить, поэтому так сказал.

— Ну, допустим. Но всё равно это неправда.

— В чём же, интересно, ты усмотрел в моих словах неправду! — воскликнул этот звонящий.

— Ну, смотрите сами. Вы хотите сказать, что когда-то давно нашли школьную сумку, наполненную деньгами. То есть, когда были мной сегодняшним. Потом Вы копались в песочнице, не могли найти совочек Сени Кирпичова... Так? И были вынуждены спрятать эту сумку в наш ящик из-под картошки. Правильно или нет я излагаю?

— Ну, в принципе, правильно, — был звонящий, вероятно, обескуражен Серёгиной пронизательностью, — только как тебе удалось...

— Плевать — как! Вы меня сначала дослушайте. О'кей? А потом я послушаю, что возразите Вы. Конечно, с учётом, что Вам найдётся, чем крыть. Итак, Вы говорите, что сумку с деньгами Вы положили в ящик из-под картофеля. Так? Потом Вы неожиданно переместились на двадцать лет вперёд. Вы такие переместились и, хоп, удивляетесь: «Как классно, что я нашёл этот коридор! Шёл-шёл и случайно об него споткнулся. Я теперь могу вернуться назад тем же способом!» И вот, Вы возвращаетесь и говорите, что что-то там такое забыли! И где же тут правда?!

— Ну, видите ли, молодой человек, — тоже перешёл тот на «вы». — «Забыл» — это условность. Это не значит, что я действительно что-то такое забыл. Скажем, что «не взял». Ведь сейчас тебе никто не угрожает?...

— Вы хотели сказать, не «тебе», а «мне»: «мне никто не угрожает».

— Ну да. Ты опять очень правильно понял всю щекотливость ситуации, — печально проговорил тот. Вероятно, он был несколько удручён осведомлённостью этого мальчишки.

— То есть, Вы могли забрать эти деньги ещё там, в подвале, но Вам казалось, что я позвоню в ментуру и пожалуюсь на Вас, как на педофила. Поэтому Вы начали ломать ту комедию с бомбой. Правильно я понимаю... То есть, излагаю. Ответьте конкретно: да или нет? — передразнил он тот его дурашливый говор, каким он общался с Серёгой в подвале.

— Ну да, — ещё более удручённо ответил тот. — Именно так я и подумал. Но, ведь, не хочешь же ты сказать, что...

— Я Вас попросил: не перебивайте. Дайте сначала я всё выскажу, а уже потом...

— Да-да. Говори, конечно же.

— Я хотел сказать, что, если деньги спрятали Вы, а не я, то их нету. И то, где они находятся, спрашивать надо не у меня, а у Вас. Теперь Вы хотя бы поняли, в чём в Ваших словах неправда?! Это не то, чтобы неправда, а целая неправдища. А вот теперь я Вас очень внимательно слушаю. Теперь, когда я всё сказал, можете Вы говорить.

— Дак деньги же не я ложил, а ты. Это ты хоть понимаешь? Когда я был такой же, как ты, то, да, в картофельный ящик я их ложил. Но, ведь, вчера ты сам положил. Уж это-то... ну совсем просто! Даже черепаха, которая медленно соображает, и та поймёт.

— Вы хотели сказать «даже жираф», а не «даже черепаха».

— Ты опять пытаешься передёргивать. То есть, я хочу сказать, так и этак пытаешься мне внушить, что я неправ.

— Нет, я понимаю, что Вы точно знаете, что деньги из этого ящика Вы не брали. Но у меня складывается странное ощущение, что Вы не хотите мне поверить в то, что не только Вы, но и я тоже из картофельного ящика в какое-то другое место деньги не перепрятывал. Так или не так?!

— Нет, если ты честно мне всё это говоришь, то, конечно же, я тебе поверю. Об чём вопрос.

— А можно у Вас, в таком случае, спросить, откуда Вы взяли ту школьную сумку с деньгами? — Серёга знал, что этот гад ему ответит, но попробовал спросить на удачу: а вдруг он сменит пластинку?

— Мне казалось, что сумка — твоя. Ведь ты же школьник.

— То есть, деньги исключительно мои. Правильно я понял? Но, поскольку Вы считаете, что Вы — это я в прошлом, то они как бы уже не мои. Они как бы уже Ваши. Так или не так?

— Да нет, ты совершенно прав. Если ты действительно в этом уверен, — в том, что из нас двоих ты первый нашёл эту сумку, — то да, ты полноправный их владелец.

— Это очень хорошо, что Вы так считаете. Потому, что денег нет и, хоть ты обсерись, но их не будет... Кстати, Вы забрали тот телевизор, который работает без электричества? Помните, Вы оставили его в подвале, а я не стал его смотреть? Потому что Вы меня заметили и мне неудобно было оставлять ту сумку у Вас на виду.

— Да мне он, собственно, без надобности, — ответил тот про телевизор. — Я его тебе хотел подарить. У вас наверно часто выключают свет...

— Но, ведь, Вы меня ни в чём не обвиняете? Вы не считаете, что Вы первый нашли эту школьную сумку, а я сейчас перепрятал Ваши деньги и...

— Нет, не считаю.

— Просто я подумал, что, если бы оставил свои деньги там в подвале, а не отнёс бы их в картофельный ящик, то Вы прибрали бы их к рукам, а потом опять продолжали бы меня преследовать. Мол, я их положил в этот картофельный ящик, а не зарыл, как изначально собирался, в подвале, а теперь их кто-то свистнул и Вы не можете их найти. Ведь Вы именно об этом первый раз заикнулись?

— Нет, поверь, это была шутка. Просто мне не понравилось, что ты меня пнул, поэтому я решил тебе позвонить и...

— То есть, Вы хотите сказать, что это месть за пинок... Хорошенький же Вы шутник! Ведь как-то же Вы почувствовали, что я сейчас залез в этот картофельный ящик, сорок раз перерыл его весь с ног до головы, но ничего в нём не нашёл.

— Просто я сам в твоё время не мог его найти. Думал, может быть, ты найдёшь.

— Ну вот, узнали, что я его не нашёл и утомонились.

— Да, ты действительно прав. Теперь и я тоже, не только ты, знаю, что сумку с деньгами ты не нашёл.

Голос был всё такой же — апатичный. Он отключил связь и Серый услышал короткие гудки.

Пока он разговаривал по телефону, всё это время крышка картофельного ящика была открыта, Сергей собрался уже закрывать этот ящик, как вдруг: у него чуть глаза на лоб не полезли. Оказывается, та школьная сумка, которую он искал, лежала сверху горы с

картофелем.

Серёга тут же принялся звонить по тому номеру, который был последним во «входящих», но девушка-автоответчик неугомонно его предупреждала, что абонент находится вне зоны доступа.

А вот об этом ему потом одноклассникам в школе рассказывать? Мол, позвонил какой-то чудила, представился моим именем-фамилией; сказал, что он из будущего, и так далее и тому подобное. Или лучше не говорить? Потому что придётся утаить тот странный факт, что сумки в ящике сначала не было, а после того как он «опустил» этого крейзи, сумка таинственным образом сама нарисовалась. «И я её открываю, а там реально бабки! Прикиньте, чуваки? Не картофельные очистки, а натуральное бабло! Может, это всё хрень, а? Мне просто надо вскрыть какую-нибудь пачку, вытащить бумажку и просветить. Ну, чтобы, короче, убедиться, что в ней нет никаких водяных знаков и ранец реально набит картофельными ошмётками. Ну, или туалетной бумагой... Бывает же такое?»

* * *

Серёга решил больше не ломать голову над тем, как остаться незамеченным и зарыть свою сумку, чтобы больше не сталкиваться лбами с этим юродивым. Просто — пойти в ближайший лесок, прихватить с собой какую-нибудь дурацкую лопатку, и там её «похоронить». В смысле, не лопатку похоронить, а школьный чёртов ранец. Юродивый ведь всё равно так просто не отвянет, поэтому, если опять со спины подойдёт, чтобы побормотать свою очередную глупость, то резко развернуться и тяпнуть ему этой лопаткой. Ну, если он настолько недалёкий, что прошлый пинок на него не подействовал и он опять подкрадётся, чтобы начать шептать в Серёгино ухо свои «молитвы», то можно повторить. А в том, что этот хрен непременно подойдёт — надоедать и мешать, Серый в этом даже не сомневался. Поэтому Свинцов решил действовать в открытую, не биться в раздумьях: «как же получше спрятаться? Эх, жаль сейчас не шьют шапки-невидимки...» — и всё такое.

Когда он уходил в сторону леса, то хвоста за собой не замечал. Лопатку Серый сунул в сумку, чтобы особенных подозрений не вызывать. Но вот, как только Свинцов выбрал удачное место, где сумку действительно можно схоронить, «хвост» тут же, немедленным образом, появился. Причём, перед тем как Серёга подошёл к заданному месту, он раз десять наверно оглянулся: преследователя нигде не видно (ни за каким деревом никакой чудик не прячется), так что можно копать. Но, вдруг, тут же, за своей спиной, услышал тот, до боли знакомый, голос. И ведь правильно вспомнил Серёга о шапке-невидимке? Если этот тип приблизился так неожиданно, то зарыться в «окоп» он не мог: трудно предугадать, в каком именно месте Серый остановится. Значит, у них там, в будущем, шапки-невидимки уже шьют? — Так просто не подкрадёшься, даже если перед этим на дерево залезть. То есть, чтобы залезть на дерево, нужно заранее рассчитать точное место, к которому подойдёт Свинцов и захочет именно здесь выкопать свою яму. То есть, у преследователя может получиться такой же нулевой результат, как и с выкапыванием «окопа». То есть, временного места дислокации в виде вырытой ямы, сверху присыпанной ветками и травой...

— Свинцов, — проговорил Серёге этот «хвост». — Ведь тебя одноклассники дразнят «Свинкой»? Правильно?

— Мужик, ты достал! — не выдержал Серёга. — Хочешь лопатой по башке получить?

— Сначала ты должен был вытащить свою лопату из портфеля. Потом уже угрожать, — ответил ему голос. «Голос» потому, что Серёга не оборачивался. Ему не хотелось, чтобы у него опять глаза на лоб полезли. Если он обернётся и никого не увидит, поскольку Серёгин собеседник является вампиром и поэтому днём скрывается в своей шапке-невидимке. — Но, ведь, ты не станешь открывать свой портфель? В нём у тебя ошметки ведь лежат? Верно угадал? — последнее «хвост» проговорил с усмешкой.

— Дак я ж не знал, что ты подкрадёшься! — тоже усмехнулся Серый, как бы передразнивая. — Если бы знал, то за мной не заржавеет — вытащу как пить дать!

— Ну, вытащи, — ещё резче усмехнулся тот. — Если в сумке туалетная бумага, то скрывать нечего. Так что вытаскивай! Ты уже один раз пнул — можешь повторить.

— Слушай, мужик, — всё ещё Сергей не оборачивался. — Кто ты такой? У тебя ко мне есть какая-то реальная предьява? Что-то конкретное? Или ты просто, банальный педофил?

— Да.

— Что — да?

— Предьява — есть.

— Ну, обоснуй.

— Я хотел спросить у тебя то же самое: кто ТЫ такой. Не «я» кто такой, а ты.

— Мля, а тебе не по хрену? Деток до х... бегают. А у тебя по ходу детей нету. Верно подмечено?! — подмигнул Серёга левым глазом, хоть и не оборачивался.

— Разговор сейчас не о моей личной жизни, а о том, кто ТЫ такой. Нет, я понимаю, ты считаешь меня своей галлюцинацией, — засмеялся Голос за спиной у Серёги. — Типа: «мужик, ты — это я из будущего — сгинь недоносок». А тебе, сопляку, ни разу не приходило в твою глупую головёнку, что я недоволен твоей персоной ещё вдвое больше, чем ты моей?! А, сопляк?

— Чё-чё? Ты не мог бы выражаться менее витиевато? Скажи проще: пошёл в пизду. И я пойму, что делать. Тебе, чё, бабки эти хреновы нужны?! Да на, падла, подавись!

— Тебе, дебилу, по телефону уже сказали, но ты тормозишь. Бабки твои сраные мне на х... не нужны! Я не могу понять, откуда ты взялся, козёл! Какого хрена свалился мне на голову! Ты чё, снег?!

— Да ты не кипятись, дядя, не кипятись.

Серый всё так же не оборачивался и не оборачивался.

— Хорошо, уговорил, — поубавил тот тон, — не буду. Но ты, честь-слово, сильно меня вывел из себя.

— Смотри, мужик: бабки в этой сумке тебе не нужны, ты не педофил, лопатой по башке — тоже тебе не надо. Тогда — чего ты хочешь? Хоть убей, не понимаю.

— Хочу выяснить, кто ты такой, — спокойно объяснил Голос (судя по звуку, он закурил). — Как ты взялся из моего прошлого. Как попал в мою реальность...

— Опа-на! — хохотнул Серый, резко обернулся, и... — Чё ты стрелки переводишь, поц?! С больной головы на здоровую...

Он осёкся, потому что перед ним стоял он сам, но, только, увеличенная копия, которая выросла до размеров взрослого, а не такого коротышки, каким был Свинцов.

— Это... Мля... Тебя чё, загримировали?...

— Да без проблем, — хохотнула копия. — Давай подойдём к родничку — помоем личико? Если это грим, то он тут же смоеется.

— Не, ну не струя себе предьява?! Типа: «это не я — твоё будущее, а ты — моё

прошое!»! И ты чё, серьёзно думаешь, что попаданец не ты, а я?... Типа, что это я сел на машину времени, приехал в твоё будущее, а ты — находишься в своём законном времени?!

— А ты, чё, можешь чем-то доказать, что я гоню? А ты, мля, глаголешь истину в последней инстанции?!

— Да без базара, чувак! Мы можем пойти в ментуру, мусора проверят твои документы, на предмет подлинности, и он *и* тебе, придурку, будут всю эту хрень раскладывать по полочкам, а не я!

Серёгина копия в это время, пока он тараторил свою последнюю фразу, окончательно взбесилась, выплюнула бычок, схватила Серого за затылок и прижала лицом к своему плечу.

— Ты чё, забыл, чё я тебе сказал там в подвале про ментов?! Падла, попробуешь сунуться в ментуру, я тебе ноги выну, спички вставлю и присесть заставлю!

Оттого, как ублюдок схватил Свинцова, Серый попытался вывернуться, дёрнул той рукой, на плече которой висела сумка, чтоб засветить этому крейзи в глаз, но сумка слетела с плеча, сделала дугу высоко над головами сцепившихся и так ударилась о землю, что из неё даже выползла половина денежной пачки. Застряла внутри, словно была приклеена к остальным целлофановым упаковкам.

— Ого?! — осклабился молодчик и отпустил Серого (шею ему решил не сворачивать — оставить на потом), — да у тебя там далеко не туалетная бумага! И не «кожа» от свежёванных картофелин, да?

— А чё такое «сжёванных»?

— Забей. Я про другое говорю. Про то, что ты мне назвиздел по телефону.

— Чё?... — недоумённо смотрел на него Серый. — Ты хочешь сказать, что это не ты, а я? Ну, типа, это я приехал из твоего прошлого и сам начал названивать тебе на сотовый, а ты тут вообще не при делах?...

— Ну, ты мне нагнал по телефону, — говорила Серёгина копия одновременно со своим визави, — что сорок раз перелопатил свой картофельный ящик, и намекал на то, что школьный портфель с баблом свиснул не ты, а я. Чё, не так, что ли?

— Извините, — опять перешёл Серый на «вы», — но вы фигню какую-то мелете. Давайте, объясню? Сначала вы сказали, что вам не нужна эта школьная сумка, теперь вы смотрите на меня с укоризной и говорите, что я вас облапошил — и с картофельным ящиком и с деньгами, лежащими в сумке. Вот я и не понимаю: даже если я облапошил! Но вам оно не по хрену? Да, я говнюк и малолетний врунишка! Но что с того? Вас это, извиняюсь, ебёт?!

— Тебе на этот вопрос ответить?

— Да нет, я просто...

— Ну почему же, давай отвечу! Тут есть маленькая заминка. Да, по телефону я тебе ~~еказал~~... Вернее, намекнул на то, что мне не нужны твои грязные деньги. Но в то же самое время я ~~не еказал~~ кое-что другое, более важное, чем вся эта паршивая сумка. Я НЕСКАЗАЛ что считаю тебя мной самим, то есть пришельцем из моего детства. Ведь тебе не фиг делать — меня уделать: пошёл и накапал на меня ментам, что я насильник... То есть, твой старший брат или твой папаша, который до тебя грязно домогается. Меня упекли в камеру, за тобой некому наблюдать и ты простенько закапываешь мои денежки. Потом — менты выясняют, что ты беспонтово на меня «настучал», высвобождают меня из каталажки, а денежки — тютю, они плакали! Вот и пораскинь, правду ли я сказал тебе по телефону. О том, что мне в жопу не нужны твои деньги. Или, может быть, слукавил? Ведь, если меня заметут в каталажку, то за тобой некому будет наблюдать и я не разнюхаю, куда ты зарыл эту сумку.

— Ха-ха! — развеселился Свинцов. — Если «пришелец» не ты, а я, то говно-вопрос! Неужели у тебя нету сообщников и за мной наблюдать совсем прямо некому? Кстати, а что ты сделаешь, если, к примеру, тебя запрут в камеру и за мной некому будет следить, так как ты приехал на своей машине времени буквально вчера и не успел обзавестись сообщниками? Потом, когда тебя высвободят и извинятся за незаконное задержание, ты поймёшь, что реально остался с носом и сядешь на машину времени, чтобы поехать несолоно хлебавши? Так или не так?

— Позволь не отвечать на твой агрессивный тон? Спесь сначала поубавь.

— Хорошо, поубавлю.

— И на «вы», если можно. Всё-таки, я в два раза тебя старше, не забывайся.

— И это тоже.

— И что ты мне скажешь после того, как поубавил свою никчёмную спесь? Только излагай короче, а то мне некогда тут с тобой ля-ля-тополя!

— Я так подумал, что Вам хочется, чтобы мы оба знали то место, в которое я зарюю свои деньги.

— Вот это — не такие высокомерно нахальные слова, как были перед ними.

— Ну, так что, по рукам?

— По рукам-то по рукам, но...

— Но, — успел перебить его Серёга, — отложим до следующего раза. Идёт?

— Идёт, — улыбнулся ему человек, как две капли воды похожий на него самого. Серёга поднял сумку, поправил денежную пачку, повесил этот школьный портфель на плечо и двинулся в обратную сторону. В ту сторону, откуда пришёл.

— Идёт говно по трубам, — пробурчал себе под нос взрослый Серёга Свинцов и двинулся в другую — противоположную той стороны, в которую шёл Серый.

3

Свинцова слегка напрягала перспектива себя в будущем. Он бы с радостью поболтал с этим человеком. Ему же интересно было узнать, кем он станет, когда вырастет? Но деньги всё портили — превращали этих двух, в будущем несомненно замечательных, людей в какую-то сволочь, облаивающую друг друга. Через каждые полслова посылающую друг друга на три весёлых буквы. Сергей пытался его подначить к разговору, есть ли у него (у Свинцова-взрослого) дети, но тот был настроен с такой агрессией, что тут же перевёл тему. Ну, как будто бы он не фига не соображает: даже если Свинцов-джуниор пришелец или призрак из его прошлого, то наверняка он явился сюда не просто так? Интересно же ему узнать, женился ли он, какая его в будущем ожидает счастливая жизнь, сколько детей в его семье, интересная ли работа, и всё такое. А этот взрослый-Свинцов заладил одну и ту же песню: деньги-деньги. Наверно, он там (в будущем) чудовищно одинок, у него никого нет, а есть только деньги, которые он «тысячу» лет зарабатывал, а теперь... Вот, только, малость непонятно то, каким немислимым образом все эти деньги, которые взрослый-Свинцов «сто лет» зарабатывал, перепорхнули в прошлое и попали в лапки тому никчёмному балбесу, которым старший-Свинцов когда-то очень (чудовищно очень) давно был. Ведь, судя по выкидонам этого Свинцова-старика, произошло именно так, как нетрудно догадаться: деньги у старика-Свинцова исчезли в самый неподходящий момент: он переписал наследство на своего преемника, но, поскольку создали машину времени, то начали

происходить разные аномалии. Например, всё состояние какого-нибудь старикашки внезапно улетучивается и, вместо его внука, достаётся неизвестно кому. Скажем, самому же старикану, но только в то время, пока он был ещё несмышлёнышем и пребывал в младенческом возрасте. И всё, чего от Серого хочет этот старик — не знать место, в котором Серый закопает свою сумку, а самую банальность: разобраться, как к нему попали эти деньги. То есть, старик-Свинцов в любую секунду мог придушить Свинцова-джуниора, забрать деньги, сесть на машину и вернуться с ними в своё время. Но, с другой стороны, он не может убить джуниора, поскольку рискует сам погибнуть. Если бы он был одинок и ему некому было передать своё наследство, то он на правильном пути — передать этому пацанчику. Но, раз он не передаёт, а играет с ним в какие-то игры (пытается мозги закомпостировать, дескать, это не я переместился в прошлое и столкнулся со своим двойником, а ты переместился в будущее, за что я тебя и накажу, сопляк), значит, он всё-таки не одинок и настраивается на то, что мальчишка запутается, сдастся, а он положит себе в карман все эти деньжата, да слиняет?

Вот, обо всём этом пытался покумекать Свинцов-джуниор. Понять: может, в этом есть какой-то смысл, какая-то логика, связующая очень многие моменты? Или всё донельзя прозаично: заgrimировали бандюка, который чем-то похож на Лису Алису и Кота Базилио, которые дурят наивного Буратино. И всё, что от того надо, чтоб он закопал на поле чудес свои пять золотых, а они видели, в каком месте. Заgrimировали потому, что к роднику он так и не подошёл, чтобы убедить подростка в том, что это не грим и он так просто не сотрётся. Ведь сейчас удивительное время: экстрасенсы разные. Наверняка для бандюков ничего не стоит — найти экстрасенса, который прочитает его мысли и разыграет из себя чепушилу: «Я, паренёк, прилетел из будущего и, как ты наверно догадался, являюсь тобой же самим. Вот только одно я никак не могу понять: Может, это не я прилетел из твоего будущего, а ты — из моего прошлого? Ничего не хочешь сказать по этому поводу? Может, есть какие-то соображения!»

Поэтому Серый не мог уподобиться Буратине и показать, куда он и в каком месте закопает свои «пять золотых». Он даже думал, что это не из сегодняшнего времени бандиты, а из будущего! И они заgrimировали своего сообщника, чтобы Серый купился на его болтовню. Только, если это не он сам (не двойник), то какого ляда бандиты его не убили? Ведь для них это ничего не стоит — грохнуть терпилу, а самим слинять с баблосами в будущее.

Обо всём этом Джуниор размышлял в то время, пока шёл в сторону своего дома: «Но, если представить себе, что это не банда из будущего, — с кучей сообщников, которые находятся в разных точках, следят за мной и меняют облик в любом месте, где бы я ни появился, — а одиночка из настоящего?... Ведь, судя по его сумбурным фразам, у человека в голове явная каша. Скорее всего, он простой сумасшедший, который несколько лет зарабатывал «бешенные деньги»... То есть, в тот момент, как он их заработал и получил, то попытался купить на эти деньги себе квартиру (как правило, что-то одно — квартиру или машину), но ему сказали, что все деньги бракованные... В смысле, в таких случаях вызывают полицию, если заметят фальшивомонетчика, но, поскольку у этого мужика на лице написано откровенное слабоумие, то его просто попросили удалиться, и не стали никуда звонить и никого вызывать. Именно поэтому чувачок так сильно боится ментуру! Потому, что ему пригрозили: «Если ты не возьмёшь ноги в руки и не выметешься со своей идиотской школьной сумкой, то мы тебя сдадим, куда надо». Наверно, он так сильно перепугался, что

хотел закопать эту сумку, но забыл... Вернее, не забыл, а потерял сознание. То есть, от страха. Вот тут-то я эту его сумку и нашёл! А он в это время валялся где-то в отключке. Потом пришёл в себя; вспомнил, что у него, в его школьном ранце, есть мобильник и можно его вызвонить и найти сумку. Но, поскольку портфель нашёл я, то ему стало неудобно. Это, как, если представить себе, что какой-то умалишённый живёт в лесу и воображает себя диким животным или птицей, высидившей на дереве яйца. Так вот, если на его территорию вторгся некто посторонний, то умалишённый вынужден покинуть насиженное место: сняться с якоря. Так и в случае со мной: если я поднял его ранец, значит, вторгся в его безумный мир. И, поскольку он душевнобольной, то силой отнять эту сумку он не может. А сидит где-нибудь, наблюдает за мной через бинокль и ждёт, долго ли я буду продолжать тупить. Когда, наконец, до меня дойдёт, что надо вскрыть какую-нибудь упаковку, вытащить банкноту и посмотреть сквозь неё на небо. Тогда я потеряю (вернее, брошу) его сумку, а он радостно поднимет и пропоёт: «Вот, все люди сумасшедшие, а я один нормальный — они пользуются деньгами, на которых нет водяных знаков, и считают, что у них деньги правильные, а у меня неправильные...»

Свинцов не выдержал, полез в сумку и вытащил пачку. Он только сейчас понял, почему так долго не проверял все эти деньги на подлинность, хоть и собирался узнать об этом с самого начала: Если вскрыть целлофановую упаковку, то сумка взорвётся, поскольку эти «куклы» скорее всего начинены взрывчаткой. И псих, который наблюдает за ним через бинокль, совсем уже съехал с катушек. Потому, что в то время, когда Серёга поднял его сумку, он включил детонатор, так как хотел себя взорвать. Но, поскольку Серый эту сумку поднял, то детонатор он выключил. Решил подождать, пока до парня не дойдёт. Но парень — тот ещё тугодум. Этот тип заgrimировал своё лицо, чтобы оно было похожим на Серёгино. Он собирался себя взорвать из-за того, что очень много лет зарабатывал эти деньги, но в самом конце его объявили сумасшедшим, а деньги — «куклами» и он не выдержал — продолжать жить в этом безумном-безумном-безумном-безумном мире. Он решил покончить с собой, поэтому включил детонатор, а сейчас взбесился ещё больше... Вернее, мог взбеситься и подорвать Серёгу, поэтому Серёга не решался лезть в сумку и вскрывать целлофановые обёртки на банкнотах. Это так же чревато, как вскрывать неизвестные конверты с письмами, которые почтальоны бросают к нему в ящик, но ему лично ни одно не адресовано.

Однако, сейчас Серого чуть ли не тошнило от того безумия, которое веет от этого параноика, который преследует его и не даёт сделать самостоятельно ни единого шага. Сергей про себя возмущался: «Какого лешего этот полоумный имеет право меня преследовать?! У него мания преследования! Он что, сам не понимает этой ерунды?! Того, что он похож на крейзи». То есть, Серёга не выдержал этой тупости и решил залезть в его паршивую сумку и вскрыть...

— Вот говнюк! — произошёл взрыв, но не внутри школьной сумки, а внутри Серого (взрыв негодования), когда он вскрыл упаковку и вытащил банкноту. — Я же знал, что это «куклы», а не настоящие бабки! Мля! И теперь этот подонок больше никогда меня преследовать не будет?! Только потому, что я оказался таким же сумасшедшим, как и все, а не тем редкостным «разумным хомо сапиенсом», как он о себе воображает, который посмотрит на поддельные бабки и пропоёт «аллилуйю»: «О, великий! На Твоих деньгах нет водяных знаков! Значит, они сверхнастоящие! Аллилуйя...»

«Как же мне выловить этого уroda и кинуть ему, в его напыщенную физию, этой страной

сумкой?! — кипел Серый от гнева. — Ведь он надул меня, как пацан с кошельком на рыболовной леске, в который напихано мандариновой кожурь».

* * *

Взбешённый Свинцов поднимался по лестницам и кипел от злости. Когда он вошёл в коридор, то у него чуть глаза не полезли от неожиданности на лоб. Потому, что он увидел этого ублюдка, склонившимся над открытым картофельным ящиком. Серому показалось, что этот поганец опускает в ящик новую сумку. Значит, та сумка, которая была у Серёги, манок? Игрушка для отвода глаз. А настоящую сумку с настоящими деньгами он прятал отдельно?... Но, когда Серёга присмотрелся внимательнее, то он замер на месте. Дело в том, что в одной руке у этого психа был тесак, с которого что-то капало, а в другой — не сумка, а чья-то отрезанная голова, которую этот ненормальный держал за волосы.

После увиденного, Сергея уже не интересовало, как этому умалишённому удалось его опередить, если он направлялся в совершенно противоположную сторону.

— Я так и знал! — прокаркал псих, увидев Сергея. — Вся твоя семейка ненастоящая! Когда я вошёл, то они все лежали неподвижно и притворялись живыми людьми... Ну, типа шумно дышали. А сами не двигались. Лежали, как манекены! Они такие же фальшивые, как и эти долбаные деньги в твоей дерьмовой сумке! Ты действительно пришелец? Призрак моего детства. Наделал манекенов, придуривающих спящими... Думал меня провести? Господи, какой же ты наивный!

Проревев всю эту хрень, псих поднял над головой руку с тесаком, и отводил тесак всё дальше и дальше, чтобы лучше размахнуться.

— Не кидай! — пропищал Серый. Теперь его голос был не таким самоуверенным, как раньше, а плаксивым и несчастным, как жизнь дегенерата. — Пожалуйста!

— Даже и не подумаю, — хохотнул псих. — Я бы тебя сто раз уже зарубил! Но какой же ты глупенький и наивный: не понимаешь, что, если я убью себя-ребёнка, то погибну сам. Но, если ты хочешь, чтобы я в тебя кинул, то на — лови.

И в Серёгу полетела голова.

Это произошло для Сергея так неожиданно, что он невольно почувствовал себя, будто бы находится на уроке физкультуры, играет в баскетбол и в него летит мяч. Если он не проявит реакцию, то мяч достанется противнику, который крутится неподалёку и ждёт, что Серёга «косякнёт»; тогда он сумеет отобрать у него мяч. И Серый тут же схватил на лету несущуюся в его сторону голову.

Когда посмотрел на то, что поймал... О, да, это был не баскетбольный мяч!.. В общем, оттого, что он увидел, у Серого закружилась голова, он покачнулся и чуть не упал. Но этот «мясник» за одну секунду как-то переместился вперёд на двадцать метров и успел этого мальчика подхватить. При этом пробурчав что-то вроде: «пол же грязный».

И, мало того, у него тут же нашёлся нашатырный спирт. В общем, Серый очень быстро вернулся в чувства.

Над ним склонялась образина чудовища. Подбородок был весь в крови, с лица капало... Короче, чисто внешне этот тип напоминал собой людоеда, застигнутого за трапезой. И ещё этот тесак: он нависал над Серёгиным лицом, как замерший маятник.

— Ты что сделал, идиот! — завыл Серый. Дело в том, что он на секунду забыл всё то, о

чём думал перед тем как войти в дом. В памяти Серёгиной сохранилось только продолжительное, а не сиюминутное. — А ну-ка сейчас же верни всё назад! Сядь на свою грёбанную машину времени и возвратись в самое начало!

— Да нету никакой машины времени, — пожал плечами этот монстр. — Прилетел же ведь ТЫ из моего детства, а не я тебя привёз? То есть, я хочу сказать, что это была твоя инициатива. Принадлежащая исключительно тебе. Так же, как и сраная сумка! Понимаешь, тупица? Я здесь совершенно не причём. Я просто — живу один. У меня никогда не было родителей (у тебя кстати тоже), потому что в один прекрасный день я понял, что они все до единого фальшивые и ненастоящие. Такие же, как и твои деньги!

— И ты их всех поперерубал, что ли?

— Чем? Пальцем?

— Нет, вот этим тесаком, — ответил Серёга. Он и сам не понял, как тесак переместился из руки увальня в Серёгину руку.

— А это твой тесак! — отскочил заверещавший возмущённый псих. — Это ты их всех порубил: и твоих и моих! Ты со мной поменялся телами, гадёныш!

— Что-что?! — начал освирепевать и Серый. — Ты хочешь сказать, что я взрослый, а ты ребёнок?!

— Складно излагает, собака! — хохотнул дегенерат, зачем-то процитировав Ильфа и Петрова.

— Дак, значит, призрак, пришедший из детства, не я, а ты?!

— Ну да! Какой ты находчивый: так быстро решил эту простую загадку! Хи-хи-хи-хи... А вот хочешь, разыграем сценку с загадкой посложнее?

Сергей не выдержал издевательской дряни, которую несёт этот чокнутый, замахнулся и вонзил мясницкий нож ему в голову.

* * *

Всё наваждение немедленно кануло в Лету. Сергея больше не окружали стены коридора, обрызганные кровью, летевшей от головы, отгрызенной злым гением. Вернее говоря, стены-то его окружали, но они были чистыми. Потому, что Серый склонялся над открытым ящиком из-под картошки... Видимо, Свинцов каким-то образом вернулся в то время, когда он копался в этом ящике и ему казалось, что наполненный деньгами школьный портфель «свиснул» тот псих, который ему всё время названивал на сотовый. Должно быть, именно в этот момент он, при помощи телекинеза, подменил Серёгину сумку. То есть, хорошие деньги вытащил, и подбросил ему сумку с «куклами». Именно после этого момента жизнь Серого начала походить на кошмарный сон.

Свинцов, не теряя ни секунды, чтобы злой гений не успел «передёрнуть» (подтасовать не фальшивые денежки, подменив их на «куклы»), сунул руку в гору картофеля, пошарился-пошарился...

— Вот она! — нащупал он ляжку, чуть не взвизгнув от неописуемой радости. Потянул и извлёк на поверхность злосчастный школьный портфель. Сергей тут же вскрыл целлофановую обёртку упакованной пачки... Он всё ещё находился в беспамятстве и не помнил тот последний короткий эпизод, который длился после момента расставания со злым гением, с которым Серый трепался в лесу и до того, как он разъярённый поднимался

по лестнице, входил в коридор, и в него (в Серого) полетела человеческая голова, после чего паренёк потерял сознание и, частично, память. То есть, Свинцов не помнил, что пачка, если её распаковать, может взорваться, поэтому распаковывал её без страха и упрёка. Он вытащил из пачки случайно выбранную купюру и протянул её на свет.

— Святое дерьмо! — провопил Серый. Водяные знаки очень хорошо просвечивались.

Он так сильно ошалел от счастья, что даже не заметил ту вторую сумку, которая висит у него на плече.

Поскольку у Свинцова теперь было две сумки и ко второй он боялся притрагиваться, чтобы та не взорвалась, то пойти на кладбище и закопать там все деньги он решил только в отношении первого из двух своих школьных портфелей.

Он уже заканчивал свои делишки и выбирался из небольшого склепа в форме башенки. В нём не было дверей, которые должны были закрываться на ключ, на улице было темно, поэтому Серёга ничего такого особенного не опасался. Например, что его увидит какая-нибудь пожилая тётушка, как он ползком выбирается из-под «башенки», и непременно свалится в обморок. Что ей делать на кладбище среди ночи?

Только после того как Серый перелез через оградку, боящийся быть замеченным кладбищенским сторожем (или кто у них там следит за порядком?) и начал стремительно удаляться с территории кладбища, он впервые заметил всё то, чего больше всех опасался. Поскольку глаза постепенно привыкают к темноте, если очень долго в ней находиться, то Серый успел разглядеть этих странных субъектов. Несколько человек, которые внешне напоминали собой бригаду грузчиков, разгружающих вагоны. Они передавали друг другу ящики продолговатой формы, переносили их через ограду, обрамляющую территорию кладбища и укладывали в распахнутые створки огромного длинного «дальнобойщика». Причём, если бы Серый присмотрелся более внимательно к тому пространству, в которое «грузчики» друженько заносят похищенные гробы, то он бы заметил, что внутри прицепа дальнобойщика всё покрыто инеем. То есть, выглядит точно так же, как в морозильнике, у них на кухне.

Но Серый не успел приглядеться. Ему в голову пришла мысль — сделать анонимный звонок. Ведь полицейские должны патрулировать на кладбище? Если он сейчас пойдёт и начнёт искать охранника, то, даже если таковой существует, Серому сперва придётся очень долго объяснять, кто он такой и что здесь (на кладбище) делает. Просто, чтобы вызвать доверие. Но на это уйдёт дьявольски много времени — на объяснение с дубинной-охранником.

И вот, Серёга не просчитался. Патрульные действительно находились где-то очень рядом с кладбищем, им оставалось только сюда подрулить и... Как-нибудь мягко и вежливо поинтересоваться у этих типов... Ну, например, о содержимом ящиков. Поскольку выглядят они более, чем подозрительно, в ящиках не покойники — тут даже к бабке не ходи: по ним видно, что ящики до краёв набиты «герычем». Иначе типы элементарно бы постеснялись приезжать на городское кладбище и устраивать здесь целый конвейер с перемещением гробов — с территории в фуру. То есть, тут надо не «ментов» вызывать, а целое подкрепление — омонцовцев. Потому что подозрительные типы наверняка начнут перестрелку, или возьмут патрульных в заложники и свяжутся по рации с дежурной частью. А, если спросить, для чего свяжутся, то, скорее всего для того, чтобы высказать свои требования типа «Не присылайте больше сюда легавых! Даже если целую армию пригоните, вы всё равно нас не победите». То есть, именно о таком наборе слов можно было судить по той странной реакции, которую «грузчики» проявили, заметив приближающихся патрульных. Кто-то из «грузчиков» вытащил ружьё, дуло которого поднял в небо и начал

часто нажимать на курок, поскольку при каждом «выстреле» ружьё давало осечку. Наконец ему (горе-грузчику) удалось выстрелить из своей «пукалки». Выстрел получился такой же нелепый, как лопается шарик у маленького ребёнка, который какой-то мерзкий тип неаккуратно задел своим обслюнявленным окурком.

«Не подходи, — при этом прокукарекал стрелявший, — я выстрелю». Видимо, этот шут гороховый пытался донести до блюстителей порядка, что он выстрелит себе в голову, но те его не очень хорошо поняли, и восприняли его выкрик как вызов. Серёге просто жалко было этих неудачников. Если бы он не звонил через свой сотовый, то он бы потом... Нет, не так. Если бы он родился девочкой, а не парнем, то потом очень долго плакал бы в подушку. До такой степени ему их было жалко. Дело в том, что все до единого гробы, которые эти горе-грузчики загрузили в свою фуру, были полностью пустые. На головах «грузчиков» были натянуты резиновые маски киношных фриков. Когда патрульные сняли с них все эти маски, то, как позже выяснилось, «грузчики» являлись привидениями. То есть на кладбище было очень много раскопанных (грамотно называется «осквернённых») могил и, как Серый позже выяснил и понял из источников СМИ, большая часть горе-грузчиков являлась воскресшими покойниками. Так уж получилось, что патрульным пришлось открыть по «грузчикам» огонь. Все эти типы пытались убежать, скрыться с места происшествия. То есть наблюдавший из своей «засады» Свинцов точно не разглядел, скольким из вандалов удалось сбежать, а скольких «положили» вызванные Свинцовым «легавые».

То есть, это было то ещё зрелище, если учитывать всё, что Серёга позже разнюхал через СМИ. Нет, его не пугало то, что «гробокопатели», как он про себя подумал, являются воскресшими покойниками, видимо, восставшими из собственных гробов и решившими скрыть все нежелательные улики, покидав гробы в грузовик (мол, пусть всё выглядит как банальный вандализм); его пугало то, что оцепившие место происшествия «менты» могут залезть в его тайничок и откопать школьный портфельчик. Не тот, который, по предположению Серого может взорваться, а другой. «Взрывоопасный» Серёга закопал в совсем другом месте.

И в том, что следопыты всенепременно докопаются, Серый даже нисколько не сомневался. Ведь они там притащат своих псов: неужели псы не унюхают его сумку? Как знал Серёга, «когда наступает чёрная полоса в твоей жизни, то готовься даже к самому непредсказуемому». То есть к тому, что какая-нибудь собака-ищейка начнёт сучить лапами и откопает ранее зарытую кость, а там уже до его портфельчика и рукой подать.

2

«Надо как-нибудь туда просочиться, — позже решил Серёга. — Ведь кладбище огромное и они не расставят возле каждой могилы подвое часовых. Да даже если и расставят, то я по любому туда пролезу: сделаю подкоп... то есть тоннель, и пролезу через него». Эта маниакальная решимость на Свинцова напала сразу, как только он подумал про собак. То есть, если считать, что какой-то полицейский пёс уже откопал его сумку, то именно в этот момент нужно настраиваться на рытьё тоннеля! Понятное дело, что на сумке не остались Серёгины отпечатки пальцев: она вся будет измазана глиной (полицейский говнюк-пёс постарается её как можно лучше обезобразить) и, пока «легавые» будут эту глину отмывать, да оттирать, смоят все Серёгины отпечатки.

Естественно, никаких часовых возле каждого памятника никто не поставил, то есть

мест для проникновения к склепу, запомненному Серым, хоть отбавляй. Но Серый всё равно не переставал себя накручивать: «Что же, если всё так легко и просто, то я пойду туда и выкопаю свою сумку?» Он был уверен, что, если наткнётся на своём пути на какие-то трудности, то всё это говорит о том, что, будь он киборгом из примитивного блокбастера и перестреляй все полицейские преграды, то, когда он откопает свой тайничок, то сумки там не окажется. Получается, зря боролся с осатанелыми вояками, которые не смотрели данный блокбастер и знать не знают о том, что малолетний паренёк — бессмертный робот-убийца. Но, вот, если он откопает сумку и сделает это совершенно беспрепятственно, то Серый был уверен, что именно в этом таится главная неприятность. На худой конец, может материализоваться призрак детства, огреть Серого сзади лопатой и закопать в том же — его «тайничке». То есть, всякое может стрястись.

Как он и предполагал, сумки действительно не было. Потому что Свинцов запомнил ту глубину, на которую её закопал. Но сумка странным и таинственным образом испарилась, потому что Серый рыл всё глубже и глубже, хоть заранее и понимал, что копает совершенно впустую. Ну, не распалась же она на молекулы? Если бы её откопали собаки-ищейки, то закапывать Серёгин тайничок никто бы не стал. Главное, не стал бы придавать ему такой вид, словно до Серого никто в нём не рылся.

«Что-то здесь нечисто, — подумал про себя Свинцов, — что-то здесь явно нечисто... Не буду же я рыть до глубины могильной ямы?» — И он решил оставить эту затею и уйти ни с чем.

Только после того, как полностью измазанный могильной грязью и со стороны напоминающий зомбированного лунатика Серый вылез из своего склепика и собрался поразмыслить над тем, где ему можно будет отмыться (нет ли здесь поблизости некой проточной водицы), его неожиданно осенило: «Чёрт же возьми! Там, где я копал, не проводилось никаких захоронений. Но копать было очень легко... О чём это тебе говорит, дурья башка?... Значит, сумка могла, как бы сказать, «утонуть»? То есть, провалиться более глубже, чем до этого была мной закопана». Странная конечно мысль, но он решил проверить и её: начать копать глубже. Ну, раз куски чёрной глины так легко выковыриваются, как будто там не глина, а трясина, в которой невозможно утонуть, поскольку та не затягивает; не засасывает так, как будто в самом низу слоя трясины находится некий странного вида электромагнит, или сама трясина чем-то схожа с чёрной дырой (маленькой планетой-пожирательницей сил гравитационного поля), на самом дне которой находится скальная порода, пропитанная гравитационными силами космической «чёрной дыры».

Чтобы «пробурить» такую скважину, которую Свинцов выкопал в конечном итоге, Серёге приходилось слишком часто спускаться и подниматься, выбрасывая куски глины на поверхность. Но это не значит, что парень не докопался до своего. То есть, не до портфеля, потому что не о портфеле речь, а до того места, где смолянисто чёрная глина смогла провалиться вниз. В какой-то большой тоннель. То есть, потолок тоннеля был настолько высоким, что... И вообще, если бы у Серого при себе имелся бы фонарик и он мог бы осмотреть окружающее его пространство, то он мог бы заметить, что стены тоннеля, вовнутрь которого он провалился, не бетонные. То есть, что тоннель этот прокапан не человеком, а... Странно даже вообразить себе, чем. Наверное, каким-то червем невиданных размеров.

Кроме того, Серёге удалось бы оценить высоту тоннеля и то, что, если он хочет вернуться назад, вылезти через свою скважину, чтобы обзавестись каким-либо предметом

для освещения внутренностей сей таинственной пещеры, у него не получится; пусть даже и не мечтает. Потому что прежде ему нужно по «пещере» побродить (возможно, удастся найти складную лестницу), а потом заблудиться и забыть то место, где находится его скважина. Даже если Свинцов оставит какие-то метки, указывающие на скважину, те таинственным образом испарятся. Не исключено. Таким же таинственным, каким испарился портфель с Серёгиными деньгами. Хотя, в исчезновении портфеля и нет никакой тайны — Сергей мог с ним «разминуться»: скважину рыть в левую сторону, а портфель в это время мог находиться в правой стороне, но, поскольку подростка эта пещера увлекла больше, чем какие-то паршивые деньги, то он так сильно в неё углубился, что уже и не намерен был продолжать попытки их найти.

И Свинцов побрёл вдоль этого «нечистого» тоннеля вслепую. Он сразу накрутил себя на то, что не стоило ему сюда соваться, потому что сто-то здесь нечисто. Пока он ещё не мог понять, что, ему только сердце подсказывало, но в том, что Серёга в этом тоннеле пропадёт, он даже не сомневался. Например (если уж исходить из того предположения, что на кладбище действительно завелась нечисть), он будет идти, идти, а навстречу ему — двигаться стало зомби... Что тогда он предпримет? Побежит назад так, что аж пятки засверкают несмотря на непроглядную тьму, в которой Свинцов находится? Если так, то где гарантия, что точно такое же «стадо» не будет брести с обратной стороны?... Особенно если учесть, что все эти зомбированные существа являются привидениями, то они могут быть тем же самым стадом. То есть, в какую бы сторону Свинцов ни бежал, в каждой из них начнёт материализовываться прежнее «стадо». Или, если исключить эту плоскую мистику, то Серый мог предположить ещё такой вариант, что он носится по кругу, а «стадо» всякий раз, как к нему приближается бегущая сломя голову жертва, поворачивается и бредёт ей навстречу.

Так что фонарик нужен определённо точно. Когда Серый будет убежать, ему нужно посмотреть, нет ли внутри пещеры развилки. То есть, если при помощи фонаря Сергей узнает, что пещера образована оттого, что под землёй полз какой-то червь, то понятно и ежу, что червь не полз по кругу, а потом в результате не исчез (не испарился, как и Серёгин портфель), а пополз куда-то дальше. И понятно, что проделанные этим червяком пещеры не ходят одними сплошными кольцами. Об этом (о таком же) можно судить по лесным тропам, которые тоже не ходят бессмысленными кольцами, будто кто-то в лесу устраивал соревнования по бегу, но, поскольку боялся волков с медведями, то занимался беготнёй по строго означенному кольцу; импровизированному стадиону с гаревыми дорожками.

3

То есть, по кольцу Серёга явно не шёл. Об этом он мог судить по приближающемуся свету в конце тоннеля.

— Ну наконец-то, — обрадовался Серый. — Может, хоть там воды найду. А то, пока добрёл, аж в горле пересохло.

Он конечно помнил поговорку о том, что свет в конце тоннеля может оказаться унитазом, поэтому на особый оптимизм не настраивался, но... Что-то же надо было прокричать вместо дурацкого (устаревшего) «ура»? Не идти же молча, как глухонемой. Тем более, что идти Свинцову предстояло ещё о-го-го сколько: пещера тянулась как струна, ровно, словно под линейку и маленькая «мерцающая звездочка» была видна в самом её

конце, но Серый всё-таки добрёл. Конечно, он мог бы и побежать, так будет наполовину быстрее, но, от многочасовой ходьбы, силёнок в нём уже совсем не осталось. Или, как это называется? Вторые-третьи сутки лечебного голодания, когда «пациент» впадает в настоящую немоготу. Видимо, Сергей всё это время шёл. Он точно не знал, так как часов у него не было... Вернее, были на сотовом телефоне, на котором кончилась батарейка... То есть Свинцов не засекал время, сколько он шёл. Даже, если он действительно выйдет из этой пещеры и найдёт подзарядку для своей батареи, то всё равно: он не запомнил дату, которого числа пошёл на кладбище, как и всякий «преступник», которого тянет на место совершённого преступления; не помнит, какого точно числа решил выкопать свой портфель.

«Звёздочка» постепенно в своих размерах увеличивалась, приобретая масштабы целостной «планеты», поэтому идти Свинцову становилось всё веселее и веселее — он уже ясно осознавал, что там, в конце, не фонарик валяется, утерянный таким же «блуждальщиком», которому надоело идти и он бросил свой фонарь, да закопался в «скважину» поглубже. «То есть, — решил про себя Серёга, подневольно подумавший об утерянном фонаре, издав далеко кажущемся какой-то небесной звёздочкой, — это я и был. А сейчас, поскольку превратился в призрака, то вынужден бесконечно проходить этот отрезок пути, ведущий до потерянной мной светящейся лампочки, всё заново и заново. И, поскольку я не запоминаю пройденные мной дубли-повторения, то сейчас до этой лампочки (до фонарика, который я потерял) дойду и там навсегда сгину. И, наверно, батарейка моего фонарика издохнет одновременно с тем, как я сгину. Только я должен дойти, чтобы уточнить, когда именно: перед тем, как дойду или сразу после «прогиба»? То есть, после того как сгину».

Но сгинуть ему не получилось. Он нормально дошёл и вышел из пещеры, потом спускался по косогору, боясь запачкаться о череду, наверняка растущую на кустах, которыми усеян косогор. Хоть Серый и помнил, что череда — это паразит, который цветёт строго вокруг тропок, но, раз Серый вышел из пещеры, то был уверен, что это и есть одна общая тропка. Ведь сколько до него человек входили в эту пещеру или выходили из неё?...

Снаружи, когда он вышел из пещеры и в глаза ему ударил резкий свет, так, словно он увидел его впервые, а не долго подходил к выходу, был туман. Да такой сильный, что, если протянуть вперёд руку, то можно наверно не увидеть собственных пальцев. То есть Серёга не имел даже представления о том, что будет там ниже, куда он спускается. Поэтому спускался крайне осторожно, чтобы не поскользнуться, не покатиться вниз и не кувырнуться с какого-нибудь скалистого обрыва. А то — лучше бы он не выходил из пещеры. Лучше бы пропал там: смерть более спокойная, чем разбить голову о камни, просыпавшиеся при обвале и лежать-мучиться, потому что Серый не знал, как быстро умирает самоубийца, сиганувший из окна высотки. Может, какое-то время он лежит ещё и бьётся в агонии?

Свинцов не ошибся в своих предположениях, это действительно была гора. Как он смог в этом убедиться, когда спустился ниже и подлез под типичную шапку тумана, окутывающую горные верхушки. Потому что, когда он смог видеть, что скрывается за завесой тумана, то перед ним простиралась красота. Такие сильные красоты, которые его пугали. Там дальше шли сплошные горные хребты, через которые Серый никогда не проберётся, так что можно было вернуться назад, в пещеру, но он не был уверен, что у него хватит сил ползти в гору. А останавливаться и «зависнуть» в недоумении ему тоже не хотелось. Поэтому Серёга не останавливался, а спускался всё дальше и дальше.

Спускаться с горы легко, поэтому Серёга невольно погрузился в раздумья. Точнее

говоря, в меланхолию на тему, как ему преодолеть все эти хребты (не спустится ли волшебник в голубом вертолёте, подарит эскимо, сбросив его в качестве гуманитарной помощи и полетит дальше) и, сам не заметил как, вошёл в лес. А, когда заметил, то должен был удивиться, откуда здесь взялись деревья, ведь в то время как кончился туман, он не помнил, что ниже по склону была видна лесная чаща. Но Свинцову сейчас неохота было о чём-либо вспоминать, поэтому в лес он вошёл, как само собой разумеющееся. Тем более, что лес тоже с горы спускался, а не рос на равнине так, чтобы было неудобно взобраться на верхушку дерева и узнать, близко ли цивилизация.

— Эй, пацан, — раздался позади Серёги чей-то голос, — куда чешешь?

Серёга собрался было не поворачивать и проигнорировать того, кто его позвал (так глубоко задумался, что казалось, будто бы давно на всё плевать), но что-то заставило его остановиться. Дело в том, что он посмотрел себе под ноги и увидел медвежий капкан. Он чуть не ступил в него. Это заставило Серого оглянуться и увидеть какого-то бомжа в лохмотьях. Чем-то внешне напоминающего собой серого волка — такого же худосочного и беспричинно сердитого.

— Чё надо? — промычал Серый, хоть и догадывался: надо высвободиться из капкана, иначе этот бомж не сумеет проверить у него карманы на предмет мелочи на бутылку или сотового телефона.

— Да просто, — пожал тот плечами, — поздороваться хотел.

Бомж тут же сделал такое лицо, как будто и в мыслях не держал ничего коварного. Наоборот, очень рад, что просидел в своём капкане несколько суток, а за всё это время ни единой живой души, и вот, наконец-то, увидел хоть какого-то человечка. Ничего, что человек похож на пугливого зайца, и понятно, что не поднесёт стопочку. Но всё равно, хоть какая-то радость — поздороваться.

— А ты откуда, из пещеры той вышел? — кивнул Серёга в сторону горной верхушки.

— И ты чё, тоже оттуда сейчас спускаешься? — усмехнулся бродяга.

— А что смешного.

— Да я вот думаю, какой урод здесь капканов наставил...

— То есть, ты думаешь, что перед этим я уже спускался, наставил капканы, а потом у меня отключилась память и я поднялся назад, да? А теперь спускаюсь и ничего не помню. И не могу ответить, чтобы поддакнуть, мол наставил их именно я и никто другой. Об этом, да?

— Да ладно, не ёрничай...

— Или ты намекаешь на то, что я должен помочь тебе высвободиться, — не останавливался Серёга.

— Ты вообще знаешь, кто я такой?

— Не-а.

— Это ты меня видел с моими ребятами. Это я гробы загружал в фуру.

— Вот здорово, — сменился Серёгин сарказм на дружелюбие, — а как до туда добраться?

— Ну так же, через пещеру. Странные ты вопросы задаёшь, пацан.

— А обойти — никак?

— В общем, шёл бы ты отсюда.

— А как ты из этой ловушки высвободишься?

— В обход пещеры ты не выйдешь к своему городу. Только через неё!.. Через родимую.

— Ну да, — хмыкнул Серый, — а ты в это время перегрызёшь цепь капкана и за мной

погонишься? Помечтай у меня!

— Ты правда не понимаешь, куда попал?

— Ну, в горы в какие-то...

— И козе понятно! А в город свой вернуться, знаешь как?

— Ты что, забыл, что ты мне отвечал на этот вопрос? «Через пещеру — только через неё — через родимую».

— Вот ты debil... Просто закрой глаза и представь себе, что ты в городе. У себя — в своём родном городе. Здесь такая техника работает.

— Какая техника?

— Техника перемещений.

— А почему ты сам себе не представишь, что на тебе нет капкана и нога твоя свободна? — передразнил его Серый и продолжил спуск.

— Зря ты всё-таки полез в эту пещеру, — прокричал ему бродяга напоследок.

— Я могу тебя удивить, — обернулся Серый в последний раз. — Это я ментов вызвал! Вот по этому телефончику, — полез он в карман за сотовым. — А ты продолжай гнить в этом капкане. Просто, чтобы ты не пытался отобрать у меня телефон и обменять его на бутылку. Мелочный пьянчуга!

— Вот зажмуришься, перенесёшься в свой город, — конечно, если у тебя хватит куриных мозгов понять, что я тебе здесь сейчас посоветовал, — и там посмотришь, кто из нас двоих мелочный и кто из нас двоих по-настоящему полное ничтожество, я или ты.

— В смысле?

— В смысле, что рулишь здесь не Ты и все эти паршивые пижоны, а Мы! Те, кто гробы с кладбища перетаскивал.

— Да ты просто опух, чудило...

— Да пошёл ты...

Так он и продолжал спускаться, лесом. Разговор с этим бродягой на какое-то время выбил его из меланхолической колеи. А когда Серёга опять начинал в неё впадать, то ему невольно вспомнился совет бомжа. Поначалу он не воспринял всерьёз его «нетрезвое гоневе», но потом решил всё-таки попробовать.

«Нет, не буду я ничего пробовать, — подумал про себя Серёга, — иначе потом придётся подниматься назад в гору и объяснять этому шуту, что он бредит».

Спускался ещё какое-то время... «Да нет, попробую», — решил он, остановился и закрыл глаза. Потом открыл, но вокруг — один и тот же лес, родного города он никакого не увидел.

«Ну вот, что я и говорил!» — усмехнулся Серый. Но в то же время он подумал, что на это возразил бы ему бомж, поднимись Свинцов назад и покрути перед ним у виска указательным пальцем: «Он вот что мне скажет: «Ты помнишь, как я достал своё ружьё?... Я начал пытаться из него выстрелить, но всякий раз была осечка. Поверь, пацан, человеческое сознание — это суть моё ружьё! Нужно повторить сто попыток, чтобы ты смог догадаться до того, что я тебе посоветовал... Чтобы ты смог в это поверить. И только со сто первой попытки ружьё выстрелит! Моё ружьё! Ты понял, пацан? Жизнь не так просто устроена, как о себе думают все эти паршивые сосунки».

«Ну, так что, — решил Свинцов, — попробовать ещё несколько попыток?... Нет, скорее всего, этот мужик бредит. Ведь он же пытался мне намекать, что медвежьи капканы расставил на него именно я. Интересно, будет хоть о ком-нибудь такое думать разумный и

адекватный человек? Он же видит меня впервые, но, наверно если бы я с ним поспорил, то начал бы мне доказывать, что именно я их для него наставил! Понятное дело: увидел подростка и решил лапшу ему на уши навешать. Попытаться меня как-то спровоцировать на то, чтоб я помог ему высвободиться из капкана, а он за это силой отобрал у меня телефон. А почему именно я его должен высвобождать — а потому что, по его бредовому мнению, виноват в медвежьих капканах именно я».

С такими мысленными рассуждениями Серый всё спускался лесом и спускался. Изредка, конечно, поглядывая под ноги, чтобы самому не попасться в, так сказать, свои собственные капканы.

— О! — неожиданно раздался из-за спины Серого всё тот же голос, — ну вот ты опять спускаешься с той же пещеры! Специально, что ли? А? Наверно, обошёл меня стороной, чтобы я тебя не увидел, как ты поднимался в гору, а потом спуститься мимо меня. То есть, чтобы надурить. Чтобы я подумал, что вас действительно двое, и в том, что ты расставил на меня все свои грёбаные капканы, ты мол не виноват!

Когда Серый оглянулся, то тот же бомж продолжал торчать в своём капкане и смотреть с нескрываемым упрёком на этого пацана. И, вот, сразу как бомж Серому такое сказал, Свинцова неожиданно осенило. То есть, он нашёл способ как отшутиться, вместо чем изображать из себя идиота, недоумеая: «А как ты, мужик, здесь оказался?! Ведь ты же должен был выше сидеть! В километре выше, там, где я спускался полчаса назад». Если бы Серый так ему ответил, то бомж бы сделал вид, что его не понимает и начал бы над ним подтрунивать. Мол, глупость какую-то невнятную ты несёшь, пацан.

— То же самое я могу сказать и про тебя! — с усмешкой ответил ему Серёга. — Что ты спрятал в кустах своего напарника, который, когда я ушёл, так как ты меня послал на три весёлых буквы, быстренько высвободил из капкана, чтобы ты успел меня обогнать, на два-три километра по спуску, и сделать вид, что попал в новый капкан.

— Да нет, я серьёзно говорю!

— Я — тоже серьёзно. Но только ты не учёл одну маленькую загвоздку.

— Какую загвоздку?

— То, как ты при этом нелепо будешь выглядеть, вменяя мне свою чушь. Ну, якобы я наставил для тебя все эти капканы.

— Ну, может быть, и не ты! Я же не настаиваю, что их именно ты наставил. Может, второй такой же ты, но... Но, ведь, наставил же?!

— Что за бред ты несёшь?! Какой «второй такой же я»?

— Почему бред? Ничего не бред! Я же предупреждал, что ты запутаешься в том мире, в который ты попал!

— Да не почему! Просто так бред, без объяснений! Я не собираюсь сейчас перед тобой оправдываться и доказывать тебе, что то, что ты несёшь, действительно бред и белиберда.

— А я по-твоему откуда взялся, если ты уверен, что заново не поднимался в свою пещеру? Значит, если ты меня уже видел, это был второй такой же я.

— Не, мужик, у тебя точно белая горячка! Или шиза.

— Почему сразу шиза? Я же тебе говорю: ты не знаешь всех особенностей этого мира. Вот закрой глаза, мысленно переместись в свой родной город, по нему поброди, глядишь, и узнаешь! Ты поймёшь, что этот мир устроен совсем не так, как ты о себе воображаешь.

— Как ты говоришь: «да пошёл ты...»

И с такими словами Серый продолжил спускаться дальше. Всё это время однако

недоумевающая, почему этот назойливый бомж его не догоняет и не пытается отобрать у него мобильник силой, если он действительно Свинцова разыграл со всеми этими капканами. Но в то же время Серому становилось как-то неловко: «Легко обзывать на человека, который попал в капкан. А что, если он действительно в него попал, а не шутит? Тогда это даже уже подло — на него обзывать. Ведь он же уверен, что это действительно я расставил на него ловушек?... И вот, всё долгое время, пока я буду беспонтово брести по горам, этот тип будет преследовать меня как призрак и через каждые сделанные мной два-три шага, обвинять меня в том, что я расставил на него ловушек. Чё за хрен? Может, правда, попробовать сделать так, как он советует? Закрыть глаза и сильно-сильно себе представить, что, когда я их открою, то увижу свой родной город, а не все эти идиотские и непонятные горные хребты, явившиеся мне, словно бы в сновидениях! А? Давай всё-таки попробуем...»

На этот раз Серёга был действительно обеспокоен тем, что какой-то плюгавый, лысоватый оборванец будет долгое время его преследовать и указывать что-то там ему. И на этот раз, когда он закрыл глаза и очень-очень сильно захотел очутиться в своём родном городе, то у него получилось. У него действительно получилось: Свинцов резко разожмурил свои глаза и увидел, что окружает его не лес с бесконечными тут и там утыканными неисчислимыми деревьями, а равнинное асфальтовое покрытие проезжей части. Когда он их открыл, то стоял где-то посреди дороги. То есть, он должен был немедленно убежать куда-то в сторону, чтобы не попасть под несущуюся на него с бешеной скоростью стаю машин, но не думал даже и двигаться. Дело в том, что на дороге было неестественно пусто. Когда Серый осмотрелся по сторонам, то невольно у него складывалось такое странное ощущение, что на этой дороге, где он сейчас стоит, уже сто лет ни единой машины не было. Хотя дорога чисто внешне выглядела очень прилично. Если бы на ней действительно не было ни единой машины, то со временем асфальтовое покрытие, на котором стоит сейчас Серый, начало бы зарастать. Сквозь асфальт постепенно прорастали бы какие-нибудь стебельки, шли бы дожди, асфальт постепенно бы начинал трескаться, трава начинала бы прорастать сквозь трещины. Но дорога так странно выглядела, словно периодически за ней ухаживали. То есть, вскрывали старое асфальтовое покрытие, которое трескается из-за осадков зимы-лета, и укладывали новое. Снегоочистители зимой бы не ездили и рабочие в оранжевых накидках не соскабливали бы ломиками налипший на асфальте лёд. То есть, если бы всё, что открывший глаза Серый увидел вокруг себя, когда осмотрелся по сторонам, выглядело бы именно так, как он его понял: последствия ядерной войны или какого-то утопического апокалипсиса, который частенько показывают по телеку или описывают в фантастических романах. Одним словом, Серому опять захотелось закрыть глаза, чтобы вернуться назад, в тот же лес — подняться в гору — войти в пещеру. Наплевать на то, что пониматься будет тяжело, наплевать на дурацкого бомжа с капканами... Но только бы не видеть всё это. Сначала, конечно, надо найти какую-нибудь складную лестницу. То есть, чтобы подняться на ней до «скважины», которую Серёга «пробурил». И, безусловно, не помешает найти хороший какой-нибудь фонарик. То есть, чтобы не прошляпить то место внутри тоннеля, где сверху обвалилась земля и с потолка свалился Серёга. Если у него будет фонарь, то это место он не пропустит. Поэтому зажмуривать глаза Свинцов пока не собирался (хоть и пробовал ни один раз, стоя здесь на асфальте посреди проезжей части, но всё время у него ничего не получалось), сначала нужно было подкрепиться, да походить и поискать эту лестницу с фонарём, которую Серому было нужно. Там как раз стоял какой-то хозяйственный магазин, если перейти дорогу и ступить на асфальт.

«Я знаю, можно вернуться в тот лес, — повторял про себя подходящий к магазину Серый, — в ту же пещеру. Ведь сюда же я как-то «перебросился»? Сейчас, пожру, разберусь, чё почём, и попробую «переброситься» назад, в тот же лесок».

В этом хозяйственном магазине он нашёл и фонарь и лестницу, какую ему было надо и уже вышел, чтобы вернуться на то самое место, в которое он «перебросился». То есть, выйти на середину дороги и опять попытаться зажмурить глаза... Но — что за чертовщина?! Когда Свинцов вышел из магазинчика, то никакой дороги подле его крыльца не было. Наоборот, был какой-то сад, трава-ягоды и вымощенная булыжниками аллея вела куда-то далеко прямо. Как Серый посмотрел вдаль, то проезжая часть пролегла где-то в пятистах метрах от магазинчика. Он ничего не понял, странно покачал головой и потащил свою лестницу в сторону автомобильной дороги. «Может быть, я заснул в это время, — подумал он, пока шёл. — Бывает же так: выключился и не запомнил, что бреду по этой аллее; шёл как лунатик, а очнулся уже внутри магазина. То есть, даже не помню, как я в него входил. Ведь, если магазин пустой, продавцов и покупателей нет, значит, его входная дверь должна была быть на замок заперта, а я должен был раздолбить витрину... В смысле, стекло магазинное, которое ставят на сигнализонку. Но я как бы вообще не помню, как я и каким способом в этот магаз забрался. Наверняка ведь через витрину?»

Когда он вышел на середину дороги, то, странным образом, опять услышал из-за спины старый знакомый-бомжатский голос: «Назад вернуться у тебя больше не получится. Понял, пацан?»

«Вот чёрт, — подумал он перед тем как обернуться, — опять этот засранец. Но здесь-то он уже не будет жаловаться на капканы?! Ну, на то, что я расставил ему ловушки даже посреди этой дурацкой дороги! Вот же зациклило его на своих таких-то капканах!»

Когда Серый обернулся, то у него за спиной никакого бомжа не было. Впрочем, его это уже не удивляло. После того, что он вышел из магазина и не увидел автомобильной дороги, с которой он сошёл, теперь его мало что могло бы удивить.

— Это тебе не ружьё, из которого я стрелял, — продолжал разглагольствовать раздавшийся из воздуха бомжатский насмешливый голос. — Как ты подумал, сорок осечек схожи с неудачными попытками «переброситься». Так что лучше не трать зря время. Понял, пацан?

— Дак ты же, — тут же отозвался Серый, не раздумывая, — как-то вернулся? И почему не могу в эту пещеру вернуться я! Чем я хуже, чем ты!

— Тем, что дебил! — рявкнул голос из воздуха. — Я не «вернулся», а, как ты помнишь, смылся от легавых. Ну, ты сам понимаешь, пацанёнок, если бы я не смылся, это недоумки в меня бы пошмаляли. Но ты всё равно меня опередил: как-то передал самому себе, чтобы он успел расставить на меня капканы! Так что не огрызайся, что это был не ты! Не ты, так твои сопливые дружки! Ментуру-то ты вызвал! Тут ты сам раскололся...

— погоди, не тараторь!

— А чё — не тараторь?! Ты же гад капканы на меня расставил! И быстренько гад «перебросился». Теперь я могу только через грёбанную спиритическую дощечку с тобой базарить. А так бы я с радостью плевал в твою физию! Ты уж поверь... Нет, пацан, если бы это был не ты, да вежливо выпустил бы меня из капкана, я бы ещё поверил в эту твою

туфту! Но ведь ты же не выпустил? Не выпустил! Значит, попался, пацан! А-ха-ха-ха...

— Я просто хотел спросить: как ты разговариваешь со мной? — пытался Серёга его перекричать. — Как тебе это удаётся?!

— Как-как! — всё веселился бомжара, — каком кверху!

— Нет, ты неправильно меня понял, — распинался перед ним Серёга, — ведь я именно для этого хотел вернуться — чтобы высвободить тебя сейчас из капкана...

— Ага, ври побольше! А лестницу чего волочешь?! Да знаю я, чего ты хотел...

— А что, мне правда не получится «переброситься» в то же место? — испуганно пролепетал Серый.

— Это первое твоё место, — резко посерьёзнул бомжатский голос. — То, с которого ты начал. Ну, в общем, я не хочу тебе говорить, что это за место, а то ты, малолетний полудурок, опять начнёшь на меня лаять: что у меня бред, что я алкаш безмозглый, белая горячка, шизофрения, и так далее! На фиг мне слушать всю эту твою чушь? Я лучше шкурку себе спокойно погоняю. Ну, а что ещё делать в капкане? Пытаться отгрызть себе ногу? А-ха-ха-ха... Ну иди уже! Чё встал как истукан? Проглядишь дырку и меня увидишь.

Свинцов поверил в то, что у него не получится «переброситься» в тот же лес. Потому что бомж не врал ему с самого начала. Да и этот голос, который звучит из воздуха: ведь не слуховые галлюцинации это? Но в то, что он виноват в ловушках, Серый не верил: мало ли кто мог их расставить? И мало ли, кто мог попасть в любой из капканов.

— Просто, пацан, — продолжал хихикать этот голос невидимки, — ты вышел с другой стороны магазина. Ведь ты не помнишь, как в него вошёл? И, пока ты шёл по аллейке, то вернулся в то место, где я сидел в капкане. Я учуял тебя по запаху и решил поболтать. Это, чтоб ты не думал про слуховые галлюцинации.

Свинцов отошёл от него (от голоса) подальше, потому что тот всё продолжал и продолжал тараторить. И действительно, чем дальше он удалялся, тем меньше был слышен этот голос.

«А интересно, получится «переброситься» в какой-то другой город? — размышлял уходящий Свинцов. — Может, из этого города эвакуировали жителей».

Он вспомнил, как ездил со своими родителями в Китай. Ему очень запомнился город Пекин и, зажмурившийся Свинцов, представил себе, что находится в Пекине.

5

«Вот чёрт! — чуть не вскрикнул вслух на какое-то время исчезнувший и опять материализовавшийся на том же месте Серёга. — Огромный Китай и, блин, ни единого китайца! Да такого просто быть не может: всех китайцев больше, чем всех женщин на Земле! Куда это они испарились? Но, хорошо, хоть я понял, что могу «переброситься» назад — в тот же город».

То есть, Серёгино возбуждение было не из-за того, что он не увидел ни одного китайца, а из-за риска. Ведь перед тем как «переброситься» он догадывался, что во всём Китае может ожидать примерно та же картина, что и в его городе. Но он не то что не догадывался, а знать не знал, удастся или не удастся ему вернуться назад. Хотя, зачем именно сюда? Родной город будет выглядеть так же нелепо, как для того бомжа будет выглядеть родной дом, где он когда-то жил. Но Серому о чём-то подсказывало его сердце. О том, что вернуться лучше именно в этот город. Поэтому риск, на который он пошёл, был просто-таки неслыханным.

Серый бросил лестницу, бросил фонарик (прямо посреди дороги, где стоял) и направился в сторону собственного дома, поднялся на свой этаж, подошёл к двери... Просто, чтобы проверить, подойдёт или не подойдёт ключ, бренчавший у него в кармане. Но, когда он затих и прислушался, то ему, странным образом показалось, что в квартире работает телевизор (или радио, Серому некогда было вслушиваться, анализируя). «Что за чепуха? — подумал он с недоумением. — Даже во всём Китае нет ни единого азиата, а здесь... в моей квартире... В ней что, живут предки?... Да быть такого не может!» И он надавил на кнопку звонка. То есть, он не верил собственным ушам.

За дверь зашлёпали тапочки, щёлкнул замок и... Дверь распахнулась.

От увиденного у Серого чуть глаза из орбит не повылезали. На пороге стояла его бабушка по материнской линии. Два года назад она умерла, потому что дед Сергея воевал во вторую-мировую и осколок достал до его сердца, а бабушка умерла, как по инерции (Сергей думал, что это наверно такая примета: если в семье кто-то умер, то готовь на кладбище место для второй могилы), а до этого она жила вместе со своей дочерью. И дед, конечно же, жил вместе с ними.

— Мальчик, ты к кому?

У Серого чуть язык не отсох от услышанного. Но, тем не менее, он набрался сил, чтобы что-нибудь проговорить.

— Ты что, не узнаёшь меня?

— Тебе деньги нужны на травку? — беспокойно запричитала бабушка Свинцова. — У нас ничего нет!

— На какую травку! — проямлил Серый. — Я что, похож на торчка?

— Марфа, кто там? — проворчал из глубины какой-то старик.

— Ты слышишь? — отпугивала Серого старушка. — У него ружьё есть! Он воевал во вторую-мировую и у него есть...

— Я твой внук, — опять проямлил Серёга.

В это время к двери подшлёпал старик. Это был дед Сергея, однако внук его так сильно был напуган, что на то, чтобы удивляться, у него не было времени.

— Говорит, что ему нужны деньги на травку! — жалобным голосом прошамкала Свинцовская бабушка.

— Неправда! — прокричал Серёга, — я не говорил этого!

— Да чего ты на него взъелась, старая? Может, паренёк просто дверью ошибся...

— Ага, дверью! Он мне сказал, что он мой внук. И это называется «не обкуренный»?!

— Да просто не разговаривай с ним — и он отстанет. Сделай вид, что ты из ума выжила!

С этими словами дед Свинцова грубо оттолкнул бабушку в сторону и громко хлопнул дверью.

— Чтоб у тебя язык отсох! — слышалась ругань бабушки из-за закрытой двери.

Серый, сколько помнит своих бабушку с дедушкой, никогда от них ни единого бранного слова не услышал. А сейчас они, словно с цепи сорвались: бабка там орёт за дверью на деда, а дед, только что и делает, как кроет её матом.

«Куда я попал? — ломал себе Серый голову, уныло выходя из подъезда. — Это что, загробный мир, что ли?... Что вообще за неразбериха происходит!»

Но в том, что это действительно загробный мир, он нисколько не сомневался. Когда он вышел из подъезда, то задумался о том, насколько сильно был наивен, когда думал, что

после смерти человек меняется в лучшую сторону, потому что сразу, как кто-то умирает, Сергей невольно переставал вспоминать о нём плохое. «А он, значит, после смерти становится ещё злее?... А почему говорят, чтобы об умерших не говорили плохо? Потому, что думают то же, что и я? Быть такого не может!» Это был ещё больший испуг, чем после того случая, когда Серому показалось, что тот псих с тесаком пробрался в его квартиру и порубал всё Серёгино семейство. (Оправдывал это тем, якобы ему показалось, что в квартире темно, ночь, и все, кого он зарубил своим тесаком, до этого были мертвы. То есть оправдывался, как какой-то нашкодивший карапуз.) А потом Свинцову показалось, что его «перебросило» в прошлое, поэтому, когда он вошёл в свою квартиру, то всё было в порядке: все живы-здоровы. Наверно, Сергей потому испытал ужас, что никто из живущих не сталкивается с умершими и не пытается вступить с ними в контакт. Конечно, если не брать в пример разного рода умалишённых, которые видят привидений умерших. Но, если человек умом не тронулся, то, конечно, его напугает какой-нибудь псих, который купит оружие, войдёт в его дом и откроет огонь с воплем типа «бей фрицев». Но напугается ли он ещё сильнее, если после подобного стресса повстречает свою бабушку и своего дедушку, которые умерли? Сергей был уверен, что да, напугается. Хоть и понимал, что неприлично судить только по себе, но кроме него никто ни разу не видел то, с чем он сейчас повстречался. Например, кто-нибудь запомнил своих бабушек с дедушками как божьих одуванчиков, а потом попал чёрте куда и увидел там, что они сварливые и жадные. Наверняка бабушка Серого хотела затащить Серёгу к себе в квартиру и попытаться ограбить, если бы ей не помешал дед. Как она его потом обозвала: «безразличный хрыч, вечно тебе на всё наплевать». Услышавший такое Серёга как можно быстрее уносил ноги из своего дома. При этом он не мог понять: в квартире, в которую он только что позвонил, жили только бабушка с дедушкой или, если бы он туда вломился, то мог бы увидеть собственного двойника? Ведь он должен был бы объяснить своему дедушке и своей бабушке, мол «у вас что, совсем уже повылазило? — в таком же сварливом тоне. — Там ведь стоит ваш внук, то есть я!» Но, если судить, что он не узнает Серёгу, так же как и дед с бабкой, то что в таком случае он увидит вместо лица Сергея? Чьё-то совершенно чужое и незнакомое лицо?... Всё это не казалось непонятным для Серого; оно его просто пугало. «Ведь это же мистика какая-то! — так Свинцов оправдывал перед собой свой испуг. — Что, если бы бабушке как-то удалось затащить меня в свою квартиру, а там в это время сидел бы я сам, а?!» Но Сергей действительно был в этом уверен: в том, что в квартире мог находиться его двойник. Он даже не подумал о том, что если его двойник действительно находился в этой квартире, то сам бы встал и открыл ему дверь. Ведь бабушка не симулировала испуг и не спрашивала «кто там?» у закрытой двери. Значит, она попросила бы открыть её собственного внука, поскольку молодые должны больше двигаться, а пожилые — сидеть и слушать радио (или смотреть телевизор — Серый так и не разобрал, что там шумело на самом деле — радио или телек, потому что сразу как дверь открылась, у него начался шок). Может, если бы у него шок не начался и он успел бы предположить такой вариант развития событий, то успокоил бы себя тем, что его двойник мог играть в это время в компьютерные игры и не оторваться даже под дулом пистолета или, если бы его оттягивали от них за уши. — Вот каким образом двойник никогда не увидел бы Свинцова Сергея.

Бабушка и дед Сергея были похоронены в этом городе. Сергей подумал, что, если это действительно его родной город, то он сможет сейчас пойти на кладбище, сфотографировать на мобильный их могилы, потом вернуться сюда и показать всё то, что он там наснимал. Просто, чтобы эта поддельная бабушка не очень-то задавалась. Может быть, его дед и бабка — робота, значит, надо пойти и поискать настоящие могилы этих людей. Ничего, что сейчас уже вечереет и солнце заходит уже за горизонт. У Серого мобильник снимает и в темноте — с фотовспышкой. Если, к примеру, Серёга только к полуночи доберётся до их памятников. Если в этом городе живут роботы, подумал Сергей, то кладбище тоже будет охранять какой-нибудь «киборг», у которого компьютеризированное слежение за охраняемой территорией. Так что, если что, пробираться придётся в темноте. У кладбищенского охранника, как полагал Серёга, ведь нет прибора для инфракрасного наблюдения; то есть, чтобы в темноте видеть и успеть выстрелить в нарушителя.

Когда Сергей до кладбища доплёлся, то уже темнело. Никакого робота, безусловно, не было. Кладбище вообще никто не охранял, если судить по пустынным улицам. То есть, совершенно пустынным: даже птицы на деревьях не чирикают, или муравьи какие-нибудь в траве не ползают. Серый не перебирался через ограду как в прошлый раз, когда закапывал сумку с деньгами, а подошёл к самому главному входу, где, как он помнил, стояла будочка, то ли для охранника, то ли для его собаки. И, как раз возле будочки, он увидел грузовик с прицепом.

Если бы Серёга не видел его в прошлый раз, когда приходил сюда со школьным портфелем, то наверняка бы не узнал его и не подумал, что надо открыть створки фургона и проверить, не тот ли самый это рефрижератор, в котором «горе-грузчики» оставили свои пустые гробы. То есть, «свои» — в прямом смысле этого слова. Если, конечно, верить газетчикам, болтавшим о том, что все грузчики, которых полицейские успели расстрелять, имели те же лица, которые значились на обелисках некоторых из раскопанных ими могил. Но Сергей верил. Иначе бы он не полез в эту фуру, а побрёл бы, чтобы найти могилы своих бабушки с дедушкой. Чего просто так ходить, если «грузчики» наверняка выкопали и их гробы, да затащили в свой фургон-рефрижератор?

Когда Серёга распахнул дверцы у фуры, то он не обознался: это был именно тот рефрижератор, который наполнен под завязку гробами. Перед этим Серёга обошёл всю фуру и заглянул в кабину: там было так же пусто, как в хозяйственном магазине, то есть никакой живой души. И, соответственно, в гробах было тоже пусто. Именно так, как везде на улицах. И ведь газетчики именно это рассказывали на своих полосах: то, что похищенных гробокопателями тел не найдено, но сами вандалы имели лица тех покойников, которых откопали для своих анатомических опытов. Так же сообщалось, что из моргов было похищено несколько тел, которые, так же как и трупы из гробов бесследно исчезли. Если судить по тому, что «горе-грузчики» не успели увезти свои пустые гробовые ящики, наспех запиханные в рефрижератор, то можно предположить, что с трупами из морга та же ситуация: они должны были их где-нибудь побросать и уносить ноги от преследовавших полицейских. Ведь не скажешь, что те «грузчики», кто пробрался в морг, ненароком превратились в туловищ, которых они пытались из него вынести? Сергей не мог об этом судить с той же лёгкостью, как о «горе-грузчиках», которых он засёк на этом кладбище.

Ему хотелось вытащить из фуры все до единого гробы, чтобы точно убедиться, что ни в одном из них не лежит никакой вампир. Внутри рефрижератора был леденящий холод, но Сергей всё равно вытаскивал эти ящики. Ему некогда было отключить аккумулятор, за счёт

которого питается морозильная камера, и сидеть, ждать, пока не растает вся наледь внутри фуры. Хотелось уже побыстрее разделаться со всей этой чепухой и пойти-поискать дедушкины с бабушкой могилы. Авось эти недоноски их не выкопали! Да и вообще, не мешало бы пойти и проверить, правда ли то, что пишут в газетах: что на этом кладбище большинство могил пораскопано.

Налипший на гробах могильный грунт уже успел разморозиться за то время, пока фура дальнобойщика простояла здесь как вкопанная, поэтому вытаскивавший из фуры гробы Серёга измазаться не боялся, если представить, что где-то в глубине грязь на гробах замёрзнуть ещё не успела. В глубине гробов, сложенных друг на друга.

— Эй, шкет, — раздался из-за спины залезшего в фуру работяги-Серого басовитый голос и дохнуло сигаретным дымком, — какого ты вытаскиваешь всё это говно?!

Серый — сначала замер на месте, удивлённый тем, что в пустынном городе обнаружился хоть кто-то живой. Конечно, если не считать привидений его дедушки с бабушкой. В то время, пока Свинцов вышвыривал пустые гробы из этой фуры, ему пришла в голову ещё одна догадка по поводу тех странностей, творящихся в этом пустынном городе, в который он попал. Он подумал, что, если бы в этот город попал бы кто-нибудь другой и зашёл бы в свою, а не в Серёгину квартиру, то увидел бы в ней собственных умерших родственников. То есть, в этом городе, по предположению Серёги, обитают наверняка не одни только его бабушка с дедушкой, умершие от старости. Наверняка улицы этого города переполнены людьми и наводнены автотранспортом (всеми теми машинами, которые погибли в различных авариях и в дальнейшем были отправлены под пресс ввиду невозможности их последующего восстановления), только такие людишки, как Серёга Свинцов их всех не видят. Соответственно, и все жители этого таинственного города не видят Свинцова. Сравнить можно хотя бы вот с этими гробами, которых Серёга понавывтаскивал где-то уже с десятков: они все пустые, как горы бутылок, которые бомж тащит в авоське в пункт приёма стеклотары. Поэтому Сергей удивился вот так вот сильно. Но, поскольку он не глупец, то, перед тем как лезть в фуру и начинать ворочать все эти гробы, Сергей придумал легенду. На тот случай, если пожалует какой-нибудь «дальнобойщик», от которого разит перегаром и рывкнет Серому что-нибудь такое.

Так вот, сначала он замер на месте, до крайности изумлённый. Потом медленно-медленно, словно бы в нерешимости, начал поворачиваться. Перед кабиной фуры стоял какой-то мордovorот и, то ли расстёгивал, то ли застёгивал ширинку.

— Я не вытаскиваю, — тут же залепетал Серый, — а наоборот затаскиваю. Все эти гробы были раскиданы... Ну, вывалены из Вашей фуры, дяденька шофёр.

— Ну да, конечно, — недоверчиво рывкнул красномордый детина. — Как будто я не видел. Я посрать отошёл, а сам смотрю — ты тут уже шерудишь. Хотел тебе крикнуть, чтоб проваливал и не лез в кабину, но, как будто в воду глядел... То есть, заранее знал, что ты с приветом.

— Почему с приветом?! — завозмушался Серёжка.

— Ну, ты же уверен, что ты не вытаскиваешь всю эту белиберду, а наоборот затаскиваешь? Все, кто с приветом, именно так думают, как ты сейчас: что они совершают какую-то там дерьмовую пользу, а не наоборот — несут однообразный вред.

Серый собирался было продолжить диалог с этим самоуверенным типом, но не успел — «дальнобойщик уже равнодушно захлопывал дверцы кабины с объяснением «посиди пока здесь», забирался в кабину тягача и трогал фуру с места. То есть, Серый слышал, как заурчал

двигатель тягача и чувствовал, как фура даёт задний ход.

В общем, это было что-то самое ужасное во всей жизни Серого. Он почему-то был уверен, что там дальше, среди гробов, которые он не успел вытащить, завалены этими пустыми ящиками два гроба — его бабушки с дедушкой. И что, пока фура будет куда-то там ехать, дедушка и бабушка успеют выкарабкаться из своих гробов и... Судя по тому, что Серый сейчас был в темноте, то он не сумеет увидеть, как эти двое к нему подкрадываются.

Чтобы не околеть, Серёга забрался в один из гробов. По наивности своей он думал, что так будет теплее ехать. К тому же неизвестно, сколько долго этот отморозок будет его везти. Что, если он опять выйдет из кабины, чтобы отлить (и отлить будет столько же долго, как в предыдущий раз; Серый за это время успел уйму гробов перелопатить и повытаскивать из рефрижератора), а потом забудет, что у него в морозильной камере дубеет малолетний пацанёнок? Или на дороге ему попадётся какая-нибудь шалава, и этот псих запустит её в свою кабину и начнёт там с ней кувыряться. А потом, поскольку он дегенерат, вспомнит, что ему нечем с ней расплатиться, и его в это время отбуцкают прячущиеся в кустах молодчики девицы, и, поскольку он пьянчуга, то неизвестно сколько времени проваляется в канаве, в отключке... Потом, конечно, придёт в себя, но будет уже поздно, так как Свинцов окончательно околует. И вот это больше всего злило Серёгу: то, что бугаю совершенно ничего не сделается с того, что ему отобьют ботинками все почки (на нём всё заживает, как на собаке), а вот Серёга напрочь замёрзнет, и всё только потому, что этот водила — полностью слабоумный. Его это бесило, но, поскольку как такового бешенства он не ощущал, то Серого это банально пугало.

Так вот, Серёга залез в один из гробов, надеясь, что так теплее будет ехать. И, как будто не прогадал: гроб действительно каким-то странным мистическим образом (таким же мистическим, как и весь этот город, в котором оказался Серый) согревал всё его тело: от пяток и пальцев начиная и ушами заканчивая. К тому же признаков кряхтящих и пошевеливающихся, чтобы выбраться из гробиков, своих бабушки-дедушки он не слышал всё это длительное время, пока пыхтел «дальнобойщик». А этот гад, действительно, так долго полз, словно собирался везти свою фуру сутками, как обычно возят водители дальнобойщиков. Только ездят они не в одиночку, а с напарниками. Очевидно, в одиночку ездят только такие психи, как этот тип. Психи ведь обычно не спят, если за время пути их поклонит в сон; то есть, чтобы какие-нибудь похожие психи не залезли в его фуру и всю её не растащили, то водителям большегрузов совершенно точно нужен напарник.

И из того, что за всё время поездки дедушка с бабушкой не вылезли из своих гробиков, Серый мог судить только о том, что гробокопатели их могилки не тронули. И, если Серому доведётся каким-либо путями вернуться на то же кладбище, с которого его увёз этот грязный поц, то он был уверен, что могилки своих бабушки с дедушкой он обнаружит. А как ему ещё иначе прижиться в этом «загробном мире»? Только так, что помириться с дедушкой и бабушкой, показав им фотографии могил, в которых те похоронены, и жить уже в своей собственной квартире. Тем более, что ехать Серому тепло (гроб обогревает его, словно радиатор с печкой), а когда этот гнус уже приедет и распахнёт створки фуры, то Серый со всей мочи долбанёт ему по яйцам и, пока говнюк будет пытаться отдышаться, Серёга в это время будет рвать когти от его фуры.

И вот, сразу, как только Серый такое подумал, фура неожиданно остановилась, он услышал, как хлопнула дверь кабины, вылез этот хрен и начал блевать. Должно быть, придурка сильно укачало, а блевать в кабине — на это у него мозгов не хватает. Так вот, как только водитель выполз на свежий воздух, то Сергей запищал так, как будто его режут. То есть, сначала он хотел привлечь к себе внимание и одновременно выбраться из гроба, сбросив с него крышку. Но... когда свинцов надавил на эту крышку, то у него создалось такое странное впечатление, словно этот гроб вернулся на какое-то время в прошлое (примерно так же, как вернулся сам Серёга, стоя у себя подле двери в свою квартиру и выясняя отношения с тем потрошителем, который пытался ему объяснить, что деньги, лежащие в том портфельчике, принадлежат не Серому, а ему самому) и лежит теперь, придавленный прочным слоем глины. Вот Серый и перепугался до чёртиков и завопил, как вопит каждый, кого похоронят заживо, но слышно, как над могилой сидит и воет волком его родня, пришедшая помянуть «усопшего».

— Ну чё ты орёшь, — заворчал бас дальнобойщика, — чего орёшь! В ушах уже звенит от твоего визга... Чё, страшно, да? А воровать гробы из моей фуры нестрашно! А тут вдрут пересрал, что его заморозят. Ну да, как же, так я тебе и поверил.

Серый затих, потому что слышал, как отворяются створки его фуры и как слабоумный дальнобойщик продолжает ворчать.

— Ну, давай вылазь! Где ты там спрятался? Я из тебя дерьмо сейчас всё повыбью. Будешь знать, сопляк дерьмовый, как залазить в мою фуру...

У Серого просто душа ушла от услышанного в пятки. «Ну, зачем ты заорал? — корил он себя. — Ты же видишь, что этот тип псих! Лежал бы себе тихо...»

— Что?! — взвыл дальнобойщик. — По яйцам?! А ну-ка ползи сюда, говнюк... Куда пополз?! Стоять, шпана!.. Это мне?! Отвечай! Мне по яйцам будешь бить?! Ах ты ничтожество... Тупой гадёныш... Ты не подумал, чмо, о том, что я отрезал себе яйца, а?! Девок здесь нет, и вот, чтобы не было соблазна умереть от тоски, я себе писюн, чик, и отрезал. Жалко, что ты такой лох и о самом простом, понятном даже конченному дебилу, не подумал!.. Ну, иди сюда! Папа тебя сейчас будет воспитывать...

И дальше бурчание удалялось куда-то в сторону. Куда-то за край дороги.

Понятно было, что этот кретин совсем уже дошёл до ручки — сам с собой разговаривает. Но Сергей опять надавил коленями на крышку. Дело в том, что болтовня этого крейзи так насмешила Свинцова, что он едва не прыснул и не выдал себя. Но, пока его рассмешили выходки пьяного отморозка, разговаривающего с самим собой, то Серёга на какое-то время забыл о том, что уже надавливал на крышку гроба и та не открывалась. Ну, так, словно её, либо заколотили гвоздями, либо и правда придавили могильной землёй. И вот именно сейчас, когда он коленями на неё надавил, она очень легко поддалась. Так, словно Серый опять «перебросился» из прошлого, пока этот пустой гроб лежал в земле, в настоящее. И при этом Свинцов подумал, что он мог «переброситься» буквально на какую-то долю секунды, и за это время надо успеть выскочить из ящика так, чтобы секунда не закончилась и гроб не «перебросило» опять на прежнее место. Не будет же Серёга лежать и ждать, пока эти окаянные гробокопатели не приползут на своей и не начнут свои раскопки?

И Свинцов стремглав выскакивал из фуры и уносил ноги. Отморозка он нигде не видел (кроме того, что удирать, Серый успел так же и осмотреться), но готовился к тому, что этот смерд устроил ему розыгрыш: притворился шизофреником, увидевшим свою вторую личность и заоравшим на неё, а сам это сделал только для того, что ему неохота было лезть в

фуру (может, мороза боялся) и вытаскивать все эти гробовые ящики, уподобляясь Серому, чтобы найти, в котором из них Свинцов прячется. И потом, когда Серёга будет убежать, увидеть его и за ним погнаться.

«Фу, чёрт, — перевёл дух убежавший как можно дальше Свинцов, — как же далеко завёз меня этот шизик? Кстати, о чём он там орал? Блин, это такой дубина, что ни единого слова разобрать невозможно — один сплошной шум!.. И как мне теперь назад возвращаться? ... Пешком, что ли? По дорогам ведь здесь ничего не ездит, кроме этого лунатика на своей фуре!» Сергей действительно находился в шоке. Он представил себе, как сейчас пойдёт пешком, а этот «кладбищенский сторож», поскольку является воображённым Серым «киборгом» (и при этом обворовывает собственное кладбище, как Серый слышал в какой-то крылатой фразе, мол, что охраняем, то и имеем), запеленгует его при помощи своего компьютерного «ясновиденья» и развернёт фуру в обратную сторону. Поскольку с обеих краёв дороги непроходимые дебри леса, то Серому даже некуда будет отбежать в сторону. Эта дорога чем-то напоминала ему какой-то длинный и бесконечный тоннель, на всём протяжении которого бедного Серёгу преследует свихнувшийся дальнобойщик, фура которого скрежещет краями по стенам тоннеля и во все стороны летят искры.

Но на секунду Сергей вспомнил про тот гроб, в котором прятался от леденящего мороза рефрижератора. Ведь ему действительно показалось, что гроб «перебросило» в прошлое, он на какое-то время оказался внутри закопанной могилы, а потом его из прошлого «перебросило» в настоящее. «Вот чёрт! — ещё недовольнее подумал Серый, — почему я не вспомнил про эту «переброску» ещё там, в рефрижераторе?! Потому, что меня напугал какой-то жалкий психопат? Ведь я мог закрыть глаза и вернуться на свежий воздух ещё задолго до того, как фура сдвинется с места! Почему же я так облажался?!» — этого он не мог понять ни в какую. Прекрасно знал, что «жалкий психопат» здесь совершенно не причём, и проблема в чём-то другом, а не в этом бугае с маленькими мозгами, но ничего не мог с собой поделаться. «Наверно проблема в том, что там, в этой фуре, я не сумел бы сосредоточиться. То есть не сумел бы себя «перебросить», а одна неудача — это искра для гряды себе подобных промахов». То есть, Свинцов не хотел честно себе признаться, что, находясь в этом рефрижераторе он боялся, что у него просто-напросто мозги замёрзнут, поэтому не хотел их включать, чтобы принять такое элементарное решение, как «переброска». «Но ведь сейчас, когда я про неё вспомнил, я могу «переброситься» назад, на это кладбище?... Понятно, что в рефрижераторе я просто забыл с перепугу. Переволновался. А сейчас — могу?» И он решил попробовать.

Но с первого раза ничего не получилось.

«Да у меня получилось бы там, в фуре, — был уверен Серый, — потому что я был так зверски напуган, что замёрзну, что сильное желание включилось бы во мне на всю катушку и «выбросило» бы меня из внутренностей фуры. Но, как назло, я забыл про свою «переброску». А сейчас, как ни старайся, но у тебя ни черта не получится, потому что опасности позади. Вот же дьяволова невезуха!»

Когда Серый вспомнил о том, что, если идти всё время по шоссе, то его может начать преследовать фура, он залез в непролазное мелколесье. Ему хотелось как можно дальше отползти от дороги. Просто, чтобы проезжавшая мимо фура случайно его не разглядела и

водитель дальнобойщика не крутнул руль вправо и не покати́л следом за Серёгой, ломая и давя своими огромными колёсами ветки мелкоко́лесья, и грозно гудя ему своей бибикалкой. Понятное дело, что пробираться через это мелкоко́лесье в сторону своего города — суще́е безумие. Если лезть через эти колючки, то за час от силы можно еле как «доползти» сто или двести метров. А фура гнала чё́рт его знает сколько времени. И, как чувствовал едущий в гробу Серый, гнала с какой-то разъярённой скоростью. Наверно боли́д с «формулы-1» — и тот медленнее е́здит.

Поско́льку кущи́ были запуганы вьюнами, как паутиной, то Серёга очень сильно ошибся, что сто метров он успеет осилить за час. Тут надёжнее было остано́виться, свалиться на спину и пусть взбешённое комарьё́ жрёт его хоть поедом, но он полз, он не остано́вливался. Закончили́сь его старания тем, что он запнулся за вьюны, повалился и подвернул себе ногу. И как теперь вправить вывих? Серёга должен был выпрямить ногу и кто-нибудь — дёрнуть его за щиколотку — только так вправляется вывих. Но Серый теперь был в полном отчаянии. Не из-за того, что ногу вывернул, а из-за своей непоколебимой уверенности в поражении: «у меня никогда́ ничего не получится, — повто́рял он это себе как попугай, так, словно оно должно сделаться его жизненным девизом. — Меня здесь комары сожрут быстрее, чем я сам издохну. Только я не понимаю, почему сейчас день? Ведь, когда я гробы́ тягал из кузова, была́ ночь!» И он постарался зажмурить глаза с такой силой, чтобы совершенно́ ничего не было видно. То есть, чтобы опять́ ночь началась. А, когда он их разо́жмурил, то увидать вокруг себя́ ничего не мог. Серому́ показало́сь, что он испугался ещё́ сильнее: того, что сдавил их пальцами́ так сильно, что наверно́ повредил зрение и больше́ ничего́ теперь не сможет увидеть. Но не всё́ так просто, как он сам о себе́ думает. Серёга поднялся, проше́л «вслепую» вперёд и ткнулся в металличе́скую ограду. Тут-то до него неожи́данно дошло, что плети́ вьюнов больше́ не опутывают его ноги, как стволы́ мелкоко́лесья, и он может свободно́ идти. Кстати, а что это за металличе́ская ограда́ такая? Откуда она в лесу́ взялась?...

Только́ сейчас до него дошло, что он на кладбище́. Хотел нача́ть перелеза́ть через ограду́, но вовремя́ огляну́лся назад: увидел памятники́, значи́т, зрение́ восстано́вилось — глаза́ себе́ не по́выдавливал.

Свинцов поше́л вперёд, странно́ удиви́ваясь тому, почему́ не бо́лит его вывихну́тая нога, но не удержался и рухнул в яму. А там была́ по колено́ жижа.

9

Так он и продо́лжал бы лежать неподви́жно, если бы́ сверху́ его не позвал чей-то детский го́лос: «Чего́ развалился, как говно?»

Серый попы́тался посмотре́ть наверх, но было́ темно́ и ничего́ не ви́датель.

— Тебе́ чё́, свет нужен? — недоуме́нно спросил этот детский го́лос и в руке́ тени, которая́ стояла́ на краю́ ямы, резко́ зажёгся какой-то́ безумно́ яркий луч. Потому́ что свет был на́правлен Серому́ в лицо́.

— Ты чё́, тупой? — продо́лжал этот тип, светя́щий в глаза́ ему своим фонари́ком. — Знае́шь, что здесь всё́ почти́ кладбище́ перекопали, но всё́ равно́ попе́рся за своей ба́бушкой-деду́шкой! Ты чё́, колобок на хрен?

— Колобок вроде́ «уше́л» от них, а не «прише́л», — на́конец-то хоть что-то вы́давил из себя́ Свинцов. Он должен был что-то́ такое вы́дать, иначе́ бы этот тип возомни́л о себе́, что

он самый умный.

— Молодец, — самодовольно обрадовался Серёгин собеседник его остроте, — мозги есть. Соображаешь, что ты тоже должен от них уйти.

В яму спустилась раскладная лестница, как оценил Свинцов по свету фонарика. Причём, не просто какая-то лестница, а та самая, которую Сергей недавно вынес из магазина и бросил посреди дороги. По крайней мере, она была очень на неё похожа. И, когда Серый принялся карабкаться по её ступенькам, то его «собеседник» загасил свой фонарик. Вернее, не «свой», а, скорее всего, это был фонарик, который лежал рядом с лестницей, на той дороге. Это всё было неважно. Главное, что после того как Свинцов упал в эту могилу, вывих у него восстановился (карабкаться он мог теперь только одной ногой) и ему есть, кого попросить о том, чтобы дёрнул Серого за щиколотку. То есть, когда он полностью выпрямит ногу. Но, вместо него, лежал только один фонарик. Сергей даже попытался покричать его, но только впустую потерял время. Очевидно, этот подросток сильно высокомерный, поскольку уходил, сильно задрав нос и никак не реагировал на мольбы Сергея. Ему нет дела до его вывихнутой ноги? Он мог бы помочь только сломать её ещё сильнее, а не вправить вывих? (Как сказал тот дальнобойщик, что тех, кто с приветом, постоянно уверены в том, что творят благо, иначе не совершали бы при этом зло.) Серый был уверен, что, даже если бы он ничего не сказал этому подростку про свою ногу, тот и сам был неплохо осведомлён. Ведь как-то же он узнал цель, с которой Свинцов так тянулся на это кладбище! Если судить по его словам: «чего ты попёрся за своей дедушкой-бабушкой? Ты чё, колобок на фиг?»

«Значит, — размышлял Свинцов, — не только один дальнобойщик — не привидение? Ещё и этот вот пацанчик». Из этого можно смело сделать вывод, что, если он вправит свой вывих и продолжит поиски заданных могил, то так же впустую потратит время, как и сейчас, когда пытался докричаться до уходящего подростка. Хотя, в темноте трудно определить, что делал подросток в то время, как умолял его Серый, чтобы вернулся: уходил или продолжал стоять на месте. Как тень.

«Кстати, хорошая идея! — осенило вдруг Свинцова. — Не он тень, а весь этот город — тень. Он тень того города, в котором я родился и прожил до того, пока не забрёл в этот. Вот, как правильно, а не то, что этот пацанчик стоит где-то там, словно претворяется моей тенью».

Потом ему пришла в голову новая мысль, что надо зажмуриться и представить себе, что вокруг светло. «Ведь там я как-то перенёсся из ночи в день. Значит, и здесь у меня тоже получится». И Сергей опять зажмурился, а, когда глаза открыл, то сидел уже не возле лестницы, которая спускается в вырытую могилу, а возле фуры того дальнобойщика и видел, как какой-то мальчишка (он был повёрнут к нему спиной, поэтому он мог быть необязательно мальчишкой, а каким-нибудь плюгавеньким типом, но Свинцов почему-то решил, что то был именно мальчишка) держит в руках ножовку и отпиливает ей голову у этого бугая, который вёл «дальнобойщик».

Сергей должен был успеть заползти за огромное колесо фуры, пока этот малец вообразил себе, что он сидит на дереве, а не на чьей-то спине, и отпиливает ветки, и заползти как можно беззвучней, чтоб его не услышали. Но он так опешил от увиденного, что издал непристойный звук (проще говоря, громко испортил воздух) и работающий ножовкой подросток тут же оглянулся.

— Блин! — пропищал этот подросток, — тебе чё, так сильно приспичило вправить свой дурацкий вывих?! Но, только, он у тебя не в ноге, а в мозг е. Там не мог меня подождать?

Сейчас бы я допилил эту белиберду, вернулся бы и отремонтировал твою ногу. — То есть, это такая же «детсадовская» отговорка, которую использовал Серёга, когда разговаривал с бомжовским голосом (голосом из воздуха) или с дальнобойщиком: «Я не выкидываю, а закидываю гробы в эту фуру», или «я хотел вернуться к твоим капканам не для того, чтобы затащить эту лестницу в пещеру, а, чтобы помочь тебе высвободиться из капкана».

Пока он произносил свою раздражённую Серёгиной «нетерпеливостью» тираду, Свинцов как можно внимательней всматривался в его лицо. Он видел, что этот подросток похож на него, как зеркальное отражение, но так пристально всматривался, словно пытался найти десять различий; как на тех двух одинаковых карикатурах из журнала «Мурзилка».

— И чё ты уставился?

— А на фиг ты его замочил? — проблеял Серый. — А, погоди, дай я сам догадаюсь! Когда сюда пришёл, то он был уже мёртвый...

— Ага, — передразнил его подросток, — и, как ты ему сказал, голову я не отпиливаю, а «припиливаю» назад, так как она отпиленной была уже до меня.

— Нет, а всё-таки! Ну, что он тебе такого сделал?

— А у тебя голова есть? А то, может, тоже «припилить»!

— Я тебя всё равно не понял.

— А ты помнишь, на кого он орал, когда открыл фуру, чтобы тебя вытащить и взгреть?

— Да я вообще не слышал, что именно орал: какая-то чепуха пьяная.

— Думаешь, что сам с собой ругался? — хохотнул подросток. — Ошибочка! Ругался он на меня.

— Ой... — ещё сильнее опешил Серёга, — он же думал, что ты — это я!

— Ну да. Забылся, что здесь подвое всех. Так сказать, каждой твари по паре. Вот и схлопотал. А что, думаешь несправедливо?

— Я не думаю, а просто понять не могу: у вас здесь все такие кровожадные?

— Да это ещё нежно, — опять хохотнул подросток. — Разве это жестокость? Так себе, лайт-версия.

Серый не нашёлся с той репликой, которую можно озвучить на услышанное.

— Ладно, не распускай нюни, — поднялся подросток со спины громилы. — Так уж и быть, вправлю тебе твою лапку, которую ты подвернул!

И он присел перед Свинцовым и протянул к нему свои окровавленные руки.

— А чё ты отодвигаешься, я не понял! Это же не я виноват? А ты! Так?... Это же ты не дотумкал про «переброску», а не я? Тебя этот лох запер в фуре, а ты не додумался тупо взять и переброситься. Так бы он меня не тронул.

— Да откуда я знаю, тронул или не тронул? Я бы «перебросился», а ты бы дальше продолжал лезть на рожон!

— «Я бы», «ты бы»... Ты чё, поцапаться со мной хочешь? — подбирался подросток к Свинцову, не вставая с корточек. — А? Эй, тупоголовый! Отвечай.

— Да нет, — испугался Серый, — я тебе верю: если бы я «перебросился», то ты бы не отвлекал на себя внимание. Потому что тебе надо было, чтобы он остался с носом. Ну, может у вас с ним ещё до меня были какие-то разборки и ты с тех пор затаил на него злобу. Я же не знаю всего? Поэтому и спросил: что у вас ним такое было, за что ты его так.

— Короче, ты веришь во всю эту болтовню. Так?

— Ну да, я же уже сказал... Только что я...

— Ну вот то-то же! Давай сюда свою ногу.

Он взял Серёгину шиколотку, дёрнул и вывих тут же вправился.

— И запомни, — продолжал подросток читать Серому нотации, — никогда не суй свой нос туда, куда собака хуем не лезет! Вкурил?... А теперь сдулся отсюда. Исчезнул!

10

Свинцов решил воспользоваться положением и, пока тот странный (как понимал для себя Серёга, специально загримированный, как гримируется всякий хамелеон, чтобы сбить с панталыку своего противника, перекрасившись во цвет его кожи) тип будет там расчленять тушу дальнбойщика, успеть пробраться вглубь кладбища как можно дальше, чтобы всё-таки сфотографировать бабушкины с дедушкой памятники, а не разбираться по полчаса со всякими проходимцами.

Поскольку подросток напугал Серого очень здорово, то первая попытка «переброски» не могла для него закончиться неудачно. Он тут же «перенёсся» ровно на то же место, где стояла фура дальнбойщика. То есть, имеется в виду, стояла ровно до того момента, как дальнбойщик увёз его на чёртовы кулички и на кудыкину гору одновременно. По идее, после уезда данной фуры, стоять на том же самом месте она вроде бы как будто уже не должна. Поэтому Серёга очень странно удивился, когда на это место перенёсся и увидел, что фура стоит, как будто бы ни в чём не бывало.

«Наверно, — подумал он про себя, — причина в том, что я перенёсся не в пространстве, а во времени. Потому что там, где загримированный «хамелеон» отпиливает сейчас голову, день, а здесь ночь... Я не знаю, может быть, следующий день. Ведь на фуре этот мужик вёз меня так долго, что наверняка мог наступить уже и следующий».

Но на всякий случай Серёга решил себя обезопасить: залезть в кабину дальнбойщика, вытащить из «замочной скважины» ключ, выбросить его. Ну, и на всякий случай, успеть проткнуть его колёса. Не исключено, что в данный момент этот психопат стоит где-то там и мочится на чью-то могилу (дуракам же ведь закон не писан), поскольку, как издали глянул Серый, то в кабине совершенно никого не было. Если судить по такому странному факту, как резко сменяющиеся день и ночь, то, при «переброске» Серёга перелетел конкретно в то время, которое начиналось перед тем, как он должен был залезть в фуру грузовика и начать из неё выкидывать пустые гробы. То есть, чтобы он мог хоть как-то исправить свою оплошность.

И первым делом Свинцов полез в фуру. Либо этот псих уже успел все эти гробы закидать в неё назад, либо это действительно «Серёгино время», и он должен попытаться что-нибудь в нём изменить. Хотя, это и не события таких фильмов типа «Дня сурка», потому что каждый новый день, который предстояло пережить, как предыдущие, совершенно ничем не отличался от прошедшего дня. Как знал Серёга, реальность довольно изменчивая штука и повторов (попыток повторить пройденное с целью исправить сложившееся положение) она не прощает.

Так вот, когда Серый залез в кабину этого дальнбойщика и вытаскивал связку ключей, то за ширмочкой, в глубине кабины, он услышал чьё-то храпение. То, которое в прошлый раз, когда забирался в кабину, чтобы проверить, есть в ней кто или нет, почему-то не наблюдал. И, либо это тот же самый дальнбойщик, либо, за этой шторкой, в глубине кабины, лежит и дрыхнет его напарник. Если это храпит тот же увалень, то так даже лучше, подумал про себя Серый, потому что, когда он будет выходить из проперженного помещения

и захлопнет кабину или, если та захлопываться не будет, закроет её на ключ, то спускать колёса ему никто собственно не помешает.

И вот, он ключ уже вытаскивал, кабинную дверку радостно захлопывал и... подносил к шине заранее заготовленную заточку для протыкания. И абсолютно не ожидал, что сзади него в это время кто-то будет стоять и врежет ему хороший подзатыльник.

Когда он резко обернулся, так и не успев продырявить колесо, то обратил внимание, что за спиной у него стоял всё тот же дальнбойщик.

— Ты чё, совсем уже охренел? — просипел ему мордovorот.

— Что значит «совсем уже»? — не замедлил спросить его Серый, — если Вы видите меня в первый раз!

— Ты чё, блин, debil? — схватил совсем уже взбешённый дальнбойщик Серого за шкварник. — Да я тебя, пса, видел ещё там!

— Где — там?!

— Там, где ты, щенок, отпиливал в это время голову моему близнецу-брату! Чё, хочешь сказать, что память отшибло и совсем уже ничего не помнишь?! Но я-то видел! Хоть и претворялся спящим, но всё прекрасно видел.

— Да ладно привирать! — решил сделать Серёга вид, что совершенно ничего не боится. Конечно, у этого типа на лбу было написано, что он врёт, потому что, если он действительно видел того, кто отпиливал голову «его брату», то не должен был и проглядеть второго такого же (то есть, чтобы не спутать его с первым). То есть, ситуация явно настораживала, но Серый всё равно старательно показывал в себе какое-то отчаянное бесстрашие, хоть и прекрасно осознавал, что разговор ему предстоит по-настоящему суровый (банальным словом «серьёзный» не обзовёшь подобный разговор). — А что ты за руку меня не поймал, дядя! А вдруг это кто-то загримировался и переделался мной, специально, чтобы меня подставить! Самому сделать какую-то хрень, а я — за него отвечай.

Он, конечно, отдавал себе отчёт в том, насколько наивно и «школярски» звучат любые его оправдания. Если уж кто и решил его подставить, то, на его взгляд, на самом деле всё выглядело следующим образом: Вместо дальнбойщика на асфальте лежал манекен, а кровь была в виде краски, и яшень-пень, что эти двое (дальнбойщик с подростком) находятся в сговоре. Плетут против него (Серёги) интриги, хотя Серый ни разу в жизни и не опускался до паранойяльных умозаключений.

— Спрашиваешь, почему не поймал на месте? Да потому, что мне эта фура дороже, чем моя паршивая шкура! Мне надо было отогнать её сюда. Туда, где ей и положено находиться. А если бы я выскочил в то время, как вы сопляки мочите моего братана, то...

— Что значит, «вы»!

— Да то, что ты там наверняка не один был. Вам же фура моя нужна! Вы же пешком перебираться не сможете?... Ха-ха-ха... — посмеялся он над «их» ленивостью и убогостью.

— Не понимаю, что в этом такого смешного! Существует способ «переброски». Хотя, ты наверно деревенщина и не знаешь, что такое телепортация. Поэтому перед кем я распин...

— Сосунок, — нежно, но очень холодно проговорил тот, — я знаю даже такое, чего тебе и не снилось! Только ты не знаешь... Ну, каких-то совсем уже простеньких вещей не понимаешь! Например того, что за паршивую телепортацию с тебя слупят столько-то времени увиденного тобой сновидения и даже не спросят, как фамилия (молча выдернут из твоей никчёмной головёнки все твои неисчерпаемые возможности смотреть радужные

детские сны, и ты даже боли не почувствуешь; даже не почувствуешь такую мизерную боль, как укус комарика). Правда, я не буду тебе уточнять, сколько конкретно времени тебе придётся потом потерять, а то ты покрутишь пальцем у себя у виска, чего хорошего.

— «Просмотренного сновидения»? — странно повторил Серёга это словосочетание, наконец-то заподозрив его в откровенном вранье. — Но хорошо. Допустим, что я тебе верю, но всё равно это не твой брат там был. То есть, не его, как ты выражаешься, «мочили». У тебя, скорее всего, нет братьев, а ты просто лапшу вешаешь мне на уши...

— А кто же это был, по-твоему?!

— Двойник... — неуверенно произнёс Серый, хоть и не хотел всего этого говорить, поскольку не верил собственным словам. — Да, скорее всего именно двойник. Именно это он и был.

— То есть, ты хочешь этим сказать, что мочил не ты, а твой двойник?

— Не это, а то, что сейчас ты или твой двойник лежал в кабине за ширмочкой и «претворялся спящим». Поэтому фиг ты меня надуешь! Надо же — отомстить он мне хотел за брата и побеспокоился о том, чтобы пригнать сюда грузовик-приманку! Вот давай сейчас залезем к тебе в кабину и посмотрим, кто там «храпит», ты или не ты?! Конечно, «ты» храпишь! Ну, как к бабке не ходи! Давай, добряк?! А то у меня даже и ключики вон есть, — затряс Серый связкой ключей.

— Да у меня тоже есть такие, — хихикнул дальнобойщик.

— Что?... — совсем уже запутался Серый.

— Ну, а ты сам подумай: если я перегнал сюда свой «грузовик-приманку», как ты выражаешься, то неужели не догадался бы обзавестись копией ключей? Ась? Или в твою малохольную голову ещё не пришло, что у нас с братом не единственные ключики одного и того же грузовика? Ась? Так вот, если ты такой тугодум, то позволь, я тебе всё доходчиво объясню? Когда ты и твои щенки «грохнули» братца, то не утащили его далеко, чтобы кто-нибудь не нашёл (судя по тому, что здесь никого нет и никогда не бывает), а бросили прямо посреди дороги. Мол, клюйте вороны (хотя, и ворон здесь у нас не существует тоже, не только...), а всё потому, что вам лень тащить его. Не так ли?... Ну, подтверди! Правильно ли я угадал? — всё время лыбился этот тип и весело подмигивал Серому. — А я в это время, не будь дураком, бросил его тело в рефрижератор, соскоблил с асфальта мозги, которые ты, сопляк, постарался как можно площе размазать по нему задним колесом. Мозги я покидал в рефрижератор тоже! Но... гм... не забыл перед этим полезть в братов кармашек и изъять оттуда связку ключей. Теперь понял или нет, как я высвободился из кабины, которую ты, наивняк, закрыл якобы на ключ?

— Гм! Ты, паря, так складно рассуждаешь, как будто и в сам деле всё видел. Но ведь не видел! Потому что твои разглагольствования не сходятся с логикой тобой же рассказываемого. Ну, вот смотри сам: помнишь, ты мне плёл, якобы ты побоялся выйти из кабины и прибить маленького гадёныша, который отпиливает голову твоего брата, потому что, как ты выразился, для тебя «фура дороже, чем твоя никчёмная шкура»? Наверняка ведь помнишь! Но почему же, в таком случае, если, как ты выражаешься, нас было несколько человек (остальные в кустах прятались), то мы не угнали твою фуру? И почему побоялись её исследовать, на предмет того, что в ней может кто-нибудь ещё прятаться? А всё потому, что подросток, который отпиливал голову (может, хотел сделать себе пепельницу из черепа), был не один. Вот этого ты, ну никак не видел. Потому что ты сказал, что он один был. А их там двое было! Одинаковых, как вы с братом.

— В сам деле?

— В сам деле.

— Я понял тебя, старик. Но, боюсь, что сам ты не фига из того, что я тебе перед этим рассказал, не понял.

— Да понял я ещё до того, как ты мне чушь эту всю «разжевал». Только вопрос не в том, понял — не понял, а в том — поверил — не поверил!

— Почему «чушь»?! Ты за языком-то следи!..

— А как можно назвать чью-то брехню правдой?... Ведь, с таким же успехом, ты мог спрятать сейчас напарника «куда-нибудь», а мне наплести про...

— Что значит, «спрятать»?! — побагровел уже тот. — Ты за словами-то следи...

— А это значит то, что, если мы сейчас поедem туда, где, как ты говоришь, соскрёб с асфальта мозги и проверим, то нет никакой гарантии, что ты их соскрёб!.. Но, так что, поедem? Как говорится, доверяй, но проверяй... И ты ручёнку-то от моего воротничка отпусти? А то ткну сейчас тебя, пидаря, этой штукой, — имел он в виду свою заточку, — а потом займусь всё-таки колесом: продырявлю уже его.

— Поехать-то можно съездить, да только я не знаю серьёзность того, с которой ты относишься к моим словам по поводу сновидений. Это же ты сказал сейчас только что — доверяй, но проверяй?

— Нет, не я. Видимо, тебе послышалось.

— Но, раз так, то тогда хорошо, раз послышалось. Тогда можно нам сейчас поехать и съездить. Самим во всём убедиться... Ты как предпочитаешь, ехать внутри рефрижератора? — опять подмигнул ему этот противно лыбящийся тип.

— Это ты к чему сейчас съязвил? К тому, что ехать неохота?! А охота, чтобы я поверил тебе на слово?...

— Да нет. Просто, когда залезешь ко мне в рефрижератор, то можешь в любой момент свинтить. Ведь ты же понимаешь, что там как бы не парилка? Поэтому я тебя и спросил: как ты относишься к тому, что за каждую малейшую телепортацию, ты потеряешь массу энергии, которая дарит тебе видения в процессе сна. Ну, из тебя высосут эту энергию, и ты даже не почувствуешь! Так как, нормально относишься?...

Всё-таки, решили ехать в кабине, а не в «не-парилке».

Когда они приехали на то же место, которое дальнoбойщик, как ему казалось, очень хорошо запомнил, то у водителя данного передвижного средства едва не вылезли глаза на лоб от увиденного. Хотя, чего его, это место, запоминать? Если бы Серёга в прошлый раз ехал не внутри рефрижератора, то даже тогда он в точности был уверен, что на всём протяжении проделанного дальнoбойщиком пути не нарисуеться никакой развилки или какого-либо паршивого перекрёстка. Просто топи педаль, гони на превышенной скорости, поскольку дорога пустынна да одинока как перст (а ещё она настолько пряма, что, если бы можно было подняться, чтоб посмотреть на неё с высоты птичьего полёта, то она так странно будет оттуда выглядеть, словно бы её начертили под линейку) и не сбавляй скорости до тех пор, пока не увидишь точно такую же фуру на горизонте. Кстати, именно это, то, что дальнoбойщик увидел именно такой, как две капли воды похожий, вид фуры, и привело его в такой неопиcуемый шок. Дело в том, что при виде этой фуры он чуть не

вырубился и грузовик чуть не потерял управление. С точки зрения дальнобойщика, вторых таких же фур (вообще, любых передвижных средств) во всём этом мире днём с огнём не сыщешь. Именно поэтому, как ему казалось, «шпана пыталась завладеть его фурой, наивно полагаящая, что, кроме его брата, в кабине никого больше нет». И Сергей хотел ещё раз, повторно спросить у него, почему, если «шпана» действительно так считала, то не угнала его фуру, но не стал повторяться, поскольку у него назрел совершенно другой, ещё более важный вопрос.

— Ты сказал: во всём мире? — прервал его Серёга, пока вдвоём они подъезжали к фуре.

— Да, я так мать твою сказал, — харкнул дальнобойщик в окно. — Конечно, если тебе не послышалось, что я говорю про голых баб! Вам ведь в этом возрасте во всём слышатся разговоры про голых баб...

— Нет, не про... тьфу... Ты говорил про весь мир так, как будто бы имеешь точное представление о том, про что говоришь. Вот я и подумал: Может, ты так же хорошо знаешь и о том, что это за мир?

— Га-га... — опять заржал дальнобойщик над его неосведомлённостью. — Хочешь сказать, что ты один всей этой галиматии не знаешь?! Вот уж в жизнь бы не поверил...

— Если бы знал, то не спрашивал.

— Тебя откуда «перебросило» сюда? С Земли? Если ты скажешь, что с Луны «упал», то я тебе зубы выбью! И не посмотрю на то, что карапуз...

— С Земли, конечно...

— Вот и я тоже думаю, что с Земли... А что это по-твоему, как не Земля? Какая ещё может быть планета, если, конечно, ты видел здесь свой городишко, в котором у тебя имелось укромное местечко, в котором можно спрятаться от посторонних глаз и помастурбировать вдоволь.

— Твой «брат» точно такое же говорил про «тебя». Но я не хочу сейчас переходить на личность. Я просто интересуюсь... Это что, какая-то копия Земли, которая затеряна где-то глубоко в космосе? Извини, что я именно об этом у тебя спрашиваю, а не о голых бабах. Извини, если у тебя челюсть вывихивается от зевоты — говорить со мной о такой невообразимой ерунде. Ну, о том, что, как тебе кажется, даже ежу понятно. Но я именно про другие планеты спрашиваю не просто так, а только потому, что сам пользовался такой штукой, как «телепортация»...

— Сынок! — высокомерно прогудел Серому водила. — Это не «черепольтация», или как там называется эта хрень... В общем, это не трепанация, а перемещение в другое измерение, дятел! Теперь хоть дошло?

— Не очень. Какое ещё блин измерение...

— Измерение... — Объясняю специально, как для особо сообразительных... — это граница между разными временами! Ну, например, при «переброске» ты можешь перенестись на полсекунды назад или на пол-вперёд, неважно: можно даже на несколько секундных делений переместиться, но это всё равно будет уже совсем другое время, другой мир, то есть, как ты сам понимаешь, то никого, кроме своей одинокой тусовки (к примеру, вы «перебросились» вместе с твоими «девочками») не увидишь, как не напрягай зрение. Даже самого паршивого насекомого не найдёшь! Не только...

— Это что же, ты, получается, мне лепечешь какую-то банальщину про машину времени? Ещё ты намекал на то, что за «переброску» эта «машина» высасывает из меня какую-то энергию... вспомнить точно, энергию, которая приносит видения всякому

заснувшему живому организму.

— То есть, ты мне не веришь? — опять загоготал этот краснобай, который во время поездки слишком часто закладывал за воротник. — Ну, я так и предполагал. Ты не веришь, а тупо не понимаешь. В твоём сопливом возрасте ещё нельзя верить, либо не верить. Можно только принимать к сведению и учиться; слушать, что буровят тебе старшие и запоминать.

— Но, может, объяснишь? Почему это ты так легко отсёк мою версию с...

— С другой планетой? — договорил за него дальнобойщик. — Ну, дружок, это очень просто проверить. Конечно, если у тебя есть ассоциативное мышление и ты умеешь понимать в том случае, когда тебе приводят банальные примеры. Вот представь себе, видел или не видел ты одинаковые человеческие лица? Ведь не бывает же такого, правильно? Причём, я тебе скажу, что за всю историю существования человечества не было идеально похожих людей, но только ты не перебивай, а дослушай предельно внимательно. Я тебе просто хотел сказать, что природа — это часть космоса, поскольку «работает» она не на бензине, а на простой воде. То есть, если космос — это зона вечной мерзлоты, то тебе, надеюсь, понятно будет, что происходит при таянии льдов. Если нет, то объясню крайне доступно: происходит «работа» природы нашей чёртовой планеты. И вот, если ты сейчас понял, что я тебе здесь набрехал, то ответь мне, будь так добр, почему, если на Земле ничего одинакового не существует, должно существовать в космосе? Разве Земля — это не часть космоса?... Или она чем-то таким должна отличаться, мать её?... Если ты понял, про что тебя спрашивают, то конечно скажешь «нет»: «нет, не должна».

— Ну да, — согласился Серый со слишком уж убедительной (убедительной настолько, что прямо подозрительно) речью дальнобойщика. — Но, ведь, и в это, не только в то, что сказал ты, до этого, тоже верится с очень большим трудом. И не просто «не верится», а кажется невообразимой ерундой, от которой, как я давеча сказал, зевота вывихивает челюсть — такая тоска зелёная берёт, когда её слушаешь, что лучше бы вместо всей этой чепухи поболтать про твоих любимых голых баб...

Только сейчас Серёга понял, в чём дело: этот тип приводит изумительные аргументы только тогда, когда говорит о чём-то отстранённом (например, о космосе или обо всей природе Земли-планеты), но стоит только ему начать разговаривать о себе-любимом, как из его уст тут же доносится невозможная хрень. Например, то, что он сам не верит в то, что «шпана» собиралась угнать его фуру.

— Дак ты просто не слушай, — ответил ему дальнобойщик, — ты смотри. Например, тебе не кажется столь изумительным то, что, где бы ты ни появился, везде — одна сплошная пустынная планета — и ни единой живой души... О, вот мы уже и подъезжаем. Готовьтесь на выход, мой юный друг... Потому что я выйду тоже, а не только останешься в кабине один ты... В общем, объясняю, как для тугодумов... Ого?! — воскликнул дальнобойщик, увидевший то, что в том месте, где, по его собственной логике, лежал брат-близнец, нет не только одного его туловища, но и следов «размазанного по асфальту головного мозга», который, как ему представлялось, до этого он соскрёб лопаточкой с асфальта. То есть, по логике вещей, хоть какие-то следы от «недоскреблённого» присутствовать, но должны. А их нет! Ветром что ли сдуло?... Дальнобойщик опять встал в позу фомы неверующего — не доверял тому, что видит. Но злорадный Серёга однако в это же время противно хихикал, но не из-за проигрыша дальнобойщика в споре, а из-за кое-чего совсем-совсем другого.

— Ну ты-то хоть не смейся! Понимаешь же, что мне сейчас не до твоего смеха!

— А что тебя так огорчает?...

— Да поганцы эти все... шпана вся эта ваша паршивая!

— Опять что ли старая песня? Я же говорю: на тебя я могу точно таких же собак, как и ты на меня, навешать! Неужели ты хоть этого не понимаешь? Зациклился на какой-то шпане и повторяешь всё время одно и то же, как заведённый. Не достало чай ещё?

Серёга конечно понимал, что это такая патовая ситуация, каждый участник которой желает остаться при своём мнении, но продолжал имитировать слишком уж насмешливое состояние духа. А, с другой стороны, что же ему теперь — плакать?

— Но ведь фура, — выскочил дальнобойщик, даже не пригласив Серого последовать его примеру (он наверно так опешил, что у него даже из головы уже вылетело), — в точности моя с братаном! Я даже залезу сейчас в её кабину...

— Да-да! — теперь уже по-настоящему весело хохотнул Серый, стремглав перескочив на его водительское кресло, хоть и знал, что это дурная примета — не выйти из машины и не обойти её для этого стороной, — и погоняешься за мной на этой его фуре!

Серёга был не просто так самонадеян, а только потому, что нисколько не сомневался в том паренёке, которого он оставил отпиливающим «данному бугаю» голову. Он был уверен, что паренёк выкачает весь бензин из бака тягача, перевозящего фуру. Выкачает и выльет где-нибудь недалеко в лесу. Для чего сделает именно это? Наверно для того, что, если этот гад, по предположению Серого, постепенно становящегося ушлым, покуда живёт здесь, в этой «вселенной» (если можно её так назвать), является кем-то вроде бессмертного, — то есть, если он за то время, пока паренёк его разделявал, каким-то образом успел уже воскреснуть и начать разыскивать свою вторую ипостась, так как у типа — явно налицо раздвоение личности, — то, чтобы не успел оседлать кресло своего грузовика, а вытащил из него канистру и спокойно почапал пешочком по дороге, куда-нибудь в сторону бензозаправочной станции... Хотя, канистры одной явно не хватит!.. Так вот, если этот чудило туда пойдёт, то, как вообразил себе Серёга, паренёк материализуется из ниоткуда и... сделает так, чтобы фура этого типа взлетела на воздух. Серый полагал, что подросток умеет это делать. То есть, учить его или объяснять, как себя вести в той или иной ситуации, подростку не надо.

— О, чёрт! — влупил Серёга себе по лбу, когда отъехал от дальнобойщика на почтительное расстояние. — О самом главном-то я его так и не спросил: зачем и для чего они гробы крадут из кладбища или из того морга!.. А, наверно, из-за того, что у этого придурковатого дальнобойщика раздвоение личности. Больше не из-за чего. Он же псих? Вот и командует теми работягами, которые видимо считают его великим гением. Ну, многих умалишённых считают гениальными личностями... Кстати, и фуру я у него угнал не потому, что он не верит в то, что у «шпаны» навязчивая идея её угнать... именно её. А угнал я её только потому, чтоб этот идиот не «перебрасывался» на ней в нашу реальность и не выкапывал оттуда гробы только потому, что он сам не отдаёт себе отчёта в том, что вытворяет.

— Ты действительно считаешь, что у него раздвоение личности, так как он бессмертный, а не тупо потерял своего близнеца-брата?

Сергей чуть не проглотил язык... Рядом с ним, на соседнем креслице, сидел его двойник. Получается, что он сейчас говорил всё это вслух, а двойник в это время тихонько сидел и его слушал.

— А чё, ты не будешь этого дальнобойщика контролировать?... Ну, чтобы он не наделал

каких-нибудь фортелей...

Но тот ему ничего не ответил. Так продолжал сидеть молча, пока Серый вёл этот грузовик. Только всего один раз он раскрыл свой рот, после чего уныло замолчать пришлось уже Серёге.

— Ты знаешь, кто спёр твои деньги?... Конечно же, я! А кто ещё, кроме тебя, знал о том месте, куда ты их занычешь. Но ты не обижайся. Просто ты проштрафился...

Ага, как будто он хочет сказать, что вернулся в прошедшее время (вернулся именно тем образом, о котором до него «философствовал» выпивоха-дальнобойщик) и спёр все его деньги! А спёр их не до того, как Серёга попал в это «измерение». Как будто трудно было спереть Серёгины деньги ещё до этого? Но Серёга не собирался с ним спорить.

12

Впервые ему в голову пришла такая мысль. О том, что надо попробовать совершить «переброску» не в какое-либо другое место внутри того ограниченного пространства, где он находится, а «телепортироваться» на другую планету. Причём, эта мысль ему в голову пришла не сразу, а только после того как он немало помотался по Земле и понял, что жители этой странной реальности материализуются только тогда, когда им самим что-то надо от Серого, а не наоборот. Например, если он проштрафится.

Конечно, он понимал, что «переброска» на другие планеты — это очень большой риск, но ничего не мог с собой поделаться: здесь у него уже всё потеряно. Потому что в ту пещеру, куда он провалился, Свинцов вернуться больше уже не может. Дело в том, что этот мир, в котором Сергей находится, считается загробным, то есть миром смерти. А, как известно, доступ из мира мёртвых в мир живых закрыт, а открыт он только наоборот, поскольку в мир мёртвых попасть очень легко (способствуют любые попытки суицида), но невозможно оттуда выбраться. И неизвестно, с кем или чем надо договариваться, если тебе «посчастливилось» переброситься в этот мир посредством телепортации. Со жнецом, что ли? Но Серый не был точно уверен в том, что такое существо, как Жнец (или в просторечье, Старушка с косой), действительно существует. В противном случае Серёга может попробовать «переброситься» в самые дебри леса, где, согласно его воспоминаниям, стоит избушка на курьих ножках, чтобы сказать ей: «Избушка-избушка, повернись к Свинцову передом, а к лесу задом», а потом, когда из отворившей дверцы выползет старая карга, недовольная тем, что какие-то обалдуи пошевелили избушку и она (карга) проснулась (ведь карга так долго эту избушку муштровала, чтобы та приучалась игнорировать всяких проходимцев, но избушка такая же тупая и непослушная, как сама карга), то спросить у неё, где здесь кощей бессмертный, дескать мне надо в ту сторону «переброситься», чтобы проверить, что он существует действительно. То есть, мол, мне надо как-либо его застрелить, просто, от не фиг делать — чтобы удовлетворить своё любопытство, а искать яйцо, в котором игла с кошеевой смертью, мне и подавно некогда. — Естественно, что такого никогда не будет, поскольку запомненную Сергеем «каргу» играет артист по фамилии Миляр, и в связи с этим нет никакой гарантии, что у Серого хоть что-то получится.

Так же не получится, как удачная переброска на другую планету. Формально, конечно, «переброситься» можно, но нет никакой гарантии, что он там выживет. Даже несмотря на то, что Свинцов находится в загробной жизни, находится в ней он нелегально и, если на любой из инопланетных поверхностей будет только одно сплошное безвоздушное

пространство и зона вечной мерзлоты, то Серёге придётся опять поискать где-нибудь поблизости какой-нибудь гробик, как там, внутри рефрижератора. Только тут есть некая разница: если Свинцов действительно пребывает в загробной жизни и попадает в ней в рефрижератор, то только один гроб его и согреет. Другая же планета не считается «загробной жизнью», поэтому, если к примеру вернуться в тот рефрижератор и прихватить с собой гробик (сунуть его подмышку), то нет никакой гарантии, что в зоне вечной мерзлоты гроб его спасёт и Серый успеет спрятаться в него и согреться, как, наверно, согревается в нём любой вампир. То есть Серёга рискует тем, что распадётся на молекулы, и собрать всё это дело назад будет некому: смести веничком и сгрузить в совочек. И никакие доказательства, мол он существует в загробной жизни и посему бессмертен, поскольку прятался в гробу как вампир, ему не помогут.

И он попробовал «переброситься». Только на самом деле он ничего не пробовал, потому что «телепортация» удалась у Серёги с первой же попытки. Ему казалось, что он очень хорошо запомнил то место, которое показывали по телеку, по поводу высадки на Луну американских космонавтов. Только, когда свинцов там оказался, на этом месте, которое он запомнил, то сильно удивился тому, что со всех сторон его окружали стены и лунной поверхности, как таковой, не было видно и в помине. Если это действительно была Луна, то, очевидно, на месте посадки астронавтов построили какую-то будочку, и Свинцов этого не учёл. Потому что в стене торчала дверь, которая открывается вовнутрь, и Серый несколько раз подёргал за ручку, да всё впустую. Дело в том, что, когда он за эту ручку дёргал, то слышал, что с обратной стороны брэнчит навесной замок и бьётся о дверной косяк.

Серёга, что есть силы, заколотил в дверь и заорал; может быть, кто услышит и отопрёт. А то просидеть в этом пустом «гараже» Серёга может так же долго, как сидел бы в том рефрижераторе. Гаражик, правда, был не маленький, а довольно продольный, где-то сто или двести метров во все стороны; то есть, если считать Серёгиными шагами. Вместо того, чтобы паниковать, Серёга должен был радоваться тому, что его не разорвало на мелкие ленточки от давления; от прямого проникновения в космическое и безвоздушное пространство. Но сейчас ему было не до веселья, громко верещать «ура» он не собирался, поскольку не был в точности уверен, что находится именно на Луне, а не где-нибудь в зоне-51, где, по предположению многих, эти самые космонавты собственно и высаживались. Только непонятно, зачем именно над местом их высадки какие-то болваны надстроили эту невысокую, но прилично длинную будочку. Это что, получается как памятник? Наверно, с обратной стороны стен этого гаража написано пояснение, с какой конкретно целью его построили. Примерно такая надпись: «Здесь расположен кусочек лунной поверхности, специально пересаженный с луны. Его пересадили именно с того места, где в 1961 году на Луны высадились Нил Армстронг и группа остальных американских космонавтов».

Пока Серый долбился и вопил, то он не заметил, как дверь, в которую он ломится, переместилась на совершенно противоположную сторону гаражных стен. Он не слышал, как там забрэнчали с обратной стороны ключи, как щёлкнул замок и дверь открыло какое-то зелёное существо, формой строения тела похожей на человеческую, но с треугольной головой. Короче, существо выглядело в точности так, как на карикатурах рисуют «зелёных человечков» с антеннками.

— Эй, ты, — пропищало существо своим ужасным и режущим слух голосом гуманоида, — чего вопишь?

То есть, голос был настолько противен на слух, что не слышать его или пропустить

мимо ушей было невозможно. Серёга тут же перестал барабанить в дверь и повернулся.

— Ну, чтобы меня выпустили.

— Дак для этого, — пояснило существо, — в дверь надо колотиться, а не в стену.

Понимаешь же, где дверь находится?

— Эй, подождите, — неожиданно опомнился Серёга, — а как вы разговариваете?! Вы что, на всей Луне говорите только на русском? А то я мог бы тут у вас остаться. Я думал, что у вас воздуха не будет и меня тут разорвёт во все стороны!

— Что значит, воздуха не будет? Я тебя не понимаю.

— Ну, я с Земли! — радостно пояснил Серёга. — Видел в небе голубой такой шарик? Так вот, я оттуда.

Он сказал это только потому, что был в точности настроен на то, что гараж, в который он попал, стоит именно на Луне. Не на Марсе, не на Юпитере...

— На Земле не существует жизни! — безапелляционно ответило существо. — Только на одной нашей планете во всём космосе.

Ну да, так же, как тот дальнобойщик, который был уверен, что второй такой же фуры (или любого передвижного средства) не существует во всём этом мире, в котором он живёт. И именно из-за этого своего заблуждения он тронулся умом, когда переместился на внешнюю сторону загробной жизни и ему пришлось (видимо, из-за зависти) начать выкапывать гробы и похищать трупы из морга.

— То же самое думают и земляне про свою планету, — решил Серёга начать острить своему собеседнику. — Про то, что она одна в целом космосе. И то, что они ещё не разобрались, какая она по счёту «одиночка» — первая или последняя.

— Что-что? — начало существо подходить к Сергею всё ближе и ближе.

— Ну, я хотел сказать, — вежливо пояснил он, — что не разобрались, которая из обитаемых. Или Земля раньше всех зародилась, как «жилой дом», или все остальные планеты повымерли под бременем апокалипсиса, и очередь осталась только за одной Землёй.

— Всё равно я тебя не очень хорошо понимаю, мальчик...

— В каком смысле?

— В том, что ты городишь чепуху. Луна — действительно единственная из всех обитаемых. Это и ежу понятно, поскольку мы облетели все планеты, которые существуют.

«Облетели все планеты?! — Серого это очень сильно заинтересовало. — То есть, он имеет в виду, что облетели на своих летающих блюдцах? И то, что, чтобы точно в этом убедиться, любой может «оседлать» таковое блюдце и погайсать по планетам сам? Или они верят друг другу на слово?»

— Но как же, — возразил Серёга, — а разве я на инопланетянина не похож?

— Если тебя интересует моё собственное мнение, — проговорило ему на это существо, подошедшее теперь вплотную, — то я считаю, что ты вырядился, но сам инопланетянином не являешься.

Сергей начал пятиться от подошедшего назад.

— То есть, на слово ты мне не веришь, — произнёс он, — так как у вас тут на Луне никто не верит друг другу на слово.

— Вот видишь, — ухмыльнулся гуманоид, — всё-то ты знаешь. А говоришь, что инопланетянин...

— То есть, ты желаешь меня проверить? — не переставал пятиться от странного

существа Серый. — Ну, там, содрать например шкуру с меня. Сдать на опыты. Мол, если в лаборатории покажет, что скелет чуждого вашей науке происхождения, то ты свыкнешься с тем, что был не прав.

— Как удивительно, — усмехался гуманоид, вперившийся в Серёгу взглядом, — ты прямо читаешь мои мысли, паренёк! Именно это, всё, о чём ты сказал, я собираюсь делать.

— А ты не возражаешь, если мы заключим сейчас с тобой маленькую сделку? Ну, так сказать, баш на баш.

— Да легко! — пожал плечами остановившийся гуманоид. — Почему бы и нет. Только я не знаю, о чём ты. Ты денег, что ли, хочешь мне предложить? Откупиться? — засмеялся этот «лунатик». — Думаешь, что если мне заплатишь, то я с тобой соглашусь и продам всю ту правду, в которую мы свято верим?

— Нет, — отмахнулся Сергей, — совсем не про это!

— А про тогда? Ты прямо заинтриговал меня! Прямо аж не на шутку. Чем же ты ещё можешь оправдать свою предательскую ложь?

— Тем, что сначала я должен сам во всём убедиться. То есть, сесть на звездолёт, погайсать по всем планетам... Ну, в общем, ты понимаешь! Вдруг ты сам стоишь сейчас передо мной и брешешь мне тут, как собака?

— Что значит, брешу?

Странно! Почему он не спросил, «что значит собака»?

— Это значит, что шутишь, — вежливо улыбнулся Серый. — Значит, разыгрываешь.

— Да пожалуйста, — усмехнулось самодовольное существо, — садись на свой дурацкий звездолёт и проверяй, хоть до посинения. Всё равно же в конечном итоге выяснится, что прав Я, а не ты, жалкий мальчишка.

— Но, ведь, ты же видишь, что я заперт? О чём это тебе говорит?

— О том, что ты попался и никуда отсюда не выбежишь? — попытался угадать гуманоид.

— Нет, о том, что это несправедливо: поймать своего противника в ловушку и воспользоваться его безвыходным положением.

— А, я тебя понял! — засмеялся гуманоид. — Из твоего детского и неуклюжего лепета видимо следует, что у тебя нет при себе звездолёта, покуда ты заперт! Так?

— Ну, как бы да, — нехотя ответил Серый.

— Ну, это не вопрос! — хохотнул гуманоид. — Могу предоставить тебе свой. Хотя, обзавестись собственным звездолётом и полететь в любую сторону галактики для истового жителя Луны не проблема, но, раз мы спорим, то на — держи, — метнул он ему связку ключей, при помощи которых, видимо, можно открыть даже и дверцу в этом гараже. — Но, только, долго смотри не пропадай. Ну просто, чтоб, если что, тебя не объявили в розыск и не и не искали как вражеского шпиона, вероломно пролезшего на нашу совершенную планету.

Сергей Свинцов поднимается на звездолёте и нажимает на кнопку пуска. В этот момент из звездолёта должна была вылететь ядерная бомба, чтобы упасть на его город, взорваться и расплыть взрывную волну как можно дальше и дальше от своей воронки. Но бомба всё не выбрасывалась и не выбрасывалась, как бы долго Серый не жал на кнопку. Застряла она там, что ли? Как запор в заднице, который не пройдёт несколько суток подряд.

Сергей смотрел на экранчик монитора, пытаясь разобраться. Вдруг на нём засветится какая-то надпись, которая всё объясняет? Но, вместо надписи, появилось собственное Серёгино лицо.

— Ты чё там делаешь? — недоумённо уставился на него Серый. — Как ты туда попал?

— Я нахожусь внутри бомбы, — пояснило ему лицо этого подростка.

— Ты чё, дурак? — опешил Серый. — Ты же разорвёшься вместе с ней!

— Я знаю, — улыбнулось лицо. — Но, как видишь, я её удерживаю. Могу сбросить, а могу и остаться.

— Серьёзно, что ли?

— А хочешь, я могу с этой бомбой «переброситься» в ваш мир, — продолжало бахвалиться это самоуверенное лицо.

— Нет, не надо!

— А что так? Ты хочешь этот взорвать и туда вернуться? Переброситься вместе со своим НЛО, так как инопланетянам открыт доступ на Землю. Ну, красава — нашёл хитрый выход из банального лабиринта: если из загробной жизни невозможно вернуться назад, в тот мир, из которого тебя «перебросило», то «перебрасываешься» на любую из других планет, так как на них открыт свободный доступ, потом «перебрасываешься» назад в загробный, бомбишь его весь, и назад — на ту же планету, чтобы вернуться на Землю. Ты чё, дятел, решил, что ты самый умный?!

— Ну, не надо наш!

— Но, ведь, ты не знаешь, в каком из двух миров на самом деле находишься. Может, нашего мира даже и не существует, а ты находишься в сумерках. И сразу, как ты взорвёшь, погибнет часть твоего настоящего мира. Но ты всё равно уверен, что ваш взрывать не надо. Правильно я тебя понял?

— Вообще не надо сбрасывать эту бомбу из звездолёта.

— Но, ведь, ты на кнопку уже нажал. Если ты хочешь, чтобы бомба не падала, то я могу только сам её удерживать. Однако же ты понимаешь, что до конца жизни удерживать я её не могу? Потому что моя жизнь закончится, а существование бомбы — нет.

— Да мне просто лапшу на уши вешаешь! Я тебя понял!

— Может, ты предпочитаешь, чтобы я доказал, что это не так? Хочешь, чтобы бомба уронила?

— Но ты же мне плёл, что весь ваш мир — это виртуальная реальность типа искусственного сновидения, которое снится зомбированному людоеду. Ну, короче про то, что вся эта хрень, в которой ты родился и вырос, «живёт» внутри компьютера. И если бомба, как ты выразился, уронится, то ваш мир пострадает одинаково, потому что взрывной волной разбубенит все компьютеры.

— Не знаю — не знаю. Я почему-то уверен, что родился и вырос не в компьютере Я, а

вот в тебе не уверен. Это ваш средненький мирок — виртуальная реальность.

— То есть, ты хочешь сказать, что загробный мир — это не вы, а мы! — усмехнулся Серёга.

— Но зачем ты хочешь его разрушать? Хочешь, чтобы люди после смерти так же разрушались и проваливались в небытие?

— Много ты знаешь!.. Вдруг мне не просто удастся разбить весь мир смерти, а и всю смерть стереть? Может, после моего подвига люди перестанут умирать? Что ты на это скажешь, умник!

— То, что тебе, дебилу, для этого нужно подвзорвать только одну старушку с косой и вовсе незачем бомбить весь мир, который она создала. А вдруг волна обойдёт её по касательной? А так ты к ней подканаешь, сунешь под капюшончик в черепушку ей свою лимонку и, глядишь, дело сделано. Через овал в глазницу поди удастся её пропихнуть?

— Старушка с косой — это миф. Не более, чем рекламный ролик. И это не она создала смерть, а наоборот — после популяризации такого явления как смерть, создали тренд — картинку со жнецом! Не так ли, острослов?

— Конечно, не так!

— А чем докажешь?

— Хотя бы тем, что у тебя кишка тонка перебраться из мира мёртвых в мир живых. А у меня это получится легко и просто.

— И это всё твоё доказательство? — насмешливо проговорил Серый.

— Но ведь ты забыл, кто спёр твои деньги в школьном портфельчике. Поэтому, если ты хочешь «переброситься» назад, то не вопрос — я помогу тебе что угодно устроить. Но помогу только с одним условием: я перенесу туда весь твой звездолёт... В общем, бомба долбанёт, так как по неосторожности на кнопку пуска ты уже нажал... Ну, в общем, ты приземляешься, но на совершенно пустую Землю, которую размело волной ядерного взрыва, и радиация там не утихнет ещё очень и очень долго. Принимаешь условия?

Но Серый решил отреагировать так же, как отреагировал этот подросток, там, в кабине грузовика. То есть, Свинцов решил «ехать» молча. И пусть этот тип сам принимает свои собственные условия, если ему не надоест. Дело в том, что Серёга действительно был уверен, что школьный портфель увёл у него именно этот поц, и он не «прикадывается», а в самом деле украл его деньги. И, если бы он не умел перебрасываться из мира мёртвых в мир живых, то никаким другим способом украсть Серёгины деньги ему больше бы уже никак не удалось.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

notes

[1] «Зомби» — таким словом автомобилисты обзывают многочисленных пешеходов, блуждающих по проезжей части или переходящих дорогу в неполюженном месте, воспользовавшись тем, что на дороге затор.